

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5

ISSN 1996-7853
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

129 Babushkina st.,
Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 13, № 5
2018

Vol. 13, No. 5
2018

Гуманитарный вектор

Издаётся с 1997 г.
Выходит пять раз в год

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых
должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
учёных степеней доктора и
кандидата наук: *философские,
филологические, исторические
науки и археология*

Направление номера журнала
Филологические науки

Авторы несут полную
ответственность за подбор и
изложение фактов, содержащихся
в статьях; высказываемые взгляды
могут не отражать точку зрения
редакции

Редакция журнала руководствуется
положением Гражданского кодекса
РФ по авторскому праву,
международным стандартом
редакционной этики, лицензией
Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала
в «Пресса России» **42407**

**Размещение и индексация
журнала**
CrossRef, ERIHPLUS, Index
Copernicus, Ulrich'sPeriodicals
Directory, Citefactor, JIFACTOR,
Journal Factor, Google
Scholar, WorldCat, НЭБ, Соционет,
Znanium, БиблиоРоссика,
Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка,
Университетская библиотека
онлайн, IPRbooks

Редакционная коллегия

Главный редактор

И. В. Ерофеева, доктор филологических наук, доцент

Выпускающие редакторы

Ц. П. Ванчикова, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);

М. В. Пименова, доктор филологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)

Б. В. Базаров, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);

Батмаз Вейзель, доктор наук, профессор (Стамбул, Турция);

Т. В. Бернюкевич, доктор философских наук, доцент (Москва, Россия);

Андре Буржо, доктор социальных наук (Париж, Франция);

Бэррон Келли, доктор наук, профессор университета Луисвилл (Штат Кентукки,
США)

Т. В. Воронченко, доктор филологических наук, профессор (Чита, Россия);

М. И. Гомбоева, доктор культурологии, профессор (Чита, Россия);

З. К. Дербишева, доктор филологических наук, профессор (Бишкек, Киргизская
Республика);

В. С. Диев, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);

Жамбалын Цэцэгма, доктор исторических наук, профессор (Монголия);

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Москва, Россия);

Е. Ю. Захарова, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);

В. К. Зубарева, доктор филологических наук, профессор (Филадельфия, США);

Т. Ю. Игнатович, доктор филологических наук, доцент (Чита, Россия);

Изухо Масами, доцент (Токио, Япония);

А. А. Камалова, доктор филологических наук, профессор (Ольштын, Польша);

В. И. Карасик, доктор филологических наук, профессор (Волгоград, Россия);

В. В. Колесов, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург,
Россия);

М. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия);

В. А. Маслова, доктор филологических наук, профессор (Витебск,
Белоруссия);

Б. Я. Мисонжников, доктор филологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия);

С. А. Михайлов, доктор политических наук, профессор (Сыктывкар, Россия);

А. Н. Новиков, доктор географических наук, доцент (Чита, Россия);

Н. С. Розов, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);

Грег Саймонс, доктор наук, доцент (Уппсала, Швеция);

Д. В. Сергеев, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);

Сонг Чжон Су, доктор филологических наук, профессор (Сеул, Корея);

Д. Л. Стровский, доктор политических наук, профессор (Ариэль, Израиль);

Д. В. Трубицын, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);

М. Н. Фомина, доктор философских наук, профессор (Чита, Россия);

Граля Хероним, доктор исторических наук (Варшава, Польша);

И. В. Черникова, доктор философских наук, профессор (Томск, Россия);

Чжао Сяобин, доктор литературы, доцент (Баодин, КНР)

Ответственный секретарь

Е. В. Седина, кандидат культурологии

Редактор О. Ю. Гапченко,
редактор перевода В. М. Ерёмина,
вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 13.10.2018.

Дата выхода в свет 20.10.2018.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура "Arial".

Способ печати оперативный. Заказ № 18143.

Усл. печ. л. 13,7. Уч.-изд. л. 11,9.

Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).

Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

Тематика журнала связана с *ключевыми смыслами, ценностями и артефактами культуры*. Данный выпуск представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей по русской и зарубежной филологии, языкознанию, языковой картине мира и медиалингвистике. Также в журнале представлены материалы российских и зарубежных авторов по востоковедению, освещающие проблемы литературы и языка, материальной и духовной культуры стран Востока.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

© Забайкальский государственный университет, 2018

Humanitarian Vector

Founded in 1997
Published five times a year

Gumanitarnyi Vektor

Editorial Board

The journal is registered

by the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology and Mass
Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed
scientific journals and editions
which publish the main results
of dissertations for academic
degrees of doctors and candi-
dates of sciences: *Philosophical
Sciences, Philological Sciences,
Historical Sciences and
Archeology*

Journal Issue direction

Philological Sciences

The authors are fully responsible
for the selection and presentation of
the facts contained in their articles;
the views expressed by them may
not necessarily reflect the views of
the editorial board

The editorial board is guided by
the provisions of the Civil Code of
the Russian Federation on Copy-
right, International Editorial Ethics
Standards Creative Commons
license "Attribution" ("Attribution")
4.0 universal

Subscription index of the journal
in "Press of Russia" **42407**

Journal placement and indexing

CrossRef, ERIHPLUS,
IndexCopernicus,
Ulrich'sPeriodicalsDirectory,
Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor,
Google Scholar, WorldCat, RSC,
Sotsionet, Znanium, BiblioRossika,
Arbikon, IVIS, KiberLeninka,
Universitetskaya biblioteka onlain,
IPRbooks

Editor-in-Chief

I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Main Handling Editor

Ts. P. Vanchikova, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia);
M. V. Pimenova, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia)

B. V. Bazarov, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia);
V. Batmaz, Doctor of Sciences, Professor (İstanbul, Turkey);
T. V. Bernyukevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Moscow, Russia);
Andre Bourget, Doctor of Sociology (Paris, France);
Baron Kelly, Doctor of Sciences, Associate Professor (University of
Louisville, Kentucky, USA)
T. V. Voronchenko, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia);
M. I. Gomboeva, Doctor of Culturology, Professor (Chita, Russia);
Z. K. Derbisheva, Doctor of Philology, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic);
V. S. Diev, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia);
Zhambalyn Tsetsegma, Doctor of History, Professor (Mongolia);
N. L. Zhukovskaya, Doctor of History (Moscow, Russia);
E. Yu. Zakharova, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
V. K. Zubareva, Doctor of Philology, Professor (Philadelphia, PA, USA);
T. Yu. Ignatovich, Doctor of Philology, Associate Professor (Chita, Russia);
Masami Izuho, Associate Professor (Tokyo, Japan);
A. A. Kamalova, Doctor of Philology, Professor (Olsztyn, Poland);
V. I. Karasik, Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia);
V. V. Kolesov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);
M. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor (Chita, Russia);
V. A. Maslova, Doctor of Philology, Professor (Vitebsk, Belarus);
B. Ya. Misonzhnikov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);
S. A. Mikhailov, Doctor of Political Science, Professor (Syktyvkar, Russia);
A. N. Novikov, Doctor of Geography, Associate Professor (Chita, Russia);
N. S. Rozov, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia);
G. Simons, Doctor of Sciences, Associate Professor (Uppsala, Sweden);
D. V. Sergeev, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
Song Chon Su, Doctor of Philology, Professor (Seoul, Korea);
D. L. Strovsky, Doctor of Political Science, Professor (Ariel, Israel);
D. V. Trubitsin, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
M. N. Fomina, Doctor of Philosophy, Professor (Chita, Russia);
Hieronim Grala, Doctor of History (Warsaw, Poland);
I. V. Chernikova, Doctor of Philosophy, Professor (Tomsk, Russia);
Zhao Xiaobing, Doctor of Literature, Associate Professor (Baoding,
People's Republic of China)

Executive Secretary

E. V. Sedina, Candidate of Culturology

Corrector O. Yu. Gapchenko,
Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 13.10.2018.
Date of publication 20.10.2018.
Format 60×84 1/8. Offset paper. Headset "Arial".
Operative printing. Order No. 18143.
Conv. quires 13,7. Ed.-print quires 11,9.
Circulation 1000 copies. (first impression 1–100 copies).
Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal
State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

The dominant subject matter of the journal is connected with *key meanings, values and artifacts of culture*. The issue is a collection of original and review scientific papers on the Russian and world philology, linguistics, linguistic worldview, and media linguistics. The journal also presents materials of Russian and foreign authors on Oriental studies covering the issues of literature and language, material and spiritual culture of Oriental countries.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, postgraduate students, students, workers in culture and education.

© Transbaikal State University, 2018

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

<i>Биктимирова Ю. В.</i> Бытийное пространство в языковой картине мира первопроходцев и первопоселенцев Забайкалья в языке памятников письменности Нерчинского воеводства XVII–XVIII веков	6
<i>Булдыгерова А. Н.</i> Китайские парные надписи как языковое явление: этапы формирования и развития	16
<i>Дохова З. Р., Урусов Р. Х.</i> Языковая модель «глокой куздры» Л. В. Щербы (на материале лингвистической сказки «Пуськи бятые» Л. С. Петрушевской)	23
<i>Зверев А. Г.</i> Модальность текстов законов в языках среднеевропейского стандарта	32

МЕДИАЛИНГВИСТИКА

<i>Доржиева Д. Ц.</i> Особенности информационного потенциала в газетной статье	41
<i>Лю Янь.</i> Языковые приёмы воздействия СМИ на аудиторию (на примере освещения крестьянских протестов в современном Китае)	50
<i>Рева Е. К., Михайлова Т. Д.</i> Репрезентация ресторанной критики на страницах гастрономических периодических изданий (на примере журнала «Гастрономъ»)	56

МЕДИАТЕКСТ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

<i>Геннадьевна Е. Л.</i> Трансформация рынка печатных СМИ Республики Крым нового времени	62
<i>Ильченко С. Н.</i> Фейк как антиисточник информации: риск для профессиональных стандартов журналистики	70
<i>Лян Чжан.</i> Экологическая политика Китая в медиатекстах «Нью-Йорк Таймс»	77
<i>Шосток-Новацка П.</i> Чтение местных газет и гражданская активность в Польше	85

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

<i>Дугаров Б. С.</i> Аспекты образа Хормусты в монгольской мифологии	92
<i>Жамсаранова Р. Г., Будаева Н. Ч.</i> Тибетская антропонимия рода Зун-Хуацай хори-бурят	98
<i>Чернышева Л. Н.</i> Лексикографическая фиксация терминологических неологизмов амхарского языка	108

HUMANITARIAN

Vector

CONTENTS

LINGUISTIC WORLDVIEW

Biktimirova Y. V. The Existential Space in the Language Picture of the World of Transbaikalia Pioneers in the Language of the Written Monuments of the Nerchinsk Voivodeship in the XVII–XVIII Centuries 6

Buldygerova A. N. The Origin Stages and the Formation of Chinese Pair-Inscriptions as the Language Phenomenon: their Historic-Cultural Aspect 16

Dokhova Z. R., Urusov R. Kh. The Language Model of “Glokoykuzdra” by L. V. Shcherba (on the Material of the Linguistic Fairy Tale Puski byatye by L. S. Petrushevskaya) 23

Zverev A. G. Modality of Texts of Laws in Languages of the Standard Average, European 32

MEDIA LINGUISTICS

Dorzhieva D. Ts. Features of Information Potential in a Newspaper Article..... 41

Liu Yan. Mass Media’s Language Strategies to Assert Influence on the Audience (on the Example of Media Coverage of Peasant Protests in Modern China) 50

Reva E. K., Mikhailova T. D. Food Criticism Representation on *Gastronomic Magazine* Pages (on the example of the Magazine *Gastronom*) 56

MEDIA TEXT IN THE PUBLIC COMMUNICATION SYSTEM

Yegorova L. G. The Republic of Crimea Printed Media Market Transformation in the Present Time 62

Il’chenko S. N. Fake as an Anti-Source of Information: a Risk for Professional Standards of Journalism 70

Liang Zhang. China’s Environmental Policy in the *New York Times* Media Texts 77

Shostak-Nowacka P. Reading local press and civic engagement in Poland 85

ORIENTAL STUDIES

Dugarov B. S. Aspects of the Khormusta Image in Mongolian Mythology 92

Zhamsaranova R. G., Budayeva N. Ch. The Tibet antroponymic system of Zun-Khuatsai as One of the Clans of Khor-Buryat 98

Chernysheva L. N. Lexicographical Fixation of Amharic Terminological Neologisms 108

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

LINGUISTIC WORLDVIEW

УДК 81'373.222

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-6-15

Юлия Викторовна Биктимирова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: pravo_chita@mail.ru

Бытийное пространство в языковой картине мира первопроходцев и первопоселенцев Забайкалья в языке памятников письменности Нерчинского воеводства XVII–XVIII веков¹

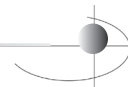
Статья посвящена описанию такого фрагмента языковой картины мира первопроходцев и первопоселенцев Забайкалья, как бытийное пространство, которое нашло своё отражение в мировосприятии забайкальцев и зафиксировалось в языке памятников письменности Нерчинского воеводства XVII–XVIII веков. Новизна исследования заключается в том, что выявляются факторы, организующие ментальное структурирование бытийного пространства в двух системах координат «географическое пространство» и «административное пространство» и места в нём языковой личности посредством анализа административной, хозяйственной, военной, бытовой лексики. Методы семантического поля для определения парадигматических и иерархических отношений в рамках поля «бытийное пространство» и конструирования фрагмента языковой картины мира «языковая личность в бытийном пространстве» подтверждают гипотезу, выдвигаемую в ходе исследования, о самобытности пространства языковой картины мира забайкальцев. Результатом работы можно назвать выявление особого ментального восприятия осваиваемого русскими первопроходцами пространства за Байкалом: в центре бытийного пространства языковая личность, которая осознаёт себя и своё место в пространстве в системе двух координат: «географическое пространство» и «административное пространство». При освоении новых земель языковая личность воспринимает географическое пространство как новое, чужое, противопоставленное «Руси». Административное же пространство транслируется через восприятие общественного и личного. По мере освоения окружающего мира пространство первопроходцев сужается до границ Нерчинского воеводства и подвергается иерархизации благодаря чёткой самоидентификации языковой личности.

Ключевые слова: языковая картина мира, языковая личность, региональные памятники письменности, бытийное пространство, семантическое поле

Введение. Языковая картина мира – актуальное направление современной лингвистики и объект лингвистического описания многих учёных. Теоретическое обоснование данной категории отражено в работах таких известных лингвистов, как Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А. Зализняк, Е. С. Кубрякова, А. Д. Шмелев и др.

Различные картины мира анализируются лингвистами с разных позиций, учёные основываются на многих подходах и классификациях. Картина мира может быть представлена с помощью этических, количественных, а также пространственно-временных характеристик [1–4; 7; 11; 17]. Язык как носитель информации о картине мира под действием

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-012-00270 «Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект».

различных факторов – природных, политических, социальных и других – может изменяться, отражаясь в языковой картине мира. В этом плане интерес вызывают региональные памятники письменности, в текстах которых проявляется оригинальное восприятие реалий окружающей действительности местным населением.

Изучение памятников региональной письменности XVII–XVIII веков, созданных на территории Забайкалья, имеет большое значение для исследования процессов в области формирования регионального варианта национального русского языка, диалектов, а также раскрывает перспективу изучения лексического состава в аспекте когнитивной лингвистики, этнолингвистики, социолингвистики и других направлений языкознания.

Исследования различных фрагментов региональной языковой картины мира забайкальцев в настоящее время получили раскрытие за счёт всестороннего изучения регионального варианта русского языка рядом забайкальских учёных. В синхронном плане описание языковой картины мира отражено в научных работах Т. Ю. Игнатович [6], Л. М. Любимовой [8], Е. И. Пляскиной [12], Н. А. Лихановой [9].

Между тем, практически не изучена языковая картина мира забайкальцев в диахроническом аспекте, которая может быть репрезентирована в текстах памятников деловой письменности, созданных на территории Забайкалья в XVII–XVIII веках.

Существенные шаги для описания языковой картины мира Забайкалья эпохи освоения русскими первопроходцами были сделаны Г. А. Христосенко и А. П. Майоровым, которые исследовали лексику памятников деловой письменности XVII–XVIII веков. Распределение лексики конца XVII – начала XVIII века по тематическим группам было осуществлено Г. А. Христосенко [16]; А. П. Майоров описал словарный состав забайкальской деловой письменности XVIII века с точки зрения происхождения, стилистических функций и коммуникативных установок [10].

Исследование топонимии Забайкалья и концепта «пространство» в языковой картине мира забайкальских народов было осуществлено Р. Г. Жамсарановой, Л. В. Шулуновой [5], Т. В. Федотовой [13–15].

Наше исследование посвящено описанию бытийного пространства в языковой картине мира первопроходцев и первопоселенцев Забайкалья, в центре которого – языковая личность. Актуальность подтвержда-

ется общей направленностью современных лингвистических исследований, нацеленных на изучение средств реализации концептов в различных лингвокультурах, что зависит от культурных установок каждой языковой общности того или иного периода. Новизна исследования заключается в том, что выявляются факторы, организующие ментальное структурирование бытийного пространства в двух системах координат «географическое пространство» и «административное пространство» и места в нём языковой личности посредством анализа административной, хозяйственной, военной, бытовой лексики.

Методология и методы исследования.

Гипотеза, выдвигаемая в ходе исследования, должна подтвердить самобытность бытийного пространства языковой картины мира забайкальцев, которая сформировалась на основе экстралингвистических факторов.

Цель исследования – конструирование бытийного пространства в языковой картине мира первопроходцев и первопоселенцев Забайкалья XVII–XVIII веков.

Информативными источниками явились рукописные документы, созданные на территории Забайкалья в XVII–XVIII веках (140 единиц разных жанров) и хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (г. Москва) и Государственном архиве Забайкальского края (г. Чита).

Предмет исследования – лексическое поле пространства в языковой картине мира как один из способов понимания своеобразного восприятия себя и своего места в мире первопроходцев и первопоселенцев, а также кочевых и коренных народов Забайкалья.

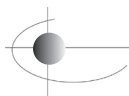
Поскольку идентификация авторов или исполнителей документа не так важна для конструирования бытийного пространства, под языковой личностью мы будем понимать всех жителей Нерчинского воеводства, которые на протяжении долгого времени в силу географической отдалённости от центра находились в замкнутом пространстве, то есть фиксировать индивидуальное в коллективном.

Задачи, поставленные исследователем:

1) анализ лексики документов Нерчинского воеводства, связанной с различными бытийными пространственными характеристиками;

2) систематизация и рубрикация лексики относительно тех или иных парадигм бытийного пространства в языковой картине мира первопроходцев и первопоселенцев;

3) моделирование бытийного пространства в двух системах координат «географи-

ческое пространство» и «административное пространство» и места в нём языковой личности;

4) выявление специфики репрезентации бытийного пространства в языковой картине мира забайкальцев.

Практическое применение заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего исследования пространственных характеристик в языковой картине мира первых забайкальцев, могут подтвердить версию о формировании регионального варианта русского национального языка в XVII–XVIII веках, а также могут быть использованы в сфере образования.

Для проверки гипотезы применялись методы: семантического поля для определения парадигматических и иерархических отношений в рамках поля «бытийное пространство» в языке документов Нерчинского воеводства описания, в частности приёмы наблюдения, интерпретации, обобщения для формирования семантического поля «человек», «пространство»; конструирования фрагмента языковой картины мира «языковая личность в бытийном пространстве».

Результаты исследования и их обсуждение. Несмотря на документную сухость языка памятников Забайкалья XVII–XVIII веков сквозь текст мы видим жизнь первопроходцев и первопоселенцев на новой земле, картину мира русских людей и кочующих по Восточной Сибири малых народов.

Пространственными характеристиками являются: положение относительно других объектов, система координат, расстояния и направления движения. Бытийное же пространство можно рассмотреть через ментальные конструкции, которые можно воспринимать как значимые основополагающие фрагменты языковой картины мира. Лексическое поле бытийного пространства представлено в нашем исследовании в двух системах координат, в центре которого – языковая личность.

Восприятие языковой личности своего места в географическом пространстве новой земли отражено в восприятиях и ментальном структурировании пространства, что получило свою фиксацию в скорописных документах мира забайкальцев XVII–XVIII веков.

Географическое пространство. Описание географического бытийного пространства можно рассмотреть через парадигмы **окраина – Русь и своё – чужое.**

Освоение земли за Байкалом началось в XVII веке. Движение на Восток было стра-

тегической задачей правительства, что фиксируют памятники письменности Забайкалья.

Территорию за Байкалом часто в документах первопроходцев именуют *Дауры*, *Даурия* или *Даурская украина (окраина)*: «...а в даурски¹ острога² служилы³ люде⁴ дете⁵ боярских⁶ конных казако⁷ двести четыре члв-ка ...»¹; «...и о присылке в даурскую семлю Ваших⁸ великих⁹ Гд¹⁰ре¹¹ ратных¹² люде¹³ и пишек¹⁴ и м¹⁵дного ружья¹⁶ порохи и свинци немалова ч¹⁷ла...»².

В XVII веке Даурия – земля, границы которой до сих пор точно не установлены. Известно, что в Даурские земли входила территория от юго-востока Забайкалья до западной части Приамурья. Своё название земля за Байкалом получила от народности *дауры*, населявшей эту территорию до XVII века Даурия в народном сознании первопроходцев и первопоселенцев – «рай на земле». Такое восприятие возникло оттого, что при освоении Даурии первопроходцами было открыто много богатств – золота, серебра, драгоценных камней, разнообразие флоры и фауны. Территория освоения первопроходцев именовалась в сибирских памятниках *земля* или *землица*. Например, помимо *Даурской земли* упоминаются земли: *нижнеудинская землица*, *мунгальская землица* и т. д.

За Байкалом всегда ощущается географическая отдалённость от центральной части России. И сегодня забайкальцы так говорят о европейской части России («запад» «поехать на запад»), что вызывает недоумение у приезжих. Эта традиция зародилась уже в документах первопроходцев: европейская часть Российского государства в документах именуется Русью: «о¹пище² из не³чинска истамо⁴ни к руссе целова⁵ни⁶ Козма Нечаевско⁷»³.

Основные точки отсчёта и границы первопроходцев, осваивающих Даурию, – озеро Байкал и реки, а также хребты. Озеро Байкал в сознании первопроходцев и коренных народов – *море*, *Байкал-море*. Территория за Байкалом часто называется авторами документов как *Заморье*. *Морестав* – сезон, когда Байкал покрывается льдом. А всё, что относится к Байкалу, характеризует определение – *морской*: «...Иди я И¹не²чинска мим³ Удинск⁴ заб⁵каль⁶ море Вырку⁷цк⁸ Город...»⁴.

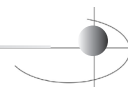
Многие географические реалии встречаются в документах первопроходцев. Вот лишь

¹ РГАДА. – Ф. 214. – Стб. 973. – Л. 86.

² Там же. – Л. 91.

³ Там же. – Оп. 1. – Кн. 1216. – Л. 205.

⁴ ГАЗК. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 132 об.

некоторые: *камень* – гора, горный перевал, хребет («И в прошлых же годах оной отец мой в гладное время отбыл из Нерчинска за камень»¹); *дворец* – небольшая ложбина на южном склоне, поросшая небольшим лесом («...отвѣдено мне Плескову во владение вверх по Куйтуну речке при дворце сенных покосовъ пять десятинь»²), *курья* – речной залив («сена ставит по ингоде рѣке по правой стороне возле озера и около курей»); *покатъ* – склон горы, сопки; *подушка* – неглубокая падь. Эти слова до сих пор являются диалектными и активно используются в речи современных забайкальцев.

Особенности номинация «окраины»: своё – чужое. Русские землепроходцы, осваивая территорию Восточного Забайкалья, принимали уже существующие географические термины и топонимы, адаптировали их к русской языковой системе, а новым, неосвоенным территориям, присваивали свои имена.

Исследуемые памятники фиксируют топонимы разного происхождения – известно то, что они были заимствованы из языков аборигенного населения. По мнению Т. В. Федотовой, «исторически территория Восточного Забайкалья представляет собой пример внутри регионального контактирования языков различных этносов» [15, с. 17]. Номинация географических объектов определяется особенностями заселения, национальным составом населения до прихода за Байкал русских. В современной топонимии Восточного Забайкалья топонимы классифицируются по происхождению: учёные фиксируют «палеоазиатский субстрат; тюркоязычный, монголоязычный и славяноязычный пласты» [5, с. 16]. Проблемы происхождения не входили в задачи нашего исследования в силу разработанности данного вопроса исследователями топонимии Забайкалья [5; 13–15]. Остановимся лишь на анализе топонимов в языке памятников письменности Восточного Забайкалья.

Номинация и воспроизведение автохтонных наименований касалась в основном крупных и важных географических объектов: рек и населённых пунктов, освоенных русскими.

В исследуемых памятниках перечисляются судоходные по тем временам реки, которые выполняли функцию транспортных артерий между острогами и городами: *Тунгуска-река, Шилка-река, Нерча-река, Амур, Ингода, Хилок*.

¹ Майоров А. П. Словарь русского языка XIII века. Восточная Сибирь. Забайкалье. – М.: Азбуковник, 2011. – С. 186.

² Там же. – С. 112.

Фиксируются в исследуемых документах следующие автохтонные топонимы, которые стали острогами и слободами: остроги Нерчинского воеводства – *Нерчинский, Абазинский, Телембинский, Иргенский* и ближайшие остроги – *Баргузинский, Братский, Удинский, Якутский, Иркутский, Итанцынский*. Упоминание в документах близлежащих острогов создаёт пространственную сеть взаимодействия отдалённых острогов на периферии Российского государства (*Урульгинская, Куенгская, Удинская, Алеурская, Читинская слободы*).

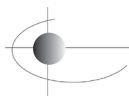
Исключение составляют населённые пункты за Байкалом, освоенные на пустынных местах и получившие русскоязычную номинацию в силу религиозной специфики и русских традиций без опоры на автохтонные топонимы: *Городищенская слобода, селения Никольское, Монастырское, Троицкий монастырь, Спасская пустынька*.

Административное пространство. Географическому описываемому пространству противостоит освоенное русскими первопроходцами административное пространство. Всем единицам лексико-семантической группы «Географические реалии» в координатах географического пространства противопоставлены лексико-семантические группы «Общественная, социальная, политическая лексика», которые являются маркерами государственной заинтересованности в освоении забайкальских земель, они конструируют административное пространство.

В отличие от географического пространства, которое в языковой картине мира первопроходцев строится на автохтонной лексике, административное пространство заполнено реалиями, выраженными административной, политической, духовной, военной, хозяйственной лексикой – исконно русской и заимствованной из европейских языков.

Многие слова рассматриваемого лексического пласта были унаследованы от предшествующих периодов, это слова *воевода, казак, волость, закон*, такие жанры документов, как *грамота, кабала, крепость, память, челобитная* и др. Без изменения семантики они активно употреблялись практически до конца XVIII столетия.

В эпоху петровских преобразований большинство же слов было заимствовано из европейских языков и нашло отражение в исследуемых памятниках письменности: *сенат, алдермап, ампт, архив, ассессор, актуариус, бехмейстер, вахтёр, вальдмейстер, гофгерихт, губернамент, гандлангер, де-*

партамент, магистрат, ратуша, штейгер и многие другие.

Таким образом, посредством исконной и заимствованной лексики, свойственной делопроизводству всей территории Московского государства, маркируется административное пространство Забайкалья, что служит объединяющим началом всех земель, осваиваемых русскими в Сибири.

В отличие от восприятия забайкальцами географического пространства административное пространство сужается до границ Нерчинского воеводства и структурируется административно-территориальными единицами: *город, заимка, острог, острожек, посад, слобода*.

Административное пространство находит свою репрезентацию в парадигме **общественное пространство – личное пространство**.

При присоединении Сибири применялась острожная система освоения новых земель. *Зимовья* и *остроги* возводились по царским или воеводским приказам после долгого анализа рельефа местности, наблюдения за реками. *Зимовья* представляли собой одну или две избы, обнесённые частоколом. Остроги представляли собой комплекс сооружений – избы, амбары, храмы. Все строения обносились *острожинами* – заострёнными брёвнами – с *оборонительными* и *надвратными башнями*. Башни выполняли не только оборонительную функцию, в них могли располагаться различные структуры воеводства и даже храмы. Все строения, не входившие в структуру управления острогов, могли выноситься за стены острога, образуя *посады, слободы, деревни*, также окрест острогов разрастались *огороды, пашни, пастбища*.

Документы первопроходцев рассказывают об острогах и разнообразных административных, религиозных и хозяйственных строениях общего пользования.

В центре острога или города находилась *церковь*. Первые *храмы, соборы, монастыри, пустыни* за Байкалом упоминаются в челобитных духовных лиц, росписях товара, в описании географических реалий: «Бьють челомъ нерчинской собороной во^окресенской церкви сщенникъ симеонъ ивановъ»¹; «У нерчинско^о Воскресенск^о Цркви свяще^нника уникифора Сысоева»².

В документах фиксируются следующие постройки общего пользования: строение для мытья и стирки *мыльная изба, мыльня, баня*,

банишко: «напред сего на томъ месте <...> стояла оброчная мыльня, да противъ той ветхая ж оброчная баня»³; питейные заведения – *выставка, питейный дом, фартина*: «Въ своемъ доме имеетъ выставку винной продажи»⁴; караульные помещения – *караульня, обахт, говахта, кардегардия*; лечебные учреждения – *больничный дом, гобшпиталь* и др.

Изба – самый распространённый вид построек в забайкальских острогах, городах и слободах. Это слово в текстах делопроизводства Нерчинского воеводства используется в трёх значениях: первое значение – «жилое помещение», второе – «государственное учреждение», третье – «помещение для различных хозяйственных нужд». Во втором и третьем значениях слово *изба* употребляется только с определением: *приказная изба, судная изба, кабацкая изба, съезжая изба, мыльная изба*. *Изба* как жилая бревенчатая постройка употребляется в текстах со словами *горница* или *горенка*. При этом *изба* – нижняя часть строения, а *горница* или *горенка* – верхняя часть постройки.

В нескольких значениях встречается и слово *дом*. Первое значение – «строение», «жилое помещение», второе – «хозяйство», третье – «семья», «род». Приведём примеры: «браль къ дому свое^{му} и у оно^{го} дома на крыльце снявъ сн^нго сабиров^а риб^аху j биль п^ал^юкою смертелно»⁵; «пришедь де вдомъ Кнеми Якову Его^{ро}ко васи^левъ <...> и говорила де имъ что она в дому бо^лшая ...»⁶; «велено к вышеозначенно^и посылк^и <...> jс теленбынски^х служилыхъ двухъ человекъ jз семе^иныхъ домовъ»⁷. Словом «дом» называли различные учреждения и заведения: *питейный дом, рабочий дом, убогой дом, больничной дом*.

Амбар (анбар, амбаришко, анбарчик) – склад для хранения зерна – житной или хлебный амбар, выходной или воной амбар – амбар, расположенный перед жилым помещением и выходящий одной стороной на улицу; кладовой амбар – для содержания вещей и продуктов длительного хранения; мелочной амбар – амбар для хранения домашней утвари, посуды.

Личное пространство в острогах и селениях огораживалось *городьбой*, или *заплотами*. Ещё одно слово, бытующее в совре-

³ Майоров А. П. Словарь русского языка XIII века. Восточная Сибирь. Забайкалье. – М.: Азбуковник, 2011. – С. 243.

⁴ Там же. – С. 93.

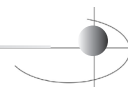
⁵ ГАЗК. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 16.

⁶ РГАДА. – Ф. 1142. – Оп. 1. – Кн. 78.

⁷ ГАЗК. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 139. – Л. 94–94 об.

¹ ГАЗК. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 137. – Л. 14.

² РГАДА. – Ф. 214. – Оп. 1. – Кн. 1216. – Л. 23.

менных говорах, – *ограда*. Это участок земли при крестьянском дворе, огороженный забором. Ограда не должна была просматриваться с улицы. Помимо избы, в которой жила семья, двор включал временные помещения – *клетки, амбары, вышку, завозню* и различные постройки, которые соединялись с избами сенями или переходами – *галдареями*. Вот описание двора нерчинского жителя: «Домъ изба з горницею новы в ограде сарай болшей крыть драньем»¹.

За территорией забайкальских поселений были различные временные постройки: *лабазь* – сарай, навес в лесу, амбар на сваях; *балаган* – лёгкая временная постройка, сооружение на покосе, в лесу; *заимка* – изба или небольшое поселение, отдалённое от основного жилья; *зимовье* – домик на тракте, предназначенный для ночлега или отдыха проезжающих.

Юрта (юртишко, юртовище) – жилище кочевых народов бурят, тунгусов. Русские первопоселенцы в летнее время также жили на стойбищах – «в юртах»: «Авто^{де} время Егоркова и жены и сына его Васки дома не было уе³жали вью^рты»².

Всё личное имущество в памятниках имеет общее название *животное* – движимое и недвижимое имущество, хозяйство: «...Движимое из животнова изба без сеней анбаръ баня дворъ скотской два коня четыре коровы с телятами ...»³.

Таким образом, исследуя слова – маркёры административного пространства, можно сказать, что бытийное пространство представляет противопоставление личного и общественного, которые в каких-то фрагментах совпадают в силу социальных факторов, безопасности и выживания на новых территориях.

Самоидентификация языковой личности: я – другой. Центром бытийного пространства является языковая личность, которая встраивается в систему координат географического и административного пространства. Самоидентификация в бытийном пространстве Нерчинского воеводства начинается с опорой на маркёры географического пространства. Антропонимическая система за Байкалом в основном строилась на становлениях фамилий и имён-прозвищ сообразно месту жительства или происхождения русского

пришлого населения. В рассматриваемых документах довольно часто встречается лексика, характеризующая названное лицо по отношению к определённому месту. Например, при составлении оценочного списка наунских товаров принимали участие купецкие люди: «Москвичъ Алексей Осинцовъ, устюжане Иванъ Сухих, Иванъ Окошниковъ, усольцы Иванъ Севастьяновъ, пежемецъ Иванъ Петровъ, вологжанинъ Матфей Колесовъ, важенинъ Василий Иарковъ, енисейцы Иванъ Истопниковъ, Григорей Скорняковъ, нерчинский житель Семен Стуковъ»⁴ «...купиль у яренчанина у Алексея Спасского...»⁵. Слова, указывающие на территориальное происхождение людей, составленные описательным способом, чаще всего встречаются в приходно-расходных книгах, например записных книгах продажи товаров, где Нерчинская воеводская канцелярия фиксировала, что куплено или продано и у кого. Например: «...подрядился у меня Нерчинский житель Степан Леонтьев поставить сосновых дров ...»⁶, «...покупка читинской слободы жителя ...»⁷.

Примеры фамилий, образованных от названий местностей, фиксирующих, откуда пришли первопроходцы, многочисленны в исследуемых памятниках: *Костромин, Москвитин, Устюгов, Тюменцов, Рязанцов, Томских, Перминов, Ярославцев, Вологдин, Комогорцев, Холмогоров, Каргополов* и др.

Самоидентификация языковой личности с точки зрения административного пространства предполагает чёткое определение человека в иерархической системе Нерчинского воеводства. В исследуемых документах проходит огромное количество людей, различающихся сословием, происхождением, профессией, национальностью.

Слово *люди* – часто употребляется в исследуемых памятниках в нескольких значениях. Основное значение – «национальность»: *русские люди, китайские люди, мунгальские люди, богдойские люди* и др.

Другое значение – различные сословия, группы: *начальные люди* (общественно значимые лица, начальники, старейшины народностей); *градские люди* (городские жители, владеющие недвижимой собственностью); *служилые люди* (лица, находившиеся на государственной службе); *приказные люди* (неродовитые люди для исполнения приказной службы: думные и приказные дьяки и подьячие московского приказа и приказных изб

¹ Майоров А. П. Словарь русского языка XIII века. Восточная Сибирь. Забайкалье. – М.: Азбуковник, 2011. – С. 170.

² РГАДА. – Ф. 1142. – Оп. 1. – Кн. 78. – Л. 18.

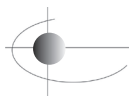
³ Майоров А. П. Словарь русского языка XIII века. Восточная Сибирь. Забайкалье. – М.: Азбуковник, 2011. – С. 139.

⁴ ГАЗК. – Ф.10. – Д. 3. – Л. 3.

⁵ Там же. – Д. 2. – Л. 8.

⁶ Там же. – Д. 3. – Л. 364.

⁷ Там же. – Д. 4. – Л. 412.

периферии); *работные люди* (люди, нанятые на сезонные работы); *промышленные люди* (промысловики, добывающие что-либо); *подлые люди* (неродовитые, принадлежащие к низшему сословию люди); *вольные люди* (не занятые на государственной службе люди); *гулящие люди* (люди без определённого места жительства, семьи и рода занятий).

Купецкие люди, торговые люди – купцы. В XVII веке большое влияние на Нерчинское воеводство стали оказывать торговые люди, которые осуществляли караванные переходы в Китай. Элиту торговых людей составляли *гости, торговые люди гостинои сотни* были помощниками или *товарищами* гостей. К торговым людям можно отнести также следующие наименования: *прикащик, сиделец, посиделец, целовальник, чумак, вольнодомец, парешной*.

Охочие люди – добровольцы из разных слоёв общества (гулящие, посадские, крестьяне), которые привлекались к выполнению какого-либо рода поручений, к участию в военных походах: «...а навелико¹ рек² амире ро³ны⁴ город⁵ слижилые лю⁶ди⁷ охочие аму⁸ские кас⁹аки мн¹⁰ холопу тво¹¹еми п¹²вда¹³и чело¹⁴би¹⁵тые j по¹⁶ли¹⁷жн¹⁸и¹⁹ список²⁰»¹.

Злодейские, воровские люди – политические преступники, бунтовщики, так как вор первоначально – лихой человек, нарушающий закон: «сто²¹ник²²j воевода кнзь петръ Ликьянови²³ Львовъ да діакъ федоръ лево²⁴тьевъ вел²⁵ли иди во²⁶ною в киргинск дальн²⁷о на киргинских воровских люд²⁸и...»².

Другие наименования статуса и профессий первых забайкальцев также разнообразны по своему назначению и образованию.

В исследуемых памятниках частотны названия административных государственных органов порядка и выборные должности: *ассессор, воевода, дети боярские, стольник, голова*; должностные лица, обслуживающие делопроизводственную сторону работы учреждений: *подъячий с приписью, подъячий площадного письма, канцелярист, копиист, писец, подканцелярист* и др.

Пограничное Забайкалье заселялось в основном казаками и служилыми людьми, поэтому в документах встречаются различные наименования воинских званий и органов исполнения наказания: *бомбандир, адютант, канонир, вахтур, магазейвахтер, провиант вахтурмайстер, кат, зряк*.

С открытием в Забайкалье залежей руд документы наполнились лексикой горноруд-

ного производства: *рудознатец, рудоискатель, рудокопщик, рудоплав*. Встречаются случаи освоения иноязычной лексики, например, *берггаур* – горнорабочий, занимающийся добычей руды.

Различные названия профессий представляют многочисленную лексико-семантическую группу в документах Нерчинского воеводства: *мельнишной водитель, квасовар (квасоварня), квашномес, засыпка, кузнец, молотник, водолей, выкатчик, бочкарь, кожемяка, ложкомой, лотошник, зелейщик, котельник, тчанник, кирпичник* и др.

Самоидентификация языковой личности низшего слоя встречается редко в силу отсутствия административных и социальных прав для составления документа: *дворник, бобыль, бездворной, наеимщик, одинакой, отпущенник, вольножелающий, доброхотной, самоизвольной, самоохотной*.

Идентификацию языковой личности представителей маргинальных групп декларировали социальные и общественные факторы, которые фиксировали дословно речь свидетелей и участников преступлений, смут, локальных стычек с различными народами. При воспроизведении речи языковая личность допрашиваемого представителя низших слоёв идентифицировалась представителями административной власти: *детина, голый, голяк, аманат, каторжанец, поколодник, вор, питух, доимочник, недоимочник, богадельщик*.

Языковая личность – центр бытийного пространства является точкой отсчёта в системе координат географического и административного пространства. Антропоцентризм объясняется обязательной самоидентификацией языковой личности с точки зрения административного пространства и предполагает чёткое определение человека в иерархической системе Нерчинского воеводства.

Выводы. Результатом исследования фрагмента языковой картины мира – бытийного пространства забайкальцев-первопроходцев, отражённого в памятниках деловой письменности Забайкалья XVII–XVIII веков, – можно назвать репрезентацию особого ментального восприятия осваиваемого русскими первопроходцами пространства за Байкалом. В центре бытийного пространства языковая личность, которая осознаёт себя и своё место в пространстве в системе двух координат: «географическое пространство» и «административное пространство». При освоении новых земель языковая личность воспринимает географическое простран-

¹ РГАДА. – Ф. 214. – Оп. 1. – Стб. 556. – Л. 1.

² Там же. – Л. 8.

ство как новое, чужое, противопоставленное «Руси». Административное же пространство осваиваемых забайкальцами земель транслируется через восприятие общественного и личного.

По мере освоения и исследования окружающего мира пространство первопроходцев наполняется бытовыми объектами, обживается и сужается до границ Нерчинского воеводства. В новых административных грани-

цах языковая личность первых забайкальцев идентифицируется в системе государственного иерархического устройства.

В перспективе исследование различных фрагментов языковой картины мира забайкальцев-первопроходцев сможет дать ответы на вопрос: как возник региональный вариант русского национального языка и сформировалась полинациональная картина мира современных забайкальцев.

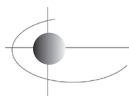
Список литературы

1. Бардамова Е. А. Пространство и время в языковой картине мира бурят: автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.22. Улан-Удэ, 2012. 40 с.
2. Бондарева Л. М. К проблеме интерпретации концепта «пространство» в отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 2. С. 23–30.
3. Бороздина И. С. Специфика обозначения географического пространства в русском и английском языках [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. Режим доступа: <https://www.tl-ic.kursksu.ru/pdf/004-01.pdf> (дата обращения: 01.07.2018).
4. Ефремов В. А. Теория концепта и концептуальное пространство [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 104. Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru> (дата обращения: 01.07.2018).
5. Жамсаранова Р. Г., Шулунова Л. В. Топонимия Восточного Забайкалья. Чита: ЧитГУ, 2003. 130 с.
6. Игнатович Т. Ю., Биктимирова Ю. В. Забайкалье устами первопроходцев и старожилов. Чита: ЗабГУ, 2016. 245 с.
7. Кондратьева Т. С., Яковлева Л. А. Лексико-семантическая вербализация концепта «пространство» (на материале топонимии Южно-Якутского региона) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11–5. С. 991–993.
8. Любимова Л. М., Лиханова Н. А., Сундуева Д. Б. Языковая культура Восточного Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2017. 205 с.
9. Лиханова Н. А. Этнолингвистическая модель описания региональной народной культуры. Чита: ЗабГУ, 2015. 121 с.
10. Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник, 2006. 261 с.
11. Макарова Е. В., Дмитриева Л. М. Пространство и топонимическая личность // Язык и культура Алтая: сб. ст., посвящ. памяти И. А. Воробьевой / под ред. Л. И. Шелеповой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 35–40.
12. Пляскина Е. И. Бытовая лексика говора: опыт систематизации материала. Чита: ЗабГУ, 2016. 222 с.
13. Федотова Т. В. Русская топонимия Забайкальского края: формирование, семантика, функционирование. Новосибирск: Наука, 2010. 242 с.
14. Федотова Т. В. Репрезентация концепта «пространство» по топонимическим данным Забайкальского края [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. 2009. № 2. Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru> (дата обращения: 25.07.2018).
15. Федотова Т. В. Компоненты номинативной ситуации с позиции топонимической деривации (на материале русской топонимии Восточного Забайкалья) [Электронный ресурс] // Известия ВГПУ. 2011. № 5. Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru> (дата обращения: 25.08.2018).
16. Христосенко Г. А. Материалы Нерчинской воеводской канцелярии как лингвистический источник // Слово Забайкалья. 2007. № 1. С. 192–197.
17. Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных районов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края) / Э. В. Хилканова, Г. А. Дырхеева, Л. М. Любимова, Д. Б. Сундуева. М.: Наука: Вост. лит., 2016. 174 с.

Статья поступила в редакцию 05.09.2018; принята к публикации 30.10.2018

Библиографическое описание статьи

Биктимирова Ю. В. Бытийное пространство в языковой картине мира первопроходцев и первопоселенцев Забайкалья в языке памятников письменности Нерчинского воеводства XVII–XVIII веков // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 6–15. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-6-15.

Yulia V. Biktimirova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: pravo_chita@mail.ru

The Existential Space in the Language Picture of the World of Transbaikalia Pioneers in the Language of the Written Monuments of the Nerchinsk Voivodeship in the XVII–XVIII Centuries¹

The article is devoted to the description of such a fragment of the language picture of the world of Transbaikalia pioneers as the existential space, which is reflected in the worldview of Transbaikalia residents and recorded in the language of written monuments of the Nerchinsk Voivodeship in the XVII–XVIII centuries. The novelty of the study lies in the fact that we reveal the factors that organize the mental structuring of the existential space in two coordinate systems “the geographical space” and “the administrative space” and the place of the linguistic personality in it through the analysis of administrative, economic, military, everyday vocabulary. Methods of semantic field to determine the paradigmatic and hierarchical relations within the field of “existential space” and the construction of a fragment of the language picture of the world “linguistic personality in the existential space”, confirm the hypothesis put forward in the course of the study, about the identity of the existential space of the language picture of the world of Transbaikalia residents. The result of the research is the identification of a special mental perception of the space beyond the Baikal mastered by the Russian pioneers: in the center of the existential space there is a linguistic personality who is aware of herself and her place in space in the system of two coordinates: “geographical space” and “administrative space”. When developing new lands, the linguistic personality perceives the geographical space as new, alien, opposed to “Rus”. Administrative space is transmitted through the perception of public and personal. With the development of the surrounding world, the space of pioneers is narrowed to the borders of the Nerchinsk Voivodeship and is subject to hierarchy, thanks to a clear self-identification of the linguistic personality.

Keywords: language picture of the world, linguistic personality, regional monuments of writing, existential space, semantic field

References

1. Bardamova, E. A. Space and time in the language picture of the Buryat world. Ulan-Ude 2012. (In Rus.)
2. Bondareva, L. M. On the problem of interpretation of the concept ‘space’ in Russian and foreign linguistics. Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta, vol. 2, pp. 23-30, 2015. (In Rus.)
3. Borozdina, I. S. The specificity of the designations of geographical space in Russian and English. Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikaciya. 2008. 2(4). Web: 01.07.2018. <https://www.tl-ic.kursksu.ru/pdf/004-01.pdf>. (In Rus.)
4. Efremov, V. A. Theory of the concept and conceptual space. Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena, no.104, 2009. Web: 01.07.2018. <https://www.cyberleninka.ru>. (In Rus.)
5. Zhamsaranova, R. G., Shulunova L. V. Toponymy of the Eastern Transbaikalia. Chita, 2003. (In Rus.)
6. Ignatovich, T. Yu., Biktimirova, Yu. V. Transbaikalia by the mouth of pioneers and old-timers. Chita, ZabGU, 2016. (In Rus.)
7. Kondrat'eva, T. S., Yakovleva, L. A. Lexico-semantic verbalization of the concept ‘space’ (on the material of toponymy of the South Yakut region). Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamentalnyh issledovanij, no. 11–5, pp. 991–993, 2016. (In Rus.)
8. Lubimova, L. M., Likhanova, N. A., Sundueva, D. B. The Language and culture of East Transbaikalia. Chita: ZabGU, 2017. (In Rus.)
9. Likhanova, N. A. Ethnolinguistic model description of the regional folk culture. Chita: Zabaikalsky gos. un-t, 2015. (In Rus.)
10. Mayorov, A. P. Essays on the vocabulary of regional business writing of the XVIIIth century. M: Azbukovnik, 2006. (In Rus.)
11. Makarova, E. V., Dmitrieva, L. M. Space and place identity. Yazyk i kul'tura Altaya: sbornik statej, posv. Pamyati I. A. Vorobevo. Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 2001: 35–40. (In Rus.)
12. Plyaskina, E. I. Everyday vocabulary of the dialect: the experience of systematization of the material. Chita: ZabGU, 2016. (In Rus.)
13. Fedotova, T. V. Russian toponymy of the Transbaikal territory: formation, semantics, functioning. Novosibirsk: Nauka. 2010. (In Rus.)
14. Fedotova, T. V. Representation of the concept of space by toponymic data of the Transbaikal territory. Vestnik RUDN, no. 2, 2009. Web: 25.07.2018. <https://www.cyberleninka.ru>. (In Rus.)

¹ The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-012-00270 “Russian language in a multiethnic Transbaikalia: the dynamic aspect”.

15. Fedotova, T. V. Components of the nominative situation from the position of toponymic derivation (on the material of Russian toponymy of Eastern Transbaikalia). Izvestiya VGPU, no.5, 2011. Web: 25.07.2018. <https://www.cyberleninka.ru>. (In Rus.)

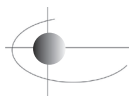
16. Khristosenko, G. A. Materials of the Nerchinsk Voivodeship office as a linguistic source. Slovo Zabaikal'ya, no.1, pp. 192-197, 2007. (In Rus.)

17. Language awareness and language settings of residents of border areas in the East of Russia (on the example of Republic of Buryatia and in Zabaykalsky Krai / Hilkanova, E. V., Dyrheeva, G. A., Lyubimova, L. M., Sundueva, D. B. M: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2016. (In Rus.)

Received: September 5, 2018; accepted for publication October 30, 2018

Reference to the article

Biktimirova Yu. V. The Existential Space in the Language Picture of the World of Transbaikalia Pioneers in the Language of the Written Monuments of the Nerchinsk Voivodeship in the XVII–XVIII Centuries // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 6–15. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-6-15.

УДК 801.83

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-16-22

Анна Николаевна Булдыгерова,
старший преподаватель,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: annbuldigerova@mail.ru

Китайские парные надписи как языковое явление: этапы формирования и развития

Концепция симметрии и парности в сознании китайцев неотделима от идеальных представлений об архитектурной композиции речевых произведений, воплощением такой взаимосвязи являются парные надписи. В связи с тем, что диахронический процесс развития китайских парных надписей оказывается чрезвычайно продолжительным, а также принимая во внимание ключевые факторы историко-культурной направленности, способствовавшие объективации данного явления как регулярного и типичного для социальной речевой практики, представляется уместным определить основные этапы формирования и развития данного языкового явления. На основе изучения оригинального содержания ранних китайских литературных памятников и летописей, анализа научных материалов современных китайских исследователей удалось установить, что с точки зрения развития и функционирования парных надписей в рамках исторического контекста особую значимость имеют архаико-мифологические представления, объясняющие появление и характер репрезентируемого парными надписями содержания, а также особое натурфилософское мировосприятие, объясняющее структурную особенность репрезентации данного содержания. Принимая во внимание указанные причины, однако, не претендуя на абсолютность представленных выводов, в истории развития китайских парных надписей возможно выделить пять этапов, каждый из которых демонстрирует ключевые изменения, так или иначе оказавшие влияние на формирование исследуемого языкового феномена.

Ключевые слова: династийный подход, парные надписи, концепция Инь-Ян, аксиологическая основа, архитипический сюжет, вербализация смысла

Введение. Развитие языка всегда происходит в социальном контексте. Парные надписи, существующие на протяжении нескольких тысячелетий в китайской языковой реальности, и сегодня, не утрачивая актуальности, остаются, пожалуй, одной из наиболее востребованных в общественной языковой практике типовых моделей построения высказывания, призванного провозглашать социально значимые смыслы.

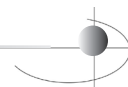
Китайские исследователи (Сун Чжао, Ли Мин и др.), описывая процесс возникновения и исторического развития парных надписей, указывают два основных подхода: династийный, в рамках которого рассматриваются исторический и культурный контексты появления и развития парных надписей, и литературоведческий, рассматривающий парные надписи с точки зрения их функционирования как особой формы литературного искусства. Династийный подход в описании процессов появления и развития тех или иных фактов окружающей действительности, направленный на оптимальное изучение социально-культурных факторов, определяющих появление, изменение и эволюционирование явлений, представляющих научный интерес, позволяет говорить о том, что предпосылки возникновения и развития парных построе-

ний, связанные с восприятием мира древними китайцами и комплексом традиций, бытовавших во времена правления сменявших друг друга династий, можно считать критериями дифференциации основных этапов формирования китайских парных надписей.

Методология и методы исследования.

Парные надписи являются абсолютно уникальным видом языковой практики, обладающим ярко выраженной национальной спецификой, прежде всего потому, что история возникновения и развития парных надписей тесно переплетается с обычаями и традициями древних китайцев. Обратившись к оригинальным литературным первоисточникам, можно обнаружить многочисленные упоминания о появлении и использовании древними китайцами парных оберегов, талисманов, благопожеланий. Современные китайские исследователи данного языкового явления также едины во мнении о том, что парные надписи имеют религиозные истоки и являются своеобразным проявлением культурной памяти, концентрирующей концептуально значимые фрагменты китайской картины мира и отражающей глубинные процессы формирования национального самосознания.

Основа использования парного построения в современной языковой действительности

сти состоит в способности знаковой системы выражать разное содержание одним структурным средством – парным построением. Одно из мнений, объясняющих природу и специфику прагматической значимости парности, связано с тем, что идеологическая основа появления исследуемого нами языкового факта связана с архаико-мифологическим и ритуально-мистическим, а также со сформировавшимся позднее философским мировосприятием китайцев.

В Китае с глубокой древности считается, что взаимодействие космических начал Инь и Ян является существом всех мировых процессов и порождает все реалии и предметы окружающей носителей китайского языка действительности. Такой особый формат восприятия мира через призму Инь-Ян аккумулирует национальное самосознание, вследствие чего данная дуалистическая концепция становится коллективным подсознательным ориентиром, оказывающим серьёзное влияние и на речевую практику.

Формализация смыслов, транслируемых парным построением, способствует интенсификации их выразительности, отображаемые в них идеи закрепляются в сознании носителей с той же основательностью, что и суеверия, когда-то заложившие основу популяризации персиковых талисманов.

Происходившие в течение нескольких тысячелетий изменения содержания, характера и назначения текста, написанного на деревянных дощечках, обусловили широкое распространение парных надписей как факта языковой действительности. Надписи на дощечках из персикового дерева, изначально предназначенные для защиты от злых духов, стали особым стилем парных изречений, прагматическое значение которых как на раннем этапе, так и в последующие эпохи состояло в выражении сначала защиты, затем надежды и благопожелания, а впоследствии – в провозглашении более широкого спектра социально значимых смыслов.

Основываясь на языковом материале, представленном в документальных, литературных источниках и трудах китайских исследователей (Сун Чжао, Ли Мина, Ван Бо, Ли Вэна и др.), в истории развития парных надписей как самостоятельного языкового явления можно выделить несколько этапов. Объективность представленной периодизации обусловлена рядом факторов исторического, культурного, социального характера, объясняющих изменения, во-первых, когнитивно-прагматической направленности, а,

во-вторых, способов номинации данного языкового явления.

Основой для изучения вопроса стали литературные источники, а также оригинальные хроники, летописи, содержание которых освещено посредством выполнения авторского перевода.

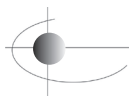
Результаты исследования и их обсуждение.

Первый этап процесса формирования и развития парных надписей может быть соотнесён с временами правления Пяти легендарных императоров (2600–2070 гг. до н. э.), когда мифические персонажи Шэнь Шу (神荼) и Юй Люй (郁垒), жившие на острове в Восточном море, управляли призраками, изгоняли злых духов и оберегали жизнь в Поднебесной. Упоминание о них встречается в литературном памятнике «Каталог гор и морей» (山海经), текст которого по преданию был составлен «помощником совершенному-дрого полумифического правителя древности Юя (XXIII в. до н. э.) и выгравирован на священных сосудах»¹.

Первый этап хотя и не обнаруживает непосредственного появления парных надписей как таковых, однако именно в это время в сознании древних китайцев закладывается основа значимости парных категорий и актуализируется их социально обусловленная природа. Согласно ранним литературным памятникам в китайской философской традиции существует идея о том, что прообразом всего сущего на Земле являются два начала – 太极生两仪 (досл.: великий предел дал два начала) – Инь и Ян, [10, с. 24]. Согласно данной концепции, всё, что окружает человека, и всё, что есть вне, есть, по сути, проявление этих двух категорий. Концепция Инь-Ян впитала все знания и представления древних китайцев о предметах и явлениях природы и человеческого бытия, которые согласно «Книге перемен» (易经) «имеют свою пару и соотносятся с двумя началами – Инь и Ян, Инь символизирует женское начало, землю, подчинённого, живот, низ, север, ветер, воду, цветы, чёрный и белый цвета, смирение и т. д. и соотносится с категорией Ян, которая символизирует мужское начало, небо, правителя, макушку, верх, юг, гром, огонь, горы, плоды, жёлтый и красный цвета, силу и т. д.» [13, с. 148–150].

Как известно, в древний период была заложена основа китайской духовной цивилизации.

¹ Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. – М.: Вост. лит.: Ин-т Дальнего Востока, 2006. – С. 614–615.

лизации, а образы мышления и сознания получили воплощение в словесной практике. Рассматриваемая в качестве основы мировосприятия китайцев дуалистическая концепция может являться причиной парного функционирования упомянутых выше культурных персонажей Шэнь Шу и Юй Люя, которые с течением времени были причислены к богам-хранителям и названы *мэньшэнь* 门神 (досл.: духи входа).

Историк Восточной Хань, Ин Шао (140–206 гг.), в разделе «Жизнеописание Хуан-ди» летописи Восточной Хань «Проникновенный смысл нравов и обычаев» так описывает появление этих культурных героев: «В древние времена на горе Душо в Восточном море жили два брата Шэнь Шу и Юй Люй. На горе росло огромное персиковое дерево. Каждое утро братья под сенью ветвей этого дерева опрашивали злых духов. Если случалось, что злые духи причиняли вред людям, то их связывали и отдавали на съедение тиграм. Впоследствии люди для защиты от злых духов стали рисовать изображения братьев на двух персиковых дощечках и вешать их по обеим сторонам входа в дом»¹.

Второй этап демонстрирует формирование обычаев и обоснование религиозных истоков парных надписей. На протяжении долгого времени, которое по свидетельству исторических летописей может быть соотнесено с династиями Ся, Шан и Чжоу (2070–221 гг. до н. э.), символические духи-хранители входа *мэньшэнь* в виде талисманов от нечистой силы – *таогэн* (桃梗) – фигурок духов-хранителей, а затем их изображений, вырезанных на дощечках из персикового дерева – *таобань* (桃版) (досл.: персиковые дощечки), сохраняли своё магико-символическое значение. Когнитивные представления древних китайцев, обусловленные в частности верой в то, что персиковое дерево обладает чудодейственной силой – с его помощью можно управлять духами, объясняют появление и распространение обычаев, основанных на волшебных свойствах персикового дерева и реализуемых магическими свойствами божков, украшений, дощечек, изготовленных из персикового дерева.

Подтверждение этому находим у Сун Чжао, который отмечает, что «в эпоху Чжаньго (династия Восточная Чжоу) китайцы верили, что добрые духи способны защитить людей от злых духов, поэтому они размещали над входом в дом на дощечках из персикового

дерева изображения духов-хранителей Шэнь Шу и Юй Люя» [10, с. 26]. Преемственность обычаев и традиций способствовала тому, что желание древних китайцев повелевать злыми духами, оберегать от них своё жилище, появившись в глубокой древности, передавалось от династии к династии, сохраняло свою значимость и суть, обретая новые черты, с течением времени становилось закономерным архетипическим сюжетом с разными культурными персонажами.

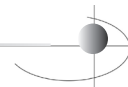
Записи о богах-хранителях входа в официальных династических летописях последующих эпох не всегда были связаны с именами легендарных персонажей Шэнь Шу и Юй Люя. Так, в «Истории ранней династии Хань» («Ханьшу» – 《汉书》), родоначальника китайской историографии Бань Гу (班固) (32–92 гг. н. э.), в этой связи упоминается имя храброго воина царства Ци периода Весны и Осени Чэн Цина 成庆. В «Жизнеописаниях правителей» Бань Гу пишет: «Ва входе в дворцовые покои наследника правителя княжества Цинь в период Весны и Осени – Цюйцзи 去疾 было изображение храброго Чэн Цина, облачённого в безрукавку и длинные брюки с мечом в руках»². А с наступлением династии Тан положение духов-хранителей входа стали занимать прославленные генералы династии Тан Цинь Шубао 秦叔宝 и Юйчи Цзиндэ 尉迟敬德 (585–658).

Многообразие актуальных в истории развития парных надписей персонажей, упоминания о которых встречаются в летописях разных эпох, объясняется территориальной раздробленностью, сопровождающей историческое развитие Китая в средние века. При всём многообразии версий и персонажей неизменной остаются следующие основополагающие предпосылки формирования данного национально-специфичного и значимого явления – религиозные представления (вера древних китайцев в существование практически реальных исторических персонажей, способных защитить очаг от злых духов), связь этих представлений с повторяющимися ритуалами и магическим символизмом персикового дерева. Парные персиковые талисманы, актуализированные совокупным влиянием данных факторов, выступают своего рода аксиологической основой формирования парных надписей.

Третий этап правомерно соотносить с временами правления императора Цинь Шихуана (династия Цинь, 221–206 гг. до н. э.),

¹ 中国古代文学作品选读/徐宗才选编. 北京: 北京语言学院出版社, 1991. – 页14.

² 中国古代文学作品选读/徐宗才选编. 北京: 北京语言学院出版社, 1991. – 页18.

эпохой Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) и следующими за ними в хронологической последовательности эпохи Троецарствия, династии Цзинь, эпохи Южных и Северных династий, династии Суй (220–618). Использование в это время возникших в глубокой древности *мэньшэнь*, так или иначе было соотносимо с определённым временем проведения ритуала, приходившегося на конец года. В книге «История династии Поздняя Хань. Описание церемониала» говорилось о том, что дощечки из персикового дерева изготавливали первого числа первого месяца по лунному календарю. В летописях, составленных при династии Лян периода Южных и Северных династий, а также в комментариях, составленных при дворе династии Суй, описываются новогодние обычаи, бытовавшие в царстве Чу периода Весны и Осени, в частности сказано, что «в первый день первого лунного месяца в каждом дворе на обладавших магическими свойствами персиковых дощечках, которые крепили с левой и правой стороны от входа во двор, рисовали двух духов: на левой дощечке – Шэнь Шу, на правой – Юй Люя, считавшихся духами-хранителями входа в дом»¹. Однако в качестве традиционных оберегов в этот период на персиковых дощечках вместо изображений стали размещать имена духов-хранителей. Теперь символический оберег стал называться *таофу* (桃符) (досл.: персиковое письменное заклинание), которое, по мнению китайского исследователя Сун Чжао, и «является прообразом китайских традиционных парных надписей» [10; 13].

С этого момента визуализированная изображениями дверных стражей информация, представленная на раннем этапе на персиковых дощечках, была вербализирована их именами, то есть была закреплена письменными языковыми знаками – приобрела языковую форму. Трансформация изобразительных категорий в письменные знаки и появление в связи с этим нового названия являются отражением содержательных изменений, ставших результатом развития общества, формирования традиций, праздничных обрядов и влияния других социально значимых факторов. Ритуально-традиционная обусловленность функционирования парных символов в феодальном Китае закреплялась многовековой историей.

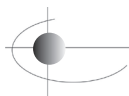
Четвёртый этап будем соотносить с династией Тан (618–907) и эпохой Пяти династий и десяти царств (907–965), так как именно в это время вместо имён духов-храните-

¹ 中国古代文学作品选读/徐宗才选编. 北京: 北京语言学院出版社, 1991. – 页 23.

лей на персиковых дощечках, получивших в предшествующие эпохи признание и любовь народа, стали писать парные изречения благожелательного характера, актуальность которых, главным образом, была связана с новогодними праздничными традициями. Новогодние парные пожелания, как наиболее ранняя форма парных надписей, стали основой популяризации данного языкового явления в речевой практике китайцев. Танские парные новогодние пожелания, сохранившие своё название – *таофу*, располагались по бокам дверей дома, продолжали носить ритуализированный характер, поскольку, несмотря на изменение содержания, по-прежнему актуализировали суеверность письменного заклинания (защищать семью и благополучно встретить новый год) и подтверждали неизменную значимость благопожелательности как ценности национального бытия.

Изменение содержания парных надписей всегда было связано с социальным контекстом – «образование централизованной империи под властью китайского дома Тан сопровождалось подъёмом культуры и небывалым расцветом литературы, прежде всего, поэзии» [5, с.116]. При династии Тан умение писать стихи стало популярным занятием, к поэзии обращались люди разного общественного статуса, поэтическое творчество стало средоточием социального внимания, поэтому отличительной особенностью танских парных надписей является наличие среди них в этот период парных поэтических строк известных поэтов.

Кроме того, четвёртый этап в истории формирования и развития парных надписей как самостоятельного языкового связан и с моментом создания первой парной надписи. В эпоху Пяти династий и десяти царств (907–965) изречения подобного характера уже были популярной среди населения устной речевой практикой, в императорском дворце написанием парных надписей занимались учёные. Однако официальное авторство в сочинении первой, зафиксированной на письме, парной надписи приписывают правителю Позднего Шу (943–965) – Мэн Чану, обладавшему блестящим литературным талантом. По свидетельству исторических источников, Мэн Чан, обеспокоенный происходящими в стране событиями, в канун наступающего 965 года приказал на дощечках из персикового дерева вместо имен духов написать благопожелания следующего содержания: 新年纳余庆, 佳节号长春 (досл.: в новом году потомкам воздастся за добрые дела предшественни-

ков, замечательный праздник принесёт вечную молодость). В содержание данного благопожелания правитель облёк свои надежды на избавление от бед и восстановление мощи своего царства, надеясь в наступающем году на благоприятное развитие, однако, некоторые исследователи склонны полагать, что составленная Мэн Чаном надпись носила магический характер и оказалась судьбоносной, так как предрекла процветание поработившей царствующий дом Шу династии Сун.

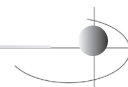
Пятый этап, начавшийся с момента установления династии Сун, включает несколько династий, на протяжении которых укреплялась традиция новогодних благопожеланий в феодальном Китае, об этом свидетельствуют строки стихотворения «Первый день нового года» 《元旦》 сунского поэта Ван Аньши 王安石 (1021–1086): 千门万户瞳瞳日, 总把新桃换旧符 (досл.: лучи восходящего солнца освещают каждый двор, все меняют старые таофу на новые). Вплоть до династии Сун новогодние парные надписи называли «*надписями на дощечках из персикового дерева*» – таофу, в период династий Сун китайцы перестали использовать дерево для написания парных надписей. Широкая популярность парных благопожеланий, а также ежегодный ритуал сжигания старых и развешивания новых таофу требовали использования более удобных и экономных форм их функционирования, поэтому в это время появились 春贴纸 (досл.: новогодние надписи, наклеенные на бумаге (или ткани), а затем новогодние парные надписи *чуньлянь* – 春联 (досл.: весенние строфы) – парные полосы красной бумаги с новогодними пожеланиями), которые также назывались 春贴 (досл.: полоски для наклеивания по случаю Праздника весны). Именно новогодние ритуалы, ставшие ярким фрагментом национальной модели мира китайцев, способствовали появлению парных оберегов, которые в ходе длительного развития и популяризации стали парными надписями.

Характерная для новогодних парных надписей широкая распространённость, как в диахроническом, так и в содержательном аспектах, стала своего рода основой для объективации парного построения как самостоятельного языкового явления, функционирование которого было актуальным в различных социальных сферах. Так, в период последних феодальных династий Юань, Мин и Цин (1206–1911) парные надписи получали всё большее распространение. По свидетельству исторических источников, основатель династии Мин (1368–1644) – император Чжу

Юаньчжан 朱元璋 (1328–1398) – был большим поклонником парных надписей, и не только сам занимался их написанием, но и заставлял своих подданных придумывать всё новые и новые парные надписи. Чжу Юаньчжан понимал социальную значимость употребления и распространения парных надписей, поэтому «по его приказу, все жители нового столичного города Нанькин от министров и чиновников до обычных крестьян накануне встречи Нового года должны были украшать двери в свой дом праздничными благопожеланиями» [9, с. 57]. Наряду с этим, парные надписи этого периода стали более художественными: в этот период они обрели форму литературного и эстетического искусства, а их сочинение стало рассматриваться как высокое искусство, которым могли заниматься представители учёного сословия.

В это время наблюдается расширение сфер применения данного языкового явления: наряду с традиционными новогодними парными благопожеланиями широкое распространение в общественной практике получили парные надписи, не связанные с новогодней тематикой, называемые 对门 (досл.: парные строки), 对子 (досл.: парные элементы), 对联 (досл.: парное соединение). Доминирование ритуальной обусловленности способствовало тому, что популяризация парных надписей соотносилась не только с новогодними традициями, но и с другими обрядовыми фрагментами жизни людей, главными из которых стали такие события, как свадьба, похороны, чествование долгожителей. Теперь существовали многочисленные разновидности парных надписей, например, свадебные парные надписи *хуньлянь* (婚), имевшие особую значимость во время жертвоприношений духам или предкам ритуальные парные надписи *ваньлянь* (挽联), адресованные, как правило, людям пожилого возраста, парные надписи с пожеланием долголетия *шоулянь* (寿联) и др.

Кроме того, развитие общества, производительных сил, науки и техники способствовали проникновению парных надписей в разные сферы жизнедеятельности людей и их использованию в различных отраслях промышленности и производства. Интерес к парным надписям *ханлянь* (行联), представляющим собой особый вид парных изречений, содержащих информацию о производимом товаре или предоставляемой услуге, их качестве, ремесленном мастерстве и радушии хозяина обнаружился довольно рано, с появлением таких заведений, как кузницы,

гостиницы, постоянные дворы. От династии к династии с развитием производства, отраслей экономики, науки и техники расширялись и сферы применения данной разновидности парных надписей [11, с. 84]. Более того, с течением времени такие парные надписи становились значимыми элементами развития общественных отношений. Следовательно, можно говорить о том, что на данном этапе развития была закреплена социальная роль парных надписей и объективирована формализованная модель их существования.

В новую и новейшую эпохи развития Китая люди несуетливы, ритуалы постепенно теряют свою значимость, обереги постепенно исчезают с входных дверей китайских домов. Несмотря на то, что шаблон парных надписей предсказуем и известен каждому члену языкового коллектива, парная схема выражения смыслов и представлений, идей и пожеланий, начиная с персиковых дощечек, на протяжении длительного времени эффективно функционирует в языковой общественной практике и закреплена в сознании носителей китайского языка. Именно поэтому их благожелательный символизм остаётся актуальным в сознании китайцев, чем и объясняется, на наш взгляд, их настойчивое существование и в новом, изменившемся и современном Китае. Существующие в литературных источниках упоминания о парных надписях позволяют говорить о том, что новогодние парные надписи можно считать основой, положившей начало популяризации парных надписей как самостоятельного языкового явления, однако в китайской языковой реальности наряду с новогодними парными пожеланиями существовали другие общеупотребительные парные надписи, они также были популярны и носили ритуальный характер, поэтому достаточно трудно определить, возникли ли они

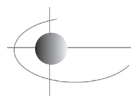
на основе новогодней традиции или стали самостоятельным фактом в истории развития парных надписей.

Заключение. Как значимое в сознании носителей китайского языка культурное явление парное речевое образование, возникнув на ментальном уровне, на протяжении многих тысячелетий не изменило исходных формообразующих принципов, эволюционировало и развивалось. Определённые в ходе исследования этапы формирования парных надписей соотносимы с этапами развития культурных явлений. На первом этапе, отмечаемом в культурологических изысканиях как зарождение культурного явления, были сформированы аксиологические основы появления парных надписей; на втором этапе, трактуемом культурологами как этап превращения культурной формы в образец, объективируется основной формообразующий признак парных надписей – парная номинация; третий этап – распространение культурного явления – актуализирует выбор парного построения в качестве способа актуализации значимых в социальном контексте смыслов; четвёртый этап – этап функционирования культурного явления – демонстрирует основные закономерности данного речевого явления, понятные в режиме одновременности восприятия и мышления представителей данной культурной общности; наконец, пятый этап – изменчивость культурного явления – подразумевает развитие и модернизацию парных надписей, расширение сфер функционирования данного языкового явления, подтверждая, что основы существования данного языкового феномена с течением времени стали образцом, существующим в китайской культурной и языковой реальности, обусловленной взаимодействием языка и традиции.

Список литературы

1. Антология древнекитайской литературы. М.: Вост. лит., 1994. 405 с.
2. Дао дэ цзин. Книга пути и благодати / пер. с кит. Ян Хин Шун. М.: Эксмо, 2008. 397 с.
3. Духовная культура Китая: энциклопедия / гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2006. 727 с.
4. И-Цзин: древняя китайская «Книга перемен». М.: Эксмо-Пресс, 2001. 560 с.
5. Кравцова М. Е. Хрестоматия по литературе Китая. СПб.: Азбука-классика, 2004. 768с.
6. Миликсетов А. В. История Китая. М.: Высш. шк., 2002. 736 с.
7. Фицджералд Ч. П. История Китая. М.: Центрполиграф, 2008. 480 с.
8. 囍明. 对联基础知识/囍明. 郑州: 河南人民出版社, 2005. 305 页.
9. 李雯. 中华楹联集锦/ 李雯. 北京: 人民出版社, 2011. 87 页.
10. 宋钊. 最新使用对联大全/宋钊. 北京: 民主出版, 2010. 257 页.
11. 王波. 民间实用春联/王波. 西安: 陕西人民美术出版社, 2011. 193 页.
12. 张平. 实用对联精选/张平. 福州: 福建科学技术出版社, 2010. 120 页.
13. 中国人: 性情中人的精神与气象/曹世潮 著. 上海: 上海文化出版社, 2004. 239 页.
14. 中国古代文学作品选读/徐宗才选编. 北京: 北京语言学院出版社, 1991. 276 页
15. 袁一平. 对联集锦/袁一平. 北京: 人民出版社, 2012. 176 页.

Статья поступила в редакцию 05.07.2018; принята к публикации 30.09.2018

Библиографическое описание статьи

Булдыгерова А. Н. Китайские парные надписи как языковое явление: этапы формирования и развития // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 16–22. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-16-22.

Anna N. Buldygerova,

Senior Lecturer,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: annbuldigerova@mail.ru

The Origin Stages and the Formation of Chinese Pair-Inscriptions as the Language Phenomenon: their Historic-Cultural Aspect

The symmetry and pair conception in the Chinese consciousness is an integral part of the ideal images in architectural composition of speech works in which the pair-inscriptions are their realization. Pair-inscriptions, having their bright national specification are absolutely a unique kind of language practice. Their history of origin and formation is deep and has various aspects, they are closely connected with the customs and traditions of ancient Chinese people. As to their functions in the historical context, we can name, at least, two reasons of their origin and popularization: the archaic-mythological images, which explain the appearance and character of the content and specific natural-philosophic disposition of the presented pair-inscriptions. This disposition also explains the structural peculiarity of the content. Taking into consideration all these reasons, it is rightful to define five stages of the development of pair-inscriptions connected with the actualization of such cultural facts as the home charms while entering the house, peach charms and the New Year pair-inscriptions.

Keywords: dynasty approach, pair-inscriptions, in-yang conception, axiomatic basis, archetypic plot

References

1. Anthology of ancient Chinese literature. M: Vostochnaya literatura, 1994. (In Rus.)
2. Tao Te Ching. Book of the Way and Grace. Per. s kit. Yan Khin Shun. M: Eksmo, 2008. (In Rus.)
3. Spiritual culture of China: encyclopedia. Titarenko, M. L., editor. 2006. (In Rus.)
4. I-Jing: the ancient Chinese Book of changes. M: Eksmo, 2001. (In Rus.)
5. Kravtsova, M. E. Chrestomathy of Chinese literature. SPb.: Azbuka-classica, 2004. (In Rus.)
6. Meliksetov, A. V. History of China. M: Visshaya shkola, 2002. (In Rus.)
7. Fitzgerald, C. P. The History of China. M: Centrpoligraf, 2008. (In Rus.)
8. Li Ming. Basic knowledge of pair-Inscriptions. Zhengzhou: Henan People's press, 2005. (In Chin.)
9. Li Wen. Collection of Chinese pair-inscriptions. Peking: People's press, 2011. (In Chin.)
10. Song Zhao. The latest collection of Chinese pair-inscriptions. Peking: Democratic press, 2010. (In Chin.)
11. Wang Bo. Folk pair-inscriptions. Xi'an: Shaanxi People's Fine Arts press, 2011. (In Chin.)
12. Zhang Ping. The collection of popular pair-inscriptions. Fuzhou: Fujian science and technology press, 2010. (In Chin.)
13. Cao Shichao. The Chinese: the nature of the human spirit and the weather. Shanghai: Shanghai culture press, 2004. (In Chin.)
14. Xu Zongcai. Chrestomathy of Chinese ancient literary. Pekin: University of foreign languages press, 1991. (In Chin.)
15. Yuan Yiping. Collection of the best pair-inscriptions. Peking: People's press, 2012. (In Chin.)

Received: July 5, 2018; accepted for publication September 30, 2018

Reference to the article

Buldygerova A. N. The Origin Stages and the Formation of Chinese Pair-Inscriptions as the Language Phenomenon: their Historic-Cultural Aspect // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 16–22. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-16-22.

УДК 81'36 + 81'42

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-23-31

Залина Руслановна Дохова¹,

кандидат филологических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова
(360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173),
e-mail: dohovaz@mail.ru

Руслан Хаталиевич Урусов²,

старший преподаватель,
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова
(360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173),
e-mail: urkbr07@mail.ru

**Языковая модель «глокой куздры» Л. В. Щербы
(на материале лингвистической сказки «Пуськи бятые» Л. С. Петрушевской)**

В статье рассматривается языковая модель Л. В. Щербы, иллюстрирующая значимую роль грамматической формы и грамматических категорий в языке. Актуальность лингвистической концепции «глокой куздры», демонстрирующей функциональный научный подход к описанию языковых единиц, который опирается на смысловую организацию языка, обусловлена созданием в современном художественном прозаическом дискурсе «заумных» лексем, материализующих анализируемый в работе филологический феномен. Ярким доказательством может выступить достаточно широкий диапазон новообразований, репрезентированных в цикле лингвистических сказок Л. С. Петрушевской, одна из которых и явилась материалом исследования. Изученные языковые единицы позволили выделить такие основные способы образования реализуемых писательницей индивидуально-авторских окказионализмов, как *глоссолалия* и *экспериментальное словотворчество ad libitum*. Созданные в результате языковой игры квазилексемы наиболее полно активизируют языковую системность посредством грамматики. Новизна исследования видится в том, что предложен детальный лингвистический анализ всех окказиональных лексоедов, встречающихся в «новом» тексте, с точки зрения грамматического и лексического значений. Кроме того, даётся своя семантическая интерпретация рассматриваемого дискурса, которая имеет гипотетический характер в связи с тем, что представляет субъективное видение поднятого в работе вопроса.

Ключевые слова: языковая модель, грамматическая форма, окказиональное образование, глоссолалия, экспериментальное словотворчество, грамматическое/лексическое значение

Введение. В центре внимания языкознания всегда были и будут вопросы, связанные с грамматической организацией языка. Как известно, грамматика – раздел языковедения, исследующий грамматические законы языка, являющий собой синтез словообразования, морфологии и синтаксиса – взаимообусловленных, переплетённых отраслей знания. Её становление как науки и последующее изучение имеет достаточно основательную историю. Бесспорно, следует обратить внимание на сформировавшиеся ещё многие десятилетия назад и в разное время сменяющие друг друга научные подходы к изучению одного объекта – формальный и функциональный. «Под формальной грамматикой понимается описание грамматического строя языка, идущее от формы к значению.

Под функциональной грамматикой – описание, идущее от значения к выражающим его формам»³. Формирование данных установок связано с осознанием рядом учёных важности семантики грамматических явлений и с признанием другими лингвистами доминантой при изучении языковых категорий внешнего, формального синтаксиса с присущими ему преобразованиями.

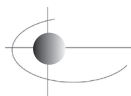
Огромный вклад в становление функциональной грамматики, имеющей «объектом изучения функции единиц строя языка и закономерности их функционирования», рассматривающей в одной системе средства, которые относятся к разным ярусам языка, но объединяются на базе «общности их семантических функций»⁴, внёс И. А. Бодуэн де Куртенэ. В его концепции количественности

¹ З. Р. Дохова осуществляет анализ, систематизацию материала исследования, оформление статьи.

² Р. Х. Урусов осуществляет анализ материала исследования, оформление статьи.

³ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 114.

⁴ Там же. – С. 565.

в языковом мышлении, имеющей иные способы представления, нежели алгебраическая количественность, чётко прослеживается принцип «от значения к форме» [1]. Дальнейшему формированию и развитию идей функциональной организации грамматического строя языка содействовал русский лингвист Л. В. Щерба, который обратил внимание на отличительные особенности «пассивной» и «активной» грамматики. В одном из своих трудов он наметил основные направления перестройки платформы грамматических явлений – борьбу с психологизмом и формализмом, действенность [14; 15, с. 74–77]. По мнению учёного, первостепенную роль в процессе активного усвоения системы языка должен играть смысл, а не форма, хотя одно без другого и не существует. Именно благодаря его трудам антиномия двух научных направлений «от формы к содержанию» – «от содержания к форме» стала наиболее очевидной, обозначенной.

Цель исследования заключается в рассмотрении действенности языковой модели Л. В. Щербы, разработанной в русле функциональной грамматики.

Для достижения поставленной цели следует решить следующие *теоретические и прикладные задачи*: рассмотреть степень изученности анализируемой в статье проблемы; изучить аспекты исследования прозы Л. С. Петрушевской в отечественной науке; обосновать значимость грамматических законов языка, существенность аффиксов при установлении семантики слова; проанализировать грамматическую организацию конкретного прозаического дискурса с целью выявления специфики составляющих его «новых» лексем.

Выбор *методов и приёмов исследования* предопределён спецификой цели и задач работы. В ней реализованы как общенаучные (наблюдение, анализ, синтез, моделирование), так и частнонаучные методы (аналитико-описательный метод, метод непосредственных составляющих).

В качестве *материала изучения* выступает лингвистическая сказка «Пуськи бятые» Л. С. Петрушевской, основным и единственным способом истолкования которой является взаимодействие грамматических единиц, лексики и контекста.

К постановке проблемы. Проанализированная литература свидетельствует о том, что Л. В. Щербу часто называют «формалистом». Это связано с его идеей крайней важности изучения грамматики при описании

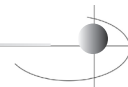
любого языка: «В языке есть нечто, подобное определённым цифрам, определённым величинам. Например, наши слова. Но в языке есть и что-то похожее на алгебраические или геометрические законы. Это что-то – грамматика языка» [15, с. 249]. Действительно, язык не может представлять собой обособленный словарный состав без его грамматического наполнения, так как лексема – маркер грамматического значения.

Окказионально-текстовые знаки Л. В. Щербы являются предметом изучения и современного языкознания [2; 5; 9; 10; 13].

Созданная лингвистом модель «глокой куздры» – обоснование значимости грамматических законов языка, существенности аффиксов при установлении семантики, контекстуальной коннотации слова. Языковед придумал фразу, состоящую из несуществующих в языке, ничего не значащих корневых морфем и вполне реальных аффиксов, которые «превратили... корни в макеты, в “чучела” слов...» [15, с. 249], то есть префиксы, суффиксы, окончания – «незаметные труженики языка», по словам Л. В. Щербы, наполнили искусственное предложение смыслом. «Это они делают язык языком. По ним мы судим о родстве между языками. Потому что они-то и есть грамматика, а грамматика – это и есть язык» [Там же].

Предложенная Щербой конструкция, состоящая из так называемых лексоидов, получила широкое распространение: «Как латынь была “паролем” учёных, так эта конструкция превратилась в “пароль” филологов» [12, с. 8].

Актуальность исследования заключается в конструктивности в современной науке о языке предложенной Л. В. Щербой языковой концепции, обнаруживающей сущность функционального научного подхода к описанию языковых единиц, что подтверждается частой реализацией в прозе последних десятилетий «сюрных» лексем, смысл которых можно выявить, только проанализировав их грамматическую организацию. В частности, лингвистические сказки Л. С. Петрушевской представляют собой сочетание окказиональных образований – несуществующих слов (исключая служебные части речи). Современная писательница при создании новых слов реализует 2 основных приёма – *глоссолалию* и *экспериментальное словотворчество ad libitum*. Первый способ – *глоссолалия*, берущая своё начало в религии как дар произнесения проповеди на не знакомых священнослужителю иностранных языках. Со временем семанти-

ческое поле значения данного понятия расширяется: «1. *Мед.* Расстройство речи, проявляющееся в произнесении бессмысленных сочетаний звуков при сохранении ритма, темпа речи. 2. *Книжн.* Магические заклинательные, пророческие звуко сочетания»¹. Второй метод образования окказионализмов в дискурсе Петрушевской – *экспериментальное словотворчество ad libitum*, под которым понимается создание с учётом авторского пожелания новых нестандартных, самобытных слов по малопродуктивным моделям.

Изучению сказок Л. Петрушевской с разных позиций посвящены многие работы. Так, система заглавий сказок Л. Петрушевской и литературная сказка в её творчестве рассматривается Г. А. Мехралиевой [3; 4]. Как объект редактирования описывают лингвистическую сказку «Пуськи бятые» И. С. Назметдинова и О. К. Ильинская [6]. Проблема поэтики сказок Л. С. Петрушевской раскрывается в диссертации Ю. В. Павловой [7]. Проза Л. Петрушевской как система дискурсов представлена в диссертационном исследовании Т. Г. Прохоровой [8]. Однако среди данных научных изысканий, посвящённых штудированию творчества Л. С. Петрушевской, нет ни одного исследования, в основе которого – лингвистический анализ всех окказиональных лексидов, встречающихся в «новом» тексте данной писательницы, с позиции их грамматического и лексического значений. Кроме того, в статью нами введено понятие *экспериментальное словотворчество ad libitum*, которое имеет свою трактовку. Включение этой языковой категории в научный оборот представляется целесообразным в связи с тем, что она дополняет существующую в науке терминологию в области словообразования. В этом и заключается **новизна исследования**.

Языковой анализ. Охарактеризуем каждую лексему с точки зрения грамматического значения (ГЗ) и попытаемся выявить её контекстуальное лексическое значение (ЛЗ). Несколько раз встречающиеся в тексте слова будут проанализированы единожды (в инвариантах будут обозначены только те грамматические категории и та семантика, в которых они разнятся). Следует обозначить, что произведённое в работе описание языковых единиц и категорий – своеобразная гипотеза, так как это исследование – субъективное предположение, индивидуальное видение рассматриваемого вопроса.

¹ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с. – С. 208.

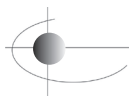
Анализ проблемы проведён на лингвистическом уровне в русле научной грамматики.

1. *Сяпала Калуша с Калушатами по напушке.*

Сяпала – ГЗ – глагол (гл.) (сяпать), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия, а именно – движения (что делала?). Подтверждением служит суффикс -А, выражающий значение отвлечённо-длительного способа действия и раньше встречавшийся только в формах прошедшего времени. Это спрягаемая форма. **Постоянные признаки (ПП)** – несов. вид, I спряжение (сяпать), невозвратный; **непостоянные признаки (НП)** – изъяв. накл., прош. вр. (формообразующий суффикс прош. вр. изъяв. и сослаг. накл. -Л-), ед. ч. (флексия -А), ж. р. (флексия -А); синтаксическая функция в предложении – предикат (сказуемое). **ЛЗ** – данное слово созвучно с гл. *чапать* (разг.-сниж. – идти (обычно с трудом, медленно)² в искажённой форме, присущей детской речи. Отсюда можно предположить и ЛЗ *сяпать* – «идти», что диктуется контекстом. **Калуша** – ГЗ – существительное (сущ.) (калуша), подтверждением чему служит значение предмета. **ПП** – собственное имя сущ. (графическое оформление – прописная буква), одушевлённое (во мн. ч. совпадают формы Р. п. и В. п.), ж. р. (флексия -А в словоформе сяпала), 2-е скл. (флексия ж. р. -А); **НП** – ед. ч., Им. п., на что указывает флексия -А и семантика «деятель», «производитель действия», соответственно, синтаксическая роль в предложении – подлежащее (субъект). **ЛЗ** – анализируемая лексема представляет собой фонемо-графическое видоизменение слова *клуша* – «курица-наседка»³ путём добавления в корневую морфему КЛУШ- гласной А (предположительно это обозначение графемы «К» – «КА»). Следовательно, можно сделать вывод о том, что это живое существо женского пола (класс позвоночных животных, птица), обладающее репродуктивной функцией (устанавливается по контексту наличием слова «калушата»); взрослая особь. ...**(с) калушатами** – ГЗ – сущ. (калушата), подтверждением чему служит значение предмета. **ПП** – нарицательное сущ. (графическое оформление – строчная буква), одушевлённое (совпадение Р. п. и В. п.); **НП** – мн. ч. (калушонок – калушата), Тв. п. (флексия -АМИ и значение «с кем производится действие»), следовательно, синтаксическая функция – дополнение. **ЛЗ** – «детёныши калуши», соответственно, «птенцы»: **корневая морфема «калуша»**

² Там же. – С. 1467.

³ Там же. – С. 434.

(= клуша) + аффикс «-АТ-», имеющий значение «детёныши» (-АТ-/ -ЯТ-: ср. со словами ягнята, медвежата): «Существительные с суф. -онок; во мн. ч. -ат(а)/-чат(а) называют лицо или животное, характеризующееся детскостью, невзрослостью»¹. ...**(по) напушке** – **ГЗ** – сущ. (напушка), что диктуется значением предмета. **ПП** – нарицательное имя сущ. (графическое оформление – строчная буква), неодушевлённое (совпадение форм И. п. и В. п.), ж. р. (флексия начальной формы -А), 2-е скл. (флексия ж. р. -А); **НП** – ед. ч., Д. п., на что указывает флексия -Е и объектно-обстоятельственное значение; синтаксическая функция – дополнение. **ЛЗ** – описываемая единица созвучна с искажённым словом «опушка», одним из значений которого является «край леса»².

2. И увазила бутявку, и волит:

Увазила – **ГЗ** – гл. (увазить), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия, а именно процесс (что сделала?). Это спрягаемая форма. **ПП** – сов. вид, II спряжение (инфинитив – увазить), невозвратный гл.; **НП** – изъяв. накл., прош. вр. (формообразующий суффикс прош. вр. изъяв. и сослаг. накл. -л-), ед. ч. (флексия -А), ж. р. (флексия -А); синтаксическая функция в предложении – предикат (сказуемое). **ЛЗ** – данное слово созвучно с гл. *увидеть* – «воспринять зрением»³ в искаженной форме, присущей детской речи. Следует обратить внимание и на историческое соответствие перехода, согласно закону открытого слога, праславянского сочетания *dj* в *ж/жд* – *увижу* = *увиЗю* (в детской речи происходит смягчение постоянно твёрдого согласного). Отсюда возможно предположить и лексическое значение *увазила* – «восприняла зрением», что диктуется контекстом. **Бутявку** – **ГЗ** – сущ. (бутявка), подтверждением чему служит значение предмета (одушевлённого). **ПП** – нарицательное имя сущ. (графическое оформление – строчная буква), одушевлённое (контекстуальное определение – «увазила (кого?) бутявку», Р. п. = В. п.), ж. р. (флексия -А), 2-е скл. (флексия ж. р. -А); **НП** – ед. ч., В. п., на что указывает флексия -У и объектное значение, семантика «тот, на кого направлено действие», соответственно, синтаксическая роль в пред-

ложении – дополнение. **ЛЗ** – ср. с «букашка». Следовательно, можно сделать вывод о том, что это живое существо – насекомое – представитель класса беспозвоночных членистоногих животных. **Волит** – **ГЗ** – гл. (волить), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия, а именно «совершать действие, свойственное тому, что названо в исходном слове» (что делает?). Подтверждением служит суффикс -И, выражающий данное значение. Это спрягаемая форма. **ПП** – несов. вид, II спряжение (инфинитив – волить), невозвратный гл.; **НП** – изъяв. накл., наст. вр. (называемое действие происходит в момент речи; флексия -ИТ), 3-е л., ед. ч. (флексия -ИТ), ж. р. (контекст); синтаксическая функция в предложении – предикат (сказуемое). **ЛЗ** – данное слово созвучно с гл. *говорить* – «выражать словесно мысли, мнения, сообщать; вести беседу, разговаривать»⁴ в искажённой форме. Отмечается сокращение и смягчение, присущие детской речи: ср. «говорит» – «говолит» – «волит». Отсюда возможно предположить и лексическое значение *волить* – «сообщать».

3. – Калушата! Калушаточки! Бутявка!

Калушата – см. предложение № 1 + отличительные особенности: Им. п., на что указывает флексия -А и субъектное значение; синтаксическая роль в предложении – обращение. **Калушаточки** – от предыдущего слова данная словоформа отличается наличием суффикса субъективной оценки -ОЧК, который придаёт слову уменьшительно-ласкательную коннотацию и передаёт доброжелательное отношение говорящего к предмету речи. **Бутявка** – см. предложение № 2. Отличительные особенности: Им. п. (флексия -А); реализуемая синтаксическая функция – подлежащее.

4. Калушата присяпали и бутявку стрямкали.

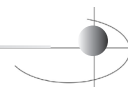
Калушата – см. предложение № 3. Отличительная особенность: синтаксическая функция – подлежащее. **Присяпали** – образовано от гл. *сяпать* + приставка ПРИ– со значением «приближения». Разбор лексики *сяпала* см. в предложении № 1. Отличительные особенности: сов. вид, 3-е л. (по контексту), мн. ч. (флексия -И); **ЛЗ** *присяпать* – «прийти». **Бутявку** – см. предложение № 2. **Стрямкали** – **ГЗ** – гл. (стрямкать), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия, а именно процесс (что сделали?). Это спрягаемая форма. **ПП** – сов. вид,

¹ Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / редкол. Н. Ю. Шведова [и др.]. – М.: Наука, 1980. – С. 204.

² Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с. – С. 722.

³ Там же. – С. 1367.

⁴ Там же.

I спряжение (инфинитив – стрямкать), невозвратный гл.; *НП* – изъяв. накл., прош. вр. (формообразующий суффикс прош. вр. изъяв. и сослаг. накл. -Л-), 3-е л. (по контексту), мн. ч. (флексия -И); синтаксическая функция в предложении – сказуемое. **ЛЗ** – данное слово (приставка С- + корень -ТРЯМ- + суффикс -К- + суффикс -А- + суффикс -Л- + флексия -И) имеет корневую морфему, созвучную со словом, взятым из рисованного мультфильма Сергея Козлова «Трям! Здравствуйте». Это ещё раз доказывает целеустановку на детское сознание. Однако у Петрушевской данная лексема имеет другое смысловое наполнение – «съели», что легко воссоздаётся по контексту.

5. И подудонились.

Подудонились – **ГЗ** – гл. (подудониться), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия (что сделали?). Это спрягаемая форма. *ПП* – сов. вид, II спряжение (инфинитив – подудониться), возвратный (постфикс -СЯ со значением «полноты, исчерпанности, проявления действия, истощённость субъекта действием, интенсивность захвата субъекта действием»); *НП* – изъяв. накл., прош. вр. (формообразующий суффикс прош. вр. изъяв. и сослаг. накл. -Л-), 3-е л. (по контексту), мн. ч. (флексия -И); синтаксическая функция в предложении – предикат (сказуемое). **ЛЗ** – данное слово, образованное приставочным способом (приставка ПО- со значением «многократное, иногда также поочередное действие, распространённое на все или многие объекты или совершённое всеми или многими субъектами»¹), имеет корневую морфему -ДУД (-ОН-) – «дудá» – уменьш. дудка, диал. также «волынка», «тот, кто пьёт много воды», дудить «много пить (особенно воды)»². Следовательно, вполне можно предположить, что здесь реализуется значение «отравились».

6. А Калуша волит – см. предложение № 1, 2.

7. – Оее! Оее! Бутявка-то некузявая!

Оее! Оее! – междометие ой. **Бутявка-то** – см. предложение № 3. + неопределённая частица ТО. **Некузявая** – **ГЗ** – прилагательное (прил.) (некузявый), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика признака одушевлённого предмета (какая?).

¹ Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / редкол. Н. Ю. Шведова [и др.]. – М.: Наука, 1980. – С. 366.

² Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vasmer.lexicography.online> (дата обращения: 20.07.2018).

ПП – качественное; *НП* – положительная степень сравнения, полная форма, Им. п., ед. ч., ж. р. (флексия -АЯ); синтаксическая роль в предложении – предикат. **ЛЗ**. Слово состоит из приставки НЕ- со значением «отрицания, полной противоположности того, что выражает слово без этого аффикса»; корневой морфемы -КУЗ- (можно провести параллель с циклом сказок Татьяны Александровой про домовенка Кузю, отличающегося добротой, искренностью, милосердием); суффикса -АВ-/-ЯВ-, «обладающего в качестве отличительного признака тем или содержащего то, что названо мотивирующим словом»³ и флексии -АЯ. Следовательно, не + добрый/хороший = недобрый/нехороший.

8. Калушата бутявку вычучили.

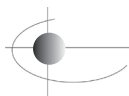
Калушата – см. предложение № 1. **Бутявку** – см. предложение № 2. **Вычучили** – **ГЗ** – гл. (вычучить), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия (что сделали?), а именно – «направленность движения изнутри наружу». Это спрягаемая форма. *ПП* – сов. вид, II спряжение (инфинитив – вычучить), невозвратный гл.; *НП* – изъяв. накл., прош. вр. (формообразующий суффикс прош. вр. изъяв. и сослаг. накл. -Л-), 3-е л. (по контексту), мн. ч. (флексия -И); синтаксическая функция в предложении – сказуемое. **ЛЗ** – «выплюнули». Данное слово (приставка ВЫ- + корень -ЧУЧ- + суффикс -И- + суффикс -Л- + флексия -И) имеет корневую морфему -ЧУЧ-, «ср. словен. cúsa – то же (наряду с kúsa), cúcati “мочиться”. По-видимому, ономотонотические образования»⁴.

9. Бутявка вздребезнулась, соприткнулась и усяпала с напушки.

Бутявка – см. предложения № 2, 3. **Вздребезнулась** – **ГЗ** – гл. (вздребезнуться), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия (что сделала?). Это спрягаемая форма. *ПП* – сов. вид, I спряжение (инфинитив – вздребезнуться), возвратный (постфикс -СЯ со значением «движения, совершаемого субъектом»); *НП* – изъяв. накл., прош. вр. (формообразующий суффикс прош. вр. изъяв. и сослаг. накл. -Л-), 3-е л. (по контексту), ед. ч., ж. р. (флексия -А); синтаксическая функция в предложении – предикат (сказуемое). **ЛЗ** – «встрепенуться, прийти в себя, встряхнуться... Шутл. контаминация

³ Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / редкол. Н. Ю. Шведова [и др.]. – М.: Наука, 1980. – С. 290.

⁴ Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vasmer.lexicography.online> (дата обращения: 20.07.2018).

«встрепенуться» и «дребезжать» в гипотетической форме сов»¹. **Сопритюкнулась – ГЗ** – гл. (сопритюкнуться), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия/соединения, сближения. Это спрягаемая форма. **ПП** – сов. вид, I спряжение (инфинитив – сопритюкнуться), возвратный гл. (постфикс -СЯ со значением «движения, совершаемого субъектом»); **НП** – изъяв. накл., прош. вр. (формообразующий суффикс прош. вр. изъяв. и сослаг. накл. -Л-), 3 л. (по контексту), ед. ч., ж. р. (флексия -А); синтаксическая функция в предложении – сказуемое. Контекстное **ЛЗ** данного слова – «пришла в себя», что можно вывести из его составляющих: приставка СО- (значение «соединения»), приставка ПРИ- (значения «приближения», «присоединения»), корневая морфема -ТЮК- – «большой упакованный свёрток, связка чего-л.»², суффикс -НУ- (значение «мгновенности, ментальности»), суффикс -СЯ (значение «совершения движения»). То есть «воссоединилась». **Усыпала** – данный гл. образован от гл. спать + приставка У- со значением «направленности действия, движения от чего-либо, удаление, устранение, исчезновение чего-либо». Разбор лексемы **сыпала** см. в предложении № 1. Отличительные особенности: сов. вид, 3-е л. (по контексту); **ЛЗ** **усыпать** – «уйти». ... **(с) напушки** – см. предложение № 1. Отличие – Р. п. (флексия -И).

10. А Калуша волит калушатам – см. предложение № 1 + отличительная особенность: Д. п. (флексия -АМ).

11. – Калушатошки! Не трямкайте бутявок, бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузявые.

Калушатошки! – см. предложение № 3. **Не трямкайте – ГЗ** – гл. (трямкать), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия, а именно – каузирование совершения кем-либо определённого действия (что делайте?). Это спрягаемая форма. **ПП** – несов. вид, I спряжение (инфинитив – трямкать), невозвратный; **НП** – императив/повелит. накл., 2-е л., мн. ч. (суффикс -И- и постфикс -ТЕ); синтаксическая функция – сказуемое. **ЛЗ** – «не ешьте». См. подробнее предложение № 4. **Бутявок** – см. предложение № 2. Отличительные черты: Р. п., мн. ч. (нулевая флексия). **Бутявки** – см. предложение № 2. Отличие: Им. п., мн. ч. (флексия -И);

синтаксическая роль в предложении – подлежащее. **Дюбые – ГЗ** – прил. (дюбый), о чём сигнализирует заключённая в нём семантика признака одушевлённого предмета (какие?). **ПП** – качественное; **НП** – положительная степень сравнения, полная форма, Им. п., мн. ч. (флексия -ЫЕ); синтаксическая роль в предложении – сказуемое. **ЛЗ** – «злой» (ср. дюбые – злые). **Зюмо-зюмо – ГЗ** – наречие (зюмо), о чём сигнализирует заключённая в нём семантика признака признака (как?). **ПП** – неизменяемая часть речи; значение образа действия; в предложении выступает обстоятельством. **ЛЗ** – предположительно сильно-сильно, очень-очень. **Некузявые** – см. предложение № 7. Отличие – мн. ч.

12. От бутявок дудонятся.

(От) бутявок – см. предложение № 11.

Дудонятся – ГЗ – гл. (дудониться), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия (что делают?). Это спрягаемая форма. **ПП** – несов. вид, II спряжение (инфинитив – дудониться), возвратный (постфикс -СЯ со значением «полноты, исчерпанности, проявления действия, истощённость субъекта действием, интенсивность захвата субъекта действием»); **НП** – изъяв. накл., наст. вр. (называемое действие происходит в момент речи; флексия -ЯТ), 3-е л., мн. ч. (флексия -ЯТ); синтаксическая функция в предложении – сказуемое. **ЛЗ** – «травятся/происходит отравление».

13. А бутявка волит за напушкой – см. предложения № 1, 3 + за напушкой (за чем?) – Тв. п. (флексия -ОЙ).

14. – Калушата подудонились! – см. предложение № 1, 3.

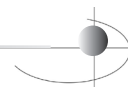
15. Зюмо некузявые! – см. предложение № 11.

16. Пуськи бятые!

Пуськи – ГЗ – сущ. (пуська), подтверждением чему служит значение предмета (одушевлённого). **ПП** – нарицательное имя сущ., одушевлённое (совпадение Р. п. и В. п.), ж. р. (флексия -А), 2-е скл. (флексия ж. р. -А); **НП** – мн. ч., Им. п., на что указывает флексия -И и субъектное значение, семантика «тот, кто действует», соответственно, синтаксическая роль в предложении – подлежащее. **ЛЗ** – уменьшительно-ласкательное прозвище, «милашки»; ср. «МУСИ-ПУСИ, нескл., м. или ж. (или муси-муси, муси-лямпапуси, муси-люси, музи-зюзи и т. п.). 1. То же, что мусик. 2. В зн. межд. выражает ирон. отношение к собеседнику»¹. Пуся + уменьшительно-ласкательный суффикс -К-. **Бятые – ГЗ** – прил. (бятый), о чём сигнализирует заключённая в нём семан-

¹ Елистратов В. С. Словарь русского арго: материалы 1980–1990 гг.: около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. – М.: Русские словари, 2000. – С. 62.

² Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с. – С. 1357.

тика признака одушевлённого предмета (какие?). *ПП* – качественное; *НП* – положительная степень сравнения, полная форма, Им. п., мн. ч. (флексия -ЫЕ); синтаксическая роль в предложении – определение. *ЛЗ* – «плохой», ср. «бья» – «межд., выражающее отвращение, отсюда «бьяка» – «плохое, дурное» (из детской речи)»² – «бьякий» – «бятый».

Следовательно, анализ грамматической организации лексем в предложениях, взятых из лингвистической сказки Л. С. Петрушевской, позволяет эвентуально рассмотреть смысловое наполнение всего текста: «Шла птица Калуша с птенцами-калушатами по опушке. И увидела бутявку (особое насекомое) и говорит: “Калушата! Калушачки! Бутявка!” Калушата пришли и съели бутявку. И отравились. А птица Калуша говорит: “Ой! Ой! А бутявка-то плохая (невкусная)!” Калушата бутявку выплюнули. Бутявка встряхнулась, пришла в себя и ушла с опушки. А Калуша говорит калушатам: “Калушачки! Не ешьте бутявок, бутявки злые и очень-очень невкусные. От бутявок травятся”. А бутявка говорит за опушкой: “Калушата отравились! Очень нехорошие! Плохие/ужасные милашки (пуськи)!”»

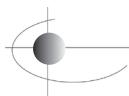
Выводы. Таким образом, можно констатировать на примере реализуемой Л. С. Петрушевской сети псевдоексем валидность в современной лингвистике языковой модели «глокой куздры» Л. В. Щербы, значимость в языке грамматической организации дискурса: морфологическая характеристика слов, состоящих из несуществующих в языке корней и реальных аффиксов, даёт возможность понять авторский замысел, воспроизводит смоделированную им картину происходящего, хотя лексическое значение слов субъективно при экстроперспективности их грамматических свойств. Как отметил Л. В. Щерба, несколько художников рисуют картину по одной фразе, с одной стороны, совершенно по-разному, с другой – одинаково: «Одни представляют себе “куздру” в виде стихийной силы – ну, скажем, в виде бури... Вот она убила о скалу какого-то моржеобразного “бокря” и треплет всю его детёныша... Другие рисуют “куздру” как тигрицу, которая сломала шею буйволу и теперь грызет буйволёнка. Кто что придумает! Но ведь никто не нарисует слона, который разбил бочку и катает бочонок? Никто! А почему? А потому, что моя фраза подобна алгебраической формуле!» [11, с. 249].

Список литературы

1. Бодуэн де Куртэнз И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 391 с.
2. Зуева В. В. Об автоматизации лексических единиц в речи в связи с вопросом о классификации контекстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2009. № 4. С. 15–20.
3. Мехралиева Г. А. О системе заглавий сказок Л. Петрушевской // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 4, № 35–3. С. 97–101.
4. Мехралиева Г. А. Литературная сказка в творчестве Л. С. Петрушевской: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Петрозаводск, 2012. 24 с.
5. Миколайчик В. И. Об актуальной проблеме теоретической грамматики // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2012. № 4. С. 112–117.
6. Назметдинова И. С., Ильинская О. К. Лингвистическая сказка Л. Петрушевской «Пуськи бятые» как объект редактирования // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения: сб. статей VIII междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Пенза, 2018. С. 49–54.
7. Павлова Ю. В. Проблемы поэтики сказок Л. С. Петрушевской: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тверь, 2006. 22 с.
8. Прохорова Т. Г. Проза Л. Петрушевской как система дискурсов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Казань, 2008. 48 с.
9. Самарин Д. А. Представления В. А. Богородицкого и Л. В. Щербы о природе нормы литературного языка // Достижения и проблемы современной науки: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. редактор А. А. Сукиасян. Уфа, 2015. С. 151–155.
10. Трахинин Е. Л. «Глокая куздра» в лингвистическом освещении (к постановке проблемы) // Общество и человек. 2012. № 1. С. 44–45.
11. Успенский Л. В. Слово о словах (очерки о языке). Л.: Детгиз, 1954. 296 с.
12. Флоря А. В. К вопросу о русской неологии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2000. № 2. С. 4–8.
13. Чечулина Л. С. Функционально-семантический аспект изучения грамматики // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2016. № 14. С. 329–336.

¹ Елистратов В. С. Словарь русского арго: материалы 1980–1990 гг.: около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. – М.: Русские словари, 2000. – С. 259.

² Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vasmer.lexicography.online> (дата обращения: 20.07.2018).

14. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 190 с.
15. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.

Статья поступила в редакцию 25.07.2018; принята к публикации 30.08.2018

Библиографическое описание статьи

Дохова З. Р., Урусов Р. Х. Языковая модель «глокой куздры» Л. В. Щербы (на материале лингвистической сказки «Пуськи бятые» Л. С. Петрушевской) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 23–31. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-23-31.

Zalina R. Dokhova¹,

*Candidate of Philology, Associate Professor,
Berebekov Kabardino-Balkarian State University
(173 Chernyshevskogo st., Nalchik, 360004, Russia),
e-mail: dohovaz@mail.ru*

Ruslan Kh. Urusov²,

*Senior Lecturer,
Berebekov Kabardino-Balkarian State University
(173 Chernyshevskogo st., Nalchik, 360004, Russia),
e-mail: urkbr07@mail.ru*

**The Language Model of “Glokoikuzdra” by L. V. Shcherba (on the Material
of the Linguistic Fairy Tale *Puski byatye* by L. S. Petrushevskaya)**

The language model of L. V. Shcherba which illustrates a significant role of grammatical form and grammatical categories in the language is considered in the given article. The topicality of the linguistic concept of the “glokoikuzdra” presenting the functional scientific approach to the description of the language units which is based on the semantic organization of the language is caused by the creation of the “abstruse” lexical units materializing the philological phenomenon analyzed in the work in the modern art prosaic discourse. It is proved by a rather wide range of new words (neologisms) which are represented in the collection of linguistic fairy tales by L. S. Petrushevskaya, one of which was the material for the study. The analyzed language units allowed us to single out such main ways of formation of the individual and author’s nonce words realized by the writer as a glossolalia and an experimental word creation of adlibitum. The quasi lexemes created as the result of language game intensify the language systemacy most fully by means of grammar. The novelty of the research is the detailed linguistic analysis of all occasional lexoids that are found in the “new” text from the point of view of grammatical and lexical meanings. Besides, the semantic interpretation of the considered discourse which is of hypothetical character because it represents the subjective vision of the question which is brought up in the given article.

Keywords: language model, grammatical form, nonce words, glossolalia, experimental word creation, grammatical/lexical meaning

References

1. Boduen de Kurtene, I. A. Selected works on general linguistics. In 2 volumes. V. 2. M: USSR Academy of Sciences, 1963. (In Rus.)
2. Zueva, V. V. On the automation of lexical units in speech in connection with the question of classification of contexts. Bulletin of the Russian University of Peoples’ Friendship. Series: Linguistics, no. 4, pp. 15–20, 2009. (In Rus.)
3. Mehralieva, G. A. On the system of fairy tale titles by L. Petrushevskaya. Bulletin of the Cherepovets State University. V. 4, no. 35–3, pp. 97–101, 2011. (In Rus.)
4. Mehralieva, G. A. Literary fairy tale in the works of L. S. Petrushevskaya. Cand. philol. sci. diss. abstr. Petrozavodsk, 2012. (In Rus.)
5. Mikolajczyk, V. I. About the urgent problem of theoretical grammar. Memoirs of the Russian State social University, no. 4, pp. 112–117, 2012. (In Rus.)

¹ Z. R. Dokhova: analysis and systematization of research material, preparation of the manuscript.

² R. Kh. Urusov: analysis of research material, preparation of the manuscript.

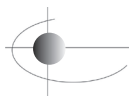

6. Nazmetdinova, I. S., Ilʹinskaja, O. K. Linguistic tale by L. Petrushevskaya "Pusʹki bjaty" as an object for editing. Science and innovation in the 21st century: issues, discoveries and achievements. A collection of articles of VIII international scientific and practical conference. In 3 p., 2018: 49–54. (In Rus.)
7. Pavlova, U. V. Problems of poetics of fairy tales of L. S. Petrushevskaya. Cand. philol. sci. diss. Tver, 2006. (In Rus.)
8. Prokhorova, T. G. Prose of L. Petrushevskaya as a system of discourses. Dr. philol. sci. diss. abstr. Kazan, 2008. (In Rus.)
9. Samarin, D. A. Representations of V. A. Bogoroditsky and L. V. Shcherbov about the nature of the norm of the literary language. Achievements and problems of modern science: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. 2015: 151–155. (In Rus.)
10. Trahinin, E. L. "Glokaya kuzdra" in the linguistic coverage (to the problem). The society and people. No. 1, pp. 44–45, 2012. (In Rus.)
11. Uspensky L. V. A word about words (essays on language). Leningrad: Detgiz, 1954. (In Rus.)
12. Florya A. V. On the Question of Russian Neology. Bulletin of the Orenburg State University, no. 2, pp. 4–8, 2000. (In Rus.)
13. Chechulina, L. S. The Functional-Semantic Aspect of the Study of Grammar. Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity, no. 14, pp. 329–336, 2016. (In Rus.)
14. Shcherba, L. V. Selected works on the Russian language. M: Uchpedgiz, 1957. (In Rus.)
15. Shcherba, L. V. Language system and speech activity. L: Nauka, 1974. (In Rus.)

Received: July 25, 2018; accepted for publication August 30, 2018

Reference to the article

Dokhova Z. R., Urusov R. Kh. The Language Model of "Glokoykuzdra" by L. V. Shcherba (on the Material of the Linguistic Fairy Tale Puski byatye by L. S. Petrushevskaya) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 23–31. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-23-31.

УДК 81

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-32-40

Александр Георгиевич Зверев,

аспирант,

Тюменский государственный университет

(625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6),

e-mail: antikrizis00@list.ru

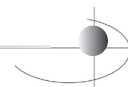
Модальность текстов законов в языках средневропейского стандарта

Целью статьи является внесение уточнений в вопросы модальности законов в языках средневропейского стандарта. Современные научные публикации в России, посвящённые языку права, отмечены явным «позитивистским» и «неопозитивистским» уклоном. Выдвигаются положения о мономодальности текста закона. В действительности выводы в таких исследованиях не содержат достоверных данных о модальных средствах выражения в законе «необходимости и долженствования». Исследования юридических текстов, выполненные лингвистами, воспринимаются как «экспертные» и вызывают определённое доверие у юридического сообщества, особенно подверженного влиянию юридического позитивизма. В данном исследовании на выборке из законов доказывалось несоответствие ранее предлагаемых выводов о модальности таких документов. Использованы методы исследования: описательный и сопоставительный методы; структурно-функционального анализа; контекстуального анализа. В нашем сопоставительном исследовании корпусов юридических текстов применяются методы, которые необходимы для сбора и классификации эмпирических фактов. Установленные эмпирические факты относятся к использованию юридического языка в английском, русском, польском, немецком, французском и испанском языках. В процессе сопоставления модальных средств устанавливали общее и различное как в наборе языковых средств, так и в количестве единиц, составляющих ту или иную подсистему. Исследуемые нами юридические тексты в сопоставительном аспекте являются примером взаимовлияния на уровне кросс-лингвистических контактов.

Ключевые слова: модальность, модальные глаголы, кодекс, закон, распоряжение, возможность, необходимость

Введение. Язык права является объектом исследования юристов, лингвистов, логиков, философов, социологов, антропологов в силу своих уникальных свойств: логической строгости, абстрактного характера отношений (фактов, явлений, вещей и т. д.). Законы являются «посредниками» между миром воображаемым (собственность, справедливость, благо и т. д.) и миром реальным (люди, вещи, государственных институтов и т. д.). Законы подчиняются правовым принципам, правовой культуре и правовой традиции в явном и неявном виде. Правовая норма конкретного закона (кодекса) создаётся и действует внутри правовой культуры и правовой традиции. Все правовые нормы с точки зрения реальности/ирреальности являются *гипотетическими*, т. к. являются моделью нашего мира. Как всякая модель она имеет элементы упрощения и усложнения мира действительного (окружающего, физического). В данном исследовании под модальностью понимаем «в узком смысле как выражение возможности, необходимости и воли» [2]. Для юридического позитивизма является характерным отождествление права и закона, что приводит к устранению всяких критериев, позволяющих отличить правовую законность

от правового произвола государства. «В современной российской юридической литературе продолжает доминировать этатистское (позитивистское, легистское – в данном контексте различия этих терминов несущественны) правопонимание, согласно которому право функционально и генетически производно от государства...» [17]. По мнению Нобелевского лауреата по экономике Фридриха Хайека, «...то, что нам известно о доисторических и примитивных обществах, говорит о совершенно ином происхождении и детерминантах права, нежели нам представляют теории, возводящие всё к воле законодателя. И хотя учение позитивизма находится в вопиющем противоречии со всем, что нам известно об истории права...» [13, с. 92]. В первой половине XX века возникла теория *легистского неопозитивизма*. Её основоположниками являются Г. Кельзен, австриец по происхождению, долгое время проживший в США, а также англичанин Х. Л. А. Харт «...*Неопозитивизм*, воспринимая законы как данность, предлагает следующее формалистическое объяснение права: это принудительные нормы, основанные на других принудительных нормах, составляющие в совокупности иерархическую систему предписаний...» [16,

с. 32]. Практическое значение исследования – отказ от интерпретации результатов лингвистических исследований законодательных текстов от влияния *юридического позитивизма*.

Методология и методы исследования.

В исследовании использованы методы: описательный и сопоставительный; метод структурно-функционального анализа; контекстуального анализа. В процессе сопоставления модальных средств устанавливали общее и различное как в наборе языковых средств, так и в количестве единиц, составляющих ту или иную подсистему.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье 2015 года исследуется модальность необходимости в официально-деловых текстах в русском и польском языках [3]. Примеры выбирались авторами из публикаций в *Российской газете* и *Dziennik Ustaw* [Собрание законодательства Республики Польша]. Из анализа обнаруженных примеров на с. 73 [Там же] можно установить, что речь идёт о внесении изменений в законы, распоряжения министров, постановления Пленума Верховного Суда РФ: например, п. 5, 9, 10, 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1¹; п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2011 г. № 2²; п. 2 ст. 21 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 412-ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации»³ и т. д. На польском языке примеры изменения в Гражданском процессуальном кодексе Республики Польша (art. 503 § 1 и art. 89 § 1 Kodeks postępowania cywilnego)⁴; распоряжение министра транспорта, строительства и морского хозяйства (Rozporządzenie ministra transportu, budownictwa i gospodarki morskiej, z dnia 17 stycznia 2012 r. Dz. U. 12.79)⁵; распоряжение министра культуры и национального наследия (§ 8. Rozporządzenie ministra kultury i

dziedzictwa narodowego, z dnia 5 stycznia 2012 r. w sprawie Medalu „Zasłużony Kulturze Gloria Artis”)⁶ и т. д.

Полагаем, что избранный авторами фрагментарный отбор языкового материала из нормативных актов разной юридической силы не позволяет установить модальное значение выбранных лексем (*должен* и *powinien*; *следует* и *należy*; *необходимость*; *konieczność*; *обязан*; *(z)obowiązany* и т. д.) как в русском, так и в польском языке. Модальность официально-делового текста, его смысловая основа не устанавливаются в одном или нескольких употреблениях в отдельных структурно не связанных фрагментах, без исследования контекста употребления подобных лексем, без учёта правовых систем, с разными правовыми традициями и правосознанием.

Возьмём в качестве собственного примера Закон Республики Польша 2013 года «Об иностранцах» (“O cudzoziemcach” USTAWA z dnia 12 grudnia 2013 r.)⁷. Употребление лексемы *należy** – 9 случаев, лексемы *powin** – 12 на весь текст закона объёмом 107 тыс. слов, 256 страниц; лексемы *musi** (долженствования) – 3 случая; лексемы *może** – 120, *mogą** – 39, *można** – 45. Соотношение модальных средств выражения *необходимости* к *возможности* составляет *один* (24) к *девяти* (204). При интерпретации данных исходим из того, что «отрицание возможности – это невозможность, отрицание разрешения – это запрет...» [10]. Пример указывает на проблемы определения *модальности необходимости* – как *смысловой доминанты официально-деловых текстов*. Автором статьи были указаны вносимые изменения в Гражданский процессуальный кодекс Республики Польша (art. 503 § 1, art. 89 § 1 *Kodeks postępowania cywilnego*)⁸. Приведём собственный расчёт употребления лексем с модальным значением для всего текста Кодекса: *należy** – 149; *powin** – 166. При этом другие модальные средства составляют: *może* – 783; *mogą* – 108; *można* – 78. Соотношение модальных средств выражения *необходимости* к *возможности* составляет *один* (315) к *трём* (969).

Обратимся к Гражданскому процессуальному кодексу РФ (далее ГПК РФ)⁹, который

⁶ Rozporządzenie ministra kultury i dziedzictwa narodowego (z dnia 5 stycznia 2012 r. w sprawie Medalu „Zasłużony Kulturze Gloria Artis”).

⁷ Ustawa z dnia 12 grudnia 2013 r. „O cudzoziemcach” (Opracowano na podstawie Dz. U. z 2013 r. poz. 1650).

⁸ Ustawa z dnia 17 listopada 1964 r. „Kodeks postępowania cywilnego”.

⁹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ.

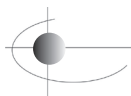
¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1.

² О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2011 г. № 2.

³ Об аккредитации в национальной системе аккредитации: федер. закон от 28.12.2013 г. № 412-ФЗ.

⁴ Ustawa z dnia 16.09.2011 r. o zmianie ustawy – Kodeks postępowania cywilnego oraz niektórych innych ustaw (Dz. U. z 2011 r. nr 233, poz. 1381).

⁵ Rozporządzenie ministra transportu, budownictwa i gospodarki morskiej (z dnia 17 stycznia 2012 r. Dz. U. 12.79).

соответствует ГПК Польши. Лексемы долженствования часты в употреблении: *следует* – 5 случаев; *должен** – 157; лексемы возможности *могут*/может** – 330. Соотношение модальных средств выражения *необходимости* к *возможности* составляет один (157) к двум (330).

Е. В. Падучева утверждает, что главные показатели онтологической возможности «... *может/сможет, можно* <...> синонимы для онтологических *может, можно – способен, в состоянии, имеет возможность*» [10]. Исходя из этого, мы полагаем возможным расширить синонимический ряд *возможности* лексемой *вправе* в значении сказуемого о наличии у кого-либо права на что-либо (примеры из ГПК РФ: *судья вправе...*, *суд вправе...*, *ответчик вправе...*, *истец вправе...*). Рассмотрим ст. 298 ГПК РФ «Действия суда после поступления заявления держателя документа». В документе присутствуют следующие лексические средства выражения *необходимости*: *суд оставляет... и устанавливает срок; запрещается производить...; срок не должен превышать...; судья разъясняет...*; лексические средства выражения *возможности*: *право предъявить...; право взыскать...; может быть подана частная жалоба...* Толкование данной правовой нормы свидетельствует о преобладании в ней средств выражения *необходимости*, однако фразы о том, что *суд оставляет... и устанавливает срок; судья разъясняет...*, – это перечисление обязанностей судьи, который вместе с *прескриптором (законодателем)* представляет само государство. Так же как и права, предоставленные прокурору и суду (судье), – это права самого государства: *суд может...* – 11; *судья может...* – 8; *суд вправе...* – 34 (случаи употребления в ГПК РФ).

Итак, вывод о том, что «...модальное значение *необходимости*, составляющее смысловую основу официально-деловых документов, реализуется как в русском, так и в польском языках с помощью широкого набора лексических экспликатов, наиболее регулярными из которых являются прилагательное *должен*, безличный глагол *следует* в русском языке и прилагательное *powinien*, безличный глагол *należy* в польском» [3, с. 78], не соответствует действительности для ГПК Республики Польша и ГПК РФ.

Рассмотрим другой пример «*Wytwórca powinien zatrudniać odpowiednią liczbę pracowników z niezbędnymi kwalifikacjami i doświadczeniem praktycznym*» (DU, 17.11.13) [Там же,

с. 77]. Проведем подсчет языковых средств выражения *необходимости* в тексте приказа министра здравоохранения Республики Польша¹ (объемом 96 тыс. слов, 168 с.). Употребление лексемы *należy** – 359; лексемы *powin** – 1609; лексемы *musi** – 68; лексемы *może*/mogą*/można** – 375. Соотношение лексем выражения *необходимости/долженствования* к лексемам *возможности* составляет 5 : 1. Отметим, что в списке частотности слов текста *Приказа* лексема *powin** занимает третье место, пропустив на первое место предлог *w* – 2539 и на второе союз *i* – 2443. Результаты исследования текста *Приказа для данного документа* подтверждают гипотезу авторов о том, что прилагательное *powinien*, безличный глагол *należy* в документах официально-делового стиля на польском языке составляют смысловую основу.

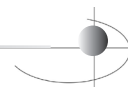
Таким образом, изучение категории модальности нормативно-правового акта (кодекса, закона, приказа) возможно только на уровне всего текста. В свою очередь исследование на текстовом уровне позволяет глубже проникнуть в модальную сущность отдельного предложения. Выводы о средствах модальности, подходящие для одного типа текста нормативно-правового акта, не подходят для других типов текстов.

Категория модальности в немецкоязычных законах.

В статье С. Ваулиной, Е. Магдалинской сделана отсылка на диссертационное исследование Р. Н. Комаровой 2000 года в обоснование довода о том, что смысловой основой текстов официально-делового стиля является модальность *необходимости* [3, с. 72]. Исследование языка немецкого права в работе Р. Н. Комаровой проводилось на примере Гражданского кодекса Германии² (у автора – Германское гражданское уложение, ГГУ). Исследователь утверждает, что текст ГК Германии «в отличие от текстов других законов тяготеет к выражению модальности *долженствования*» [8]. По мнению Р. Н. Комаровой, «категория **деонтической модальности**, заключающаяся в выражении возможности или *необходимости/долженствования*, представлена в тексте ГГУ узким набором модальных глаголов: *können, sollen, müssen*,

¹ Rozporządzenie Ministra Zdrowia z dnia 10 października 2013 r. zmieniające rozporządzenie w sprawie kategorii substancji niebezpiecznych i mieszanin niebezpiecznych, których opakowania wyposaża się w zamknięcia utrudniające otwarcie przez dzieci i wyczuwalne dotykiem ostrzeżenie o niebezpieczeństwie.

² Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) // Ausfertigungsdatum: 18.08.1896.

dürfen (соответственно 16,3; 1,3; 1,3; 0,8 % от общего числа примеров)» [8]. Из данных автора следует, что количество модальных глаголов возможности (*können* – 16,3 %) в пять раз превышает общее количество модальных глаголов необходимости/долженствования (*sollen, müssen, dürfen* = 3,4 %). Поскольку у Р. Н. Комаровой речь идёт о примерах, представим общее количество модальных глаголов в тексте ГК Германии. Соотношение лексики модального глагола *können** по отношению к лексемам всех остальных модальных глаголов составит 3 : 1 (табл. 1).

Таблица 1

Модальные глаголы в ГК Германии
(*Bürgerliches Gesetzbuch*)

<i>Können</i>	<i>Müssen</i>	<i>Dürfen</i>	<i>Sollen</i>	<i>Wollen</i>
Können – 187; kann – 1609; konnte/ könnte – 17	Müssen – 26; muss – 129; musste – 15	Dürfen – 25; darf – 133; durfte – 2	Sollen – 29; soll – 202; sollte – 6	Wollen – 12; will – 28
Итого: 1818	170	180	249	40
Соотно- шение к общему числу слов: 0,84 %	0,07 %	0,08 %	0,12 %	0,02 %

Исследователь правильно указывает на то, что «употребление модального глагола *können* даёт гражданину свободу выбора, т. е. адресат может совершать, а может и не совершать обозначенное действие, тем более что оно не входит в планы адресата. Модальный глагол *dürfen* по сравнению с глаголом *können* даёт меньшую свободу выбора вследствие того, что законодатель разрешает совершить конкретное действие, которое изначально входит в планы адресата» [8, с. 13]. Е. В. Боднарук в свою очередь полагает, что «*sollen* и *müssen* выражают необходимость, *wollen* и *mögen* – желательность/волеитивность, *können* и *dürfen* – возможность» [1, с. 53]. В интерпретации модальных средств по Е. В. Боднарук соотношение *необходимости* к *желательности* в тексте ГК Германии составит 1 : 5.

Далее, в исследовании Р. Н. Комаровой резюмируется, что «...запрет в тексте ГГУ выражается с помощью модальных глаголов *können* и *dürfen* с отрицательной частицей *nicht* и с помощью сочетаний *nicht übertragbar sein*, *unberührt bleiben*, *ausgeschlossen sein*» [8, с. 14]. В действительности в тексте

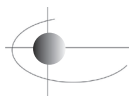
Гражданского кодекса Германии присутствуют в ограниченном количестве указанные автором конструкции, когда «Законодатель “отбирает” возможность выбора у гражданина совершать или не совершать действия» [Там же].

В диссертационном исследовании 2004 года снова содержится утверждение о том, что «основная модальная характеристика законодательного текста – это модальность необходимости, или долженствования <...> модальность необходимости, определяемая коммуникативной функцией текста, устанавливается семантически в заглавии и преамбуле и остаётся неизменной на протяжении всего текста» [4, с. 4, 9]. Полагаем, что выводы о модальности, необходимости в законодательных текстах Европейского Союза имеют ограничения, которые следуют из самого названия диссертации. Законами в обычном смысле исследуемые О. В. Гребневой тексты *не являются*, несмотря на название. Автор делает правильные выводы о языковых средствах формирования модальности в тексте законов: «Ядро ФСП модальности необходимости в исследованных законодательных текстах ЕС на немецком и английском языках составляют, главным образом, лексико-грамматические средства – модальные глаголы *müssen, sollen/sollten* и модальная конструкция *sein + zu + inf* и модальные глаголы *shall, will, must, should, need*» [Там же, с. 18]. Однако вывод автора о том, что выявленные языковые средства выражают преобладающее значение модальности, необходимости, в немецком и английском языках ничем не подтверждается.

С. Н. Цейтлин в работе 1990 года сформулировала положение о том, что «модальная семантика необходимости может быть выражена различными средствами. Это: а) конструкции с модальными лексемами; б) конструкции с независимым инфинитивом (инфинитивные предложения); в) конструкции с формами повелительного наклонения в неимперативном употреблении; г) предложения, содержащие формы настоящего времени, употреблённые в значении “предписания”» [14, с. 149–150]. Как полагает исследователь, «модальные лексемы *нужно, должен* и т. п. могут быть названы модальными операторами или модальными модификаторами, а также модальными связками. Подобные преобразования могут быть осуществлены и без помощи модальных связок...» [Там же].

Соотношение модальных средств в ГПК РФ и ГК РФ.

Отметим соотношение модальных средств в таких законах, как ГПК РФ и Граж-

данском кодексе РФ (ГК РФ)¹. В ГПК РФ (объём текста – 59 тыс. слов) употребление лексемы *долж** – 167 случаев; лексемы *обязан** – 39. В ГК РФ (объём текста – 223 тыс. слов) употребление лексемы *долж** – 512 раз; лексемы *обязан** – 431. С учётом почти четырёхкратной разницы в объёме текста ГК РФ над ГПК РФ соотношения лексем долженствования примерно равны, однако соотношение употребления лексемы *обязан** превышает почти в три раза в тексте ГК РФ над ГПК РФ. Примерно равное соотношение в текстах лексем выражающих необходимость: *необх** в ГК РФ – 240; *необх** в ГПК РФ – 75.

Глагол *мочь* «может принимать “правовое” значение, глубинная интерпретация которого требует введения представления о социуме или других инстанциях, регламентирующих социальное поведение личности...» [11, с. 144]. В ГК РФ употребление лексемы возможности *могут*/может** – 1155. В ГПК РФ лексема возможности *могут*/может** – 329 случаев. С учётом почти четырёхкратной разницы в объёме текста ГК РФ над ГПК РФ соотношения лексемы возможности *могут*/может** примерно равны.

Отметим использование лексемы, имеющей модальное значение, *вправе* в ГК РФ – 800 (из них *не вправе* – 109), для ГПК РФ лексема *вправе* – 112 (из них *не вправе* – 18). Тем самым, использование лексемы *вправе* в ГК РФ «сглаживает» диспропорцию в исполь-

зовании модальных средств. Таким образом, даже на уровне кодексов одного государства отмечается более активное употребление лексемы *обязан**.

Представленные результаты позволяют сделать следующий вывод. Категория модальности, как показано на вышеприведённом примере, не зависит от того, какие нормы права взяты за объект исследования: материальные или процессуальные.

Соотношение модальных средств в польском языке.

Для польского языка мы дополнительно составили списки частотности всех используемых лексем в текстах, список модальных средств необходимости/долженствования и возможности внесли в табл. 2. Гражданскому процессуальному кодексу и Гражданскому кодексу Республики Польша² противопоставили Уголовный кодекс Республики Польша³ и два современных романа на польском языке^{4, 5}.

Результаты подсчёта лексем модальных средств *необходимости/долженствования и возможности* подтверждают нашу гипотезу о преобладании модальных средств выражения возможности в языке нормативно-правовых актов. Польский словарь⁶ определяет *powinien* как *должен (обязан)*, а *powinny* как *обязанный* относит к прилагательному; *należy* трактует как *следует, надлежит, нужно*⁷. Полученные данные (табл. 2) подтверждают полимодальный характер закона.

Таблица 2

Языковые средства формирования модальности в тексте закона польских законов, по сравнению с польским романом

<i>Kodeks cywilny</i> (слов: 80 284)	<i>Kodeks postępowania cywilnego</i> (слов: 150 636)	<i>Kodeks karny</i> (слов: 42 296)	<i>Uroda życia. Stefan Żeromski</i> (слов: 120 726)	<i>Czas honoru Jarosław Sokół</i> (слов: 151 014)
Należy – 47; powinien* – 186; może – 662 ; mogą – 71; nie można – 40; można – 51	Należy – 154; powinien – 81; może – 892 ; mogą – 133; nie można – 33; nie może – 109; nie mogą – 25	Należy – 4; powinien – 2; może – 183 ; mogą – 2	Należy – 12; powinien – 10; może – 129 ; mogą – 7	Należy – 10; powinien – 43; może – 191 ; mogą – 10
Соотношение к общему числу слов <i>może</i> : 0,8 %	0,6 %	0,4 %	0,1 %	0,1 %

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ; часть вторая от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ; часть третья от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ и часть четвёртая от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ).

² Kodeks cywilny (Dz. U. z dnia 18 maja 1964 r.).

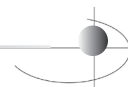
³ Kodeks karny (Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r.).

⁴ Żeromski Stefan. Uroda życia.

⁵ Sokół Jarosław. Czas honoru.

⁶ Польско-русский словарь / ред. М. Ф. Розвадовская, Б. Г. Мархлевская. – М.: ОГИЗ, 1941. – 287 с.

⁷ Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь // Wielki słownik polsko-rosyjski. A–Z / D. Hessen, R. Stypuła. – Warszawa: Вєдза повшехна, 1980. – 1371 с.

И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер расширили список предикатов в русском языке, «...служащих для выражения значения долженствования. Ядро этой группы составляют шесть предикатов: должен, обязан, следует, надо, нужно, необходимо <...> в эту группу можно включить такие предикаты, как *требоваться, подobaет, (не) пристало, (не) годится, надлежать, полагаться, принято* и др.» [7, с. 169]. В результате сравнения текстов нормативно-правовых актов (законов, кодексов, приказов, распоряжений) на русском и польском языках мы резюмируем, что исследование категорий модальности (*необходимости, долженствования, желательности, возможности*) в тексте следует вести через интерпретацию всей правовой системы, правовой традиции, обычаев и правосознания.

Рассмотрим утверждение о мономодальности текста закона. В диссертационном исследовании Л. П. Широковой утверждается, что «отсутствие в тексте закона желательной модальности, а также побудительной модальности позволяет определить данный тип текста как **мономодальный**, обладающий только модальностью реальной действительности» [18, с. 12].

Первый довод против мономодальности – это широкая палитра модальных глаголов и средств, используемых в тексте закона. В тексте ГК Германии обнаруживаются пять модальных глаголов *können* (1818), *sollen* (170), *müssen* (180), *dürfen* (249), *wollen* (40), что не позволяет утверждать о мономодальности текста закона или сводить к модальным оттенкам «правомочности/неправомочности» [Там же]. В грамматике германских языков «модальные глаголы рассматриваются как закрытый разряд глаголов – морфологический класс претерито-презентных глаголов, ядро которого составляют глаголы с семантикой необходимости и возможности» [5, с. 6].

Второй довод. Утверждение о модальности реальной действительности текстов немецких законов противоречит условной конструкции правовой нормы, даже «наиболее древние законодательные акты содержали предписание что-то сделать или от чего-то воздержаться. Нарушение такого указания должно караться санкцией. Поэтому такие акты обычно строились в виде имплицитной конструкции «если *p*, то да будет *q*»; *q* может быть и законодательной реакцией на какую-либо стандартную ситуацию, и санкцией» [9, с. 263]. Довод о том, что в текстах законов реализуется исключительно модальность реальной действительности, опровергается тем, что хотя «индикатив противопо-

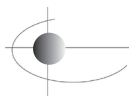
ставлен конъюнктиву и императиву, которые не характеризуют ситуацию как реальную <...> индикатив означает, что ситуация является реальной, т. е. имеет место. Однако то же предложение может быть вставлено в такие контексты, где индикатив не выражает реальности ситуации. Это контексты снятой утвердительности <...> в контексте снятой утвердительности семантика индикатива нейтрализуется» [10]. Таким образом, *условная конструкция правовой нормы* нейтрализует предложения, содержащие формы настоящего времени, употреблённые в значении «предписания». Для текста закона на немецком языке основным средством выражения условной конструкции является конструкция под наименованием «*конструктивная рамка правовой нормы*», в которой условие выражается путём нарушения традиционной рамки конструкции немецкого предложения. Используется порядок слов в предложении (или «порядок следования»), при котором главное и подчинённое предложение начинаются с глагола в настоящем времени.

О полимодальности текста закона на английском языке.

Для подтверждения выдвинутой нами гипотезы о полимодальности текста закона возьмём относительно новый закон – Гражданский процессуальный кодекс Англии и Уэльса¹ (*The Civil Procedure Rules* 1998, 226 тыс. слов, 446 с.). Доминирующую группу модальных средств образуют лексико-грамматические средства – модальные глаголы: **shall** (1735), **may** (1728), **might** (16), **should** (57), **must** (782), **can** (29), **could** (25), **will** (222); модальные глаголы с отрицанием: **shall not** (164), **may not** (62), **should not** (13), **cannot** (19); императивная конструкция **do/does + not + infinitive** (174); модальная конструкция **to be +to+Infinitive** (32). Лексемы, передающие волю законодателя (прескриптора): **duty/duties** (63), **require*** (363), **prohibit*** (14), **permit*** (51), **oblig*** (5). Сложность толкования модальных глаголов английского языка выражена в том, что хотя «модальность *shall* и *will* в ряде контекстов неопровержима <...> вся история существования этих глаголов может рассматриваться как процесс выветривания первоначальных значений «долга» и «желания»: от полнозначных к модальным (которые передают уже оттенки значения) и далее к вспомогательным» [6, с. 8].

Данные соотношения языковых модальных средств, выражающих *необходимость* и *возможность* в ГПК Англии и Уэльса, **примерно равны**.

¹ The Civil Procedure Rules. – 1998. – No. 3132 (L. 17).

Тексты законов на испанском языке.

Средства модальности Гражданского кодекса Испании (*Código Civil*)¹: модальные глаголы *deber* (266); *poder* (965); *necesitar* (31); *permitir** (20); *prohibir** (39). Соотношение лексем *долженствования deb** к лексемам *возможности peu**, *pud**, *pod** составляет 1 : 3. Испанский язык, кроме прочего, опровергает утверждения о том, что правовые нормы выражают исключительно модальность реальности и ограничены индикативным наклонением. В тексте ГК Испании обнаружены упоминания *Futuro imperfecto de Subjuntivo*; *Preterito Imperfecto Subjuntivo Activo*; *Presente Subjuntivo Activo*.

Futuro imperfecto de subjuntivo выражает незаконченное действие, относящееся к настоящему или будущему моменту и используется в книжной речи. Это время может употребляться в договорах, законодательных актах и прочих официальных документах.

Presente Subjuntivo Activo: (ser) sea – 167; sean – 98; (haber) haya – 267; hayan – 82; (estar) esté – 26; estén – 32; (tener) tenga – 68; tengan – 47.

Preterito Imperfecto Subjuntivo Activo: fueran – 12; fuera – 31; fuese – 11; fuesen – 9; tuviera – 13; tuviese – 15; tuvieran – 6; tuviesen – 3; estuviera – 7; estuvieran – 5; estuviese – 14; estuviesen – 8; hubiera – 84; hubiese – 203; hubieran – 23; hubiesen – 56.

Futuro Imperfecto Subjuntivo Activo: fuere – 93; fueren – 32; tuviere – 39; tubieren – 16; estuviere – 18; estuvieren – 8; hubiere – 119; hubieren – 20; hiciera – 21; hicieren – 2.

Гражданский процессуальный кодекс (*Enjuiciamiento Civil*)² – далее ГПК Испании – насчитывает примерно 210 тыс. слов. Соотношение лексем *долженствования deb** к лексемам *возможности peu**, *pud**, *pod** составляет 1 : 4.

Тексты законов на французском языке.

Рассмотрим в качестве примера Гражданский процессуальный кодекс Франции (*Code de Procédure Civile* ≈ 145 000 слов)³. В тексте кодекса использованы модальные глаголы: *doit** – 217; *doivent* – 63; *peut** – 698; *peuvent** – 144. В ГПК Франции употребляются безличные обороты с модальным значением *il doit* – 20; *elle doit* – 17; *il peut* – 94; *elle peut* – 27. Демонстрируют такое же соотношение необходимости к возможности 1 : 3. Объяснение использования безличных оборотов в

законе встречается в монографии В. А. Фёдорова: «оборот *il peut* (кому можно что) происходит от модального глагола *pouvoir* – мочь, выражает модус возможности/невозможности осуществления какого-либо действия <...> оборот *il suffit* передаёт сему достаточно <...> оборот *il doit* (кому должно что) передаёт обязательность» [12, с. 70, 191].

В ГПК Франции соотношение лексем *долженствования doit** к лексемам *возможности peu** составляет 1 : 3.

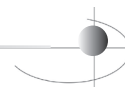
В заключение приведём рассуждения К. В. Чвани о природе словоформы **должен***: «...если обязывающее значение у *должн* – не является базисным, а мнение об обязательности события находится в конце цепочки возможных умозаключений, то почему обязывающее толкование оказывается преобладающим? <...> Может быть, людям свойственно приписывать лингвистически нечёткому предложению наиболее специфическое из возможных толкований, если только такая интерпретация не исключается контекстом...» [15, с. 76–77]. Таким образом, тем контекстом, который исключает приписывание модальности необходимости/долженствования всем официально-деловым текстам, являются знания из смежных областей, таких как юрислингвистика, философия языка и права, юриспруденция. Обладая знаниями о месте правовой нормы в системе права и эмпирическими данными о модальных конструкциях, можно сформулировать непротиворечивую теорию официально-делового текста.

Заключение. Тексты официально-делового стиля и его законодательного подстиля на языке (русском, польском, английском, французском, немецком, испанском) содержат ограниченный набор языковых средств выражения модальности, по сравнению с такими средствами в соответствующем литературном или разговорном языке. В работе мы опирались на интерпретацию результатов исследования модальных средств организации законодательного текста, таких как модальные глаголы, выражения, имеющие модальное значение необходимости, возможности, разрешения, дозволения, запрещения и т. д. В статье уделено большее внимание паре русско-польских законов, однако данные по остальным языкам также основаны на сравнительном исследовании нескольких десятков законов (кодексов) соответствующих языков. Многочисленные исследования языка права, которые мы в рамках одной статьи не можем рассмотреть, повторяют схожие *ошибочные* выводы в отношении модальности нормативно-правовых текстов как модально-

¹ Código Civil (Real Decreto de 24 de julio de 1889 por el que se publica el Código Civil).

² Enjuiciamiento Civil (Ley 1/2000, de 7 de enero, de Enjuiciamiento Civil).

³ Code de procédure civile.

сти долженствования и необходимости. Подобные утверждения прямо противоречат эм-

пирическим данным о языковых средствах модальности.

Список литературы

1. Боднарук Е. В. Роль модальных глаголов в выражении будущего времени в немецком языке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2013. № 5. С. 53–59.
2. Бьерн Хансен. Специфика модальных вспомогательных слов в русском языке на общеевропейском фоне // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: сб. науч. тр. / отв. ред. С. С. Ваулина. Калининград, 2008. С. 104–114.
3. Ваулина С., Магдалинская Е. Модальность необходимости как смысловая основа текстов официально-делового стиля в русском и польском языках // Acta Neophilologica. Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. Olsztyn, 2015. Is. 2, no. XVII. Pp. 71–80.
4. Гребнева О. В. Модальность необходимости в законодательных текстах Европейского Союза (на материале немецкого и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2004. 23 с.
5. Егорова О. М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Н. Новгород, 2016. 22 с.
6. Ипатова Л. В. Семантико-грамматическая связь аналитических средств выражения понятий модальности и будущности в английском, французском и русском языках. Сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2003. 25 с.
7. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Семантика модальных предикатов долженствования // Логический анализ языка: культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 169–175.
8. Комарова Р. Н. Язык закона: лингвистические характеристики (на материале текста Германского гражданского уложения): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2000. 18 с.
9. Красухин К. Г. Грамматическое выражение долженствования в древнейших индоевропейских законодательных текстах // Логический анализ языка: языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 263–271.
10. Падучева Е. В. Модальность [Электронный ресурс] // Проект корпусного описания русской грамматики. 2016. Режим доступа: <http://www.rusgram.ru> (дата обращения: 12.01.2018).
11. Труб В. Ж. О будущих событиях, зафиксированных в значениях слов // Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М.: Индрик, 2011. С. 142–157.
12. Фёдоров В. А. Французские обороты с местоимением *il* в зеркале русского языка. Воронеж: ВГУ, 2010. 216 с.
13. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева. М.: ИРИСЭН, 2006. 648 с.
14. Цейтлин С. Н. Необходимость. Общая характеристика семантики необходимости // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: АН СССР, 1990.
15. Чвани К. В. Грамматика слова должен: словарные статьи как функции теории // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 15. С. 50–80.
16. Четвернин В. А. Введение в курс общей теории права и государства. М.: Ин-т государства и права РАН, 2003. 204 с.
17. Шалютин Б. С. О понятии государства в юриспруденции // Общество и право. 2012. № 5. С. 32–34.
18. Широкова Л. П. Юридические тексты: опыт грамматико-типологического исследования (на примере немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2007. 19 с.

Статья поступила в редакцию 16.01.2018; принята к публикации 20.02.2018

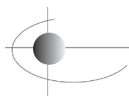
Библиографическое описание статьи

Зверев А. Г. Модальность текстов законов в языках средневропейского стандарта // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 32–40. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-32-40.

Aleksandr G. Zverev,
Postgraduate Student,
Tyumen State University
(6 Volodarskogo st., Tyumen, 625003, Russia),
e-mail: antikrizis00@list.ru

Modality of Texts of Laws in Languages of the Standard Average, European

The purpose of this article is clarifying the issues of the modality of laws in the languages of the Standard Average European. Some modern scientific publications in Russia devoted to language of law (the European languages) are under the “positivism” and “neopositivism” effect. In studies, opinions about the monomodality of the

text of the law are predominated. In fact, the findings in these studies do not contain reliable data on modal means of expression in law of "necessity and obligation". In these studies, the modal means are shown selectively, to confirm the hypothesis of the study. We believe that this discrepancy between the actual data on the linguistic means of expression of modality in legislative texts, distorts the perception of these texts by society. Linguistic studies on legal texts are accepted as "expert" by the legal community. This study proves the inconsistency of previously proposed conclusions about the modality of legal texts. The following research methods were used: a descriptive method for analyzing practical material; a comparative method for studying modal elements of languages; structural and functional analysis; contextual analysis. The study describes the grammar of the conditional construction of the legal norm, within which modal elements are realized. Modal means of legal texts have common and different both in the set of language means and in the number of units that make up a particular subsystem. Legal texts in comparative aspect are an example of mutual influence at the level of cross-linguistic contacts. The research is carried out in languages (English, Russian, Polish, German, French and Spanish).

Keywords: modality, modal verbs, code, law, order, possibility, necessity

References

1. Bodnaruk, E. V. The role of modal verbs in expressing future meaning in German. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, no. 5, pp.53–59. (In Rus.)
2. B'ern Khanzen. Specificity of modal auxiliary words in Russian on a common European background. Modal'nost' v yazyke i rechi: novye podkhody k izucheniyu. Kaliningrad, 2008. (In Rus.)
3. Vaulina Svetlana, Magdalinskaya Ekaterina. Modal means of expressing necessity as the sense basis in the official style texts in Russian and Polish. Acta Neophilologica. Issue Year: 2/2015. Issue no. XVII. Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. Olsztyn, 2015: 71–80. (In Rus.)
4. Grebneva, O. V. Modality of necessity in the legislative texts of the European Union (in German and English languages). Cand. sci. diss. abstr. Kazan', 2004. (In Rus.)
5. Egorova, O. M. Modal verbs of the German language as grammatical precedent units. Cand. sci. diss. Nizhniy Novgorod, 2016. (In Rus.)
6. Ipatova, L. V. Semantic-grammatical relationship of analytical means of expression of the concepts of modality and future in English, French and Russian. Comparative analysis. Cand. sci. diss. abstr. M., 2003. (In Rus.)
7. Kobozeva, I. M., Laufer, N. I. The semantics of the modal of obligation predicates. Logicheskiy analiz yazyka: Kul'turnye kontsepty. M: Nauka, 1991: 169–175. (In Rus.)
8. Komarova, R. N. Language of the law: linguistic characteristics (based on the text of the German Civil Code). Cand. sci. diss. abstr. SPb., 2000. (In Rus.)
9. Krasukhin, K. G. Grammatical expression of obligation in ancient Indo-European legislative texts. Logicheskiy analiz yazyka: Yazyki etiki. M: Yazyki russkoy kul'tury, 2000: 263–271. (In Rus.)
10. Paducheva, E. V. Modality. 2016. Proekt korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki. Web: 12.07.17. <http://www.rusgram.ru> (In Rus.)
11. Trub, V. Zh. About future events fixed in the meanings of words. Lingvofuturizm. Vzgl'yad yazyka v budushchee. M: Izdatel'stvo "Indrik", 2011: 142–157. (In Rus.)
12. Fedorov, V. A. French phrases with the pronoun *il* in the mirror of the Russian language. VGU, 2010. (In Rus.)
13. Khayek Fridrikh Avgust fon. Law, Legislation and Liberty. A new statement of the liberal principles of justice and political economy. Transl. from English. B. Pinskera i A. Kustareva. M: IRISEN, 2006. (In Rus.)
14. Tseytlin, S. N. Necessity. General characteristic of the semantics of necessity. Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. AN SSSR. L., 1990. (In Rus.)
15. Chvani, K. V. The grammar of the word 'must': the dictionary entries as functions of the theory. Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 15. M., 1985: 50–80. (In Rus.)
16. Chetvernin, V. A. Introduction to the General theory of law and state. M: Institut gosudarstva i prava RAN, 2003. (In Rus.)
17. Shalyutin, B. S. The concept of the state in law. Obshchestvo i pravo, no. 5, vol. 42, pp. 32–34, 2012. (In Rus.)
18. Shirobokova, L. P. Legal texts: the experience of grammatical and typological research (on the example of German and Russian). Cand. sci. diss. abstr. M., 2007. (In Rus.)

Received: January 16, 2018; accepted for publication February 20, 2018

Reference to the article

Zverev A. G. Modality of Texts of Laws in Languages of the Standard Average, European // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 32–40. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-32-40.

МЕДИАЛИНГВИСТИКА

MEDIA LINGUISTICS

УДК 81

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-5-41-49

Долгорма Цырендашиевна Доржиева,
аспирант,

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1),
e-mail: dorzhievadolgor@gmail.com*

Особенности информационного потенциала в газетной статье

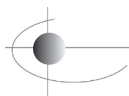
Статья посвящена исследованию информационного потенциала в газетной статье. Под информационным потенциалом мы понимаем количество и качество информации, которую содержит текст. Исследование категории достоверности в газетном тексте позволяет выявить специфику и способы увеличения информационного потенциала аналитического текста. Категории точности и информативности дополняют категорию достоверности и обеспечивают её реализацию. Для определения информационного потенциала газетного текста при его анализе необходимо учитывать два основных фактора: 1) источник информации и степень его надёжности; 2) способы представления информации, т. е. реализацию категорий точности и информативности. В ходе исследования было установлено, что основным источником информации в статье как жанре печатной журналистики выступает логическое заключение, основанное на данных, полученных из других источников. Надёжность такой информации зависит от авторитетности источника и степени доверия к нему как со стороны адресанта, так и со стороны реципиента. Автор указывает на источник данных либо с помощью прямой отсылки, либо посредством цитирования. Было выявлено, что указание автора на то, какие данные в статье не являются официально подтверждёнными, может вызвать доверие адресата и значительно повысить степень достоверности информации. С целью раскрытия реализации информационного потенциала был проведён сравнительно-сопоставительный анализ трёх статей, посвящённых одному событию.

Ключевые слова: информационный потенциал, газетный текст, статья, категория достоверности, категория точности, категория информативности

Введение. Средства массовой информации призваны оперативно предоставлять полную и достоверную информацию об актуальных событиях общественной жизни. Информационная функция является основной функцией СМИ наряду с функцией воздействия. В связи с этим, особый интерес для исследования специфики газетных текстов представляет их информационный потенциал. Под *информационным потенциалом* текста мы понимаем количество и качество информации, которую содержит текст.

Благодаря плюрализму в массмедийном пространстве, адресат может выбирать среди

многих источников информации, и такая категория текста, как достоверность, становится особенно значимой. Сегодня в связи с тем, что информация представляет собой «решающий стратегический фактор во всех сферах человеческой деятельности, жизненно важным становится повышение информационно-языковой ответственности» не только адресанта, но и реципиента [3, с. 17]. Средства массовой информации освещают явления окружающей нас действительности. В идеале их задача заключается в точном и объективном отражении реальности, однако нельзя забывать, что газетный текст также может служить инстру-

ментом направленного воздействия, реализуя свой *воздействующий потенциал*.

В рамках исследования особое внимание было уделено работам А. А. Тertyчного, согласно классификации которого, *статья* представляет собой главный жанр аналитической журналистики, предназначенный для анализа «актуальных общественно значимых процессов, ситуаций, явлений и управляющих ими закономерностей» [13, с. 263].

Любое событие общественной жизни, отражённое в тексте, неизбежно преломляется в сознании адресанта и является интерпретацией, его субъективным восприятием действительности. Необходимо признать, что абсолютная объективность газетного текста представляется идеальной и лишь условно достижимой.

В связи с этим, при исследовании специфики газетного текста в центре нашего внимания оказывается не категория истинности, а категория достоверности. Н. Н. Панченко определяет *достоверность* как «прагматическую категорию, которая, в отличие от логической категории истинности, вариативна и зависима от воспринимающего субъекта» [11, с. 12–13].

Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования категории достоверности в газетном тексте, что позволит выявить специфику и способы увеличения информационного потенциала аналитического текста.

Объектом данного исследования является реализация категории достоверности в тексте статьи как жанра печатной журналистики.

Цель статьи заключается в выявлении основных характеристик категории достоверности в газетном тексте, определяющих его информационный потенциал. Для достижения данной цели мы ставим следующие задачи:

1) рассмотреть «достоверность» как сложный лингвистический феномен в его взаимодействии с такими категориями, как «точность», «информативность» и «объективность»;

2) проанализировать основные средства, с помощью которых реализуется категория достоверности в газетном тексте;

3) сопоставить реализацию категории достоверности в трёх статьях на одну тему, с целью определить их информационный потенциал.

Методология и методы исследования.

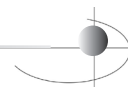
В связи с многоаспектным изучением проблемы кроме классического описательного

и сравнительно-сопоставительного методов применяются следующие методы, характерные для современной коммуникативно-прагматической лингвистики: методы интертекстуального и стилистического анализа. Материалом исследования послужили тексты статей качественных немецких газет “Frankfurter Allgemeine Zeitung”, “Süddeutsche Zeitung”, “Frankfurter Rundschau”.

Результаты исследования и их обсуждение. Как мы уже отметили выше, категория объективности имеет условный и недостижимый характер: «Контактируя с окружающей действительностью, человек упаковывает информацию о внешнем мире в свою вербальную форму, всегда субъективную» [12, с. 64]. Поскольку объективность освещения событий и явлений невозможна, адресату остаётся полагаться на достоверность информации.

Достоверность информации в массмедийном дискурсе зависит от многих факторов. В первую очередь, от надёжности источника информации, включая способ и обстоятельства её получения. Во-вторых, от способа презентации информации, который напрямую зависит от коммуникативной интенции адресанта – «редуцировать информационную составляющую и/или привносить коннотации, дозировать, акцентировать один и замалчивать другой элемент информации» [Там же, с. 82]. Согласно О. С. Иссерс, «речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов» [7, с. 54]. Следовательно, реализацию категории достоверности можно рассматривать в качестве коммуникативной стратегии, направленной на оказание определённого воздействия, на достижение коммуникативной цели адресата. Под коммуникативной стратегией мы понимаем «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [8, с. 18].

При освещении общественно значимых событий обязанностью журналиста является проверка достоверности сообщаемой им информации. Как отмечает А. А. Леонтьев, у события есть только одно абсолютное свойство: то, что оно произошло или, напротив, не произошло. Событие представляет единичный фрагмент действительности, а суждений об этом событии может быть бесконечно много [11, с. 75]. Ссылки на источник информации, таким образом, дают возможность проверить

предоставленную автором информацию, они подтверждают достоверность сообщения и являются обязательной частью статей в качественной прессе.

Как источники информации могут выступать непосредственный опыт, логическое заключение и знание из вторых рук [14, с. 52]. Самым надёжным источником О. В. Ушникова считает непосредственный опыт, однако в статье прямая засвидетельствованность является редкостью, что связано с жанровыми характеристиками данного типа текста. Например, автор статьи, посвящённой расширению и развитию электрических сетей в Китае, был приглашён с группой экспертов из Германии в тестовую зону, где разрабатывается новая технология (*“China baut Stromnetze – Deutschland redet nur darüber”* / «Китай строит энергосети – Германия только говорит об этом»). Вероятно, из-за того, что адресант обладает непосредственным опытом, первая половина статьи носит исключительно дескриптивный характер:

1. *“<...> ein Zaun empfängt die Gäste... in der mit riesigen Lettern angezeigten Ultra High Voltage Test Base”* («<...> высокий забор приветствует гостей <...> в “Ультравысоко-частотной тестовой базе”, обозначенной гигантскими буквами»).

2. *“Von weitem schon sieht man die bis zu 60 Meter hohen Strommasten mit ihren gewaltigen Auslegern”* («Уже издалека можно увидеть электрические столбы высотой до 60 метров с их огромными перекидинами»).

3. *“Im Umkreis meterhoher Geräte hinter Warnschildern, die für den Laien aussehen wie kunstvoll beschnittene Bäume aus Metall”* («В окружении метровых приборов за предупредительными знаками, которые для неспециалистов выглядят как искусно обрезанные деревья из металла»).

Подобная выразительность несвойственна аналитическим текстам, однако, поскольку автор лично побывал на упомянутой базе, он стремится передать свои впечатления читателям, увеличивая, таким образом, информационный потенциал текста. Данный приём возможен, только если адресант непосредственно является источником информации.

Большинство статей в газете содержат выводное знание, т. е. логический вывод, полученный в результате анализа фактов. Вся нить рассуждения автора носит выводной характер. Информация, полученная таким методом, не гарантирует её истинности, как, впрочем, и ошибочности сделанного вывода.

В статье *“Trumps Steuerreform trifft amerikanische Banken”* («Налоговая реформа Трампа затрагивает американские банки»), в которой проводится анализ финансового состояния американских и европейских банков в свете налоговой реформы Трампа, автор на основе имеющихся фактов и мнений экспертов приходит к определённым выводам:

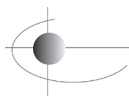
4. *“Diese gesammelten Verluste konnte sie [Bank] über all die Jahre steuermindernd geltend machen”*. («В совокупности эти убытки банк мог использовать в качестве налоговых вычетов на протяжении всех этих лет»).

5. *“Damit sind die Verluste der Vergangenheit künftig weniger bedeutend. Deshalb musste die Citigroup 2017 den Wert ihres Verlustvortrags um 19 Milliarden Dollar herabsetzen”*. («Таким образом, прошлые убытки менее значимы в будущем. Поэтому в 2017 году Citigroup должен был снизить показатели своих потерь до 19 миллиардов долларов»).

На выводной характер информации в данных примерах указывает отсутствие ссылки на источник и переход рассуждений автора от анализа фактической информации к умозаключениям. Автор статьи выполняет свою основную задачу – устанавливает причинно-следственные связи между обозначенными явлениями, объясняет значимость актуальных процессов. Логичность его суждений обеспечивает достоверность представленной информации.

Автор статьи редко может включить в текст информацию, полученную на собственном опыте, а логические выводы всегда должны иметь какое-то обоснование. Не удивительно, что преобладающее количество информации в газетном тексте основывается на данных, полученных из других источников. Надёжность данной информации зависит от авторитетности источника и степени доверия к нему со стороны автора.

Хотя статья *“Trumps Steuerreform trifft amerikanische Banken”* содержит выводы и умозаключения автора, она, в первую очередь, опирается на опосредованно полученные данные. Например, при перечислении статистических данных об убытках американских и европейских банков автор делает ссылку на источник информации – аудиторскую компанию EY (*“Wie aus einer Zusammenstellung der Wirtschaftsprüfungsgesellschaft EY hervorgeht...”* / «Как видно из сводных данных аудиторской компании EY...»). Высокая степень достоверности данного высказывания обусловлена тем, что высказывание приписывается авторитетной организации, которая

провела необходимое исследование и представила результаты.

В этой же статье журналист ссылается на другой источник – статью в газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (F. A. Z.) (*“Wie die F. A. Z. berichtete, ist...”*). Достоверность данной информации не вызывает у автора сомнений, так как высказывание приписывается газете, в которой опубликована анализируемая статья; эта статья была опубликована и хранится в архиве, онлайн-доступ к которому может получить любой читатель. Однако степень достоверности подобной информации, в зависимости от степени доверия адресата к издательству, можно оценить как проблемную. Таким образом, достоверность информации в тексте статьи зависит не только от надёжности источника информации (его авторитетности), но и от доверия к нему читателей.

Кроме как от источника информации и его надёжности, достоверность газетного текста зависит от того, каким образом автор представляет актуальную информацию, т. е. от коммуникативно-прагматической стратегии адресанта. В рамках данной проблемы на первый план выходят *категория точности* и *категория информативности*.

Любое высказывание содержит информацию, способ подачи которой определяется коммуникативной ситуацией. Кроме основной информации, которую адресант намеревается передать реципиенту, его высказывание содержит вторичную информацию – прагматическую информацию, связанную с условиями и участниками акта коммуникации [15, с. 27].

Информативность является основополагающей категорией любого текста. Необходимым свойством информативности текста признаётся его новизна. Как замечает Н. Н. Панченко, необходимо дифференцировать понятия «информативность» и «информационность» [12, с. 60]. А. Э. Бабайлова приводит следующие определения: *информативность* подразумевает «степень его смысло-содержательной новизны для читателя, которая заключена в теме и авторской концепции, системе авторских оценок предмета мысли». Под *информационностью* следует понимать «степень количественной наполненности текста содержащейся в нём информацией» [3, с. 60].

Очевидно, что, с позиций категории информативности, тексты не всегда равноценны, так как степень их информативности может варьироваться. Одним из условий успешной коммуникации, согласно максимумам Г. П. Грайса, является «категория коли-

чества», которая гласит, что высказывание должно содержать не больше и не меньше информации, чем требуется для реализации интенции говорящего [5]. Таким образом, информативная избыточность, как и информативная недостаточность, является нарушением нормы и может привести к коммуникативной неудаче. В то время как информативная достаточность обеспечивает достоверность высказывания и повышает информационный потенциал текста.

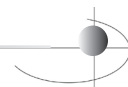
Интересно, что при исследовании информативности не следует ограничиваться позицией адресанта. В отличие от категории точности, степень информативности текста различна для разных реципиентов. Как отмечает Н. Н. Панченко, информативная насыщенность – не имманентное свойство конкретного текста, данный показатель варьируется в зависимости от реципиента, его коммуникативной компетенции, степени знания ситуации и коммуникативной цели высказывания, когнитивных навыков декодирования и интерпретации текста и др. [12, с. 62].

Категория точности выражается в виде информации, которую можно оценить в рамках оппозиции «точные данные»/«приблизительные данные». Согласно Панченко, это может быть выражение количественных отношений, качественных признаков предметов, явлений и событий [Там же, с. 50] (*rund 800 000/примерно 800 000, etwas später/немного позже, die durchschnittliche Eigenkapitalrendite/средняя окупаемость капитала, fast haargenau so groß wie.../практически такой же большой, как и...*).

Степень точности информации, представленной в газетном тексте, непосредственно влияет на его информационный потенциал. Характерной особенностью газетного материала в жанре статьи является наличие преимущественно точной информации (даты, статистические данные, указание на конкретных людей, прямое цитирование), что значительно увеличивает информационный потенциал текста и обеспечивает доверие читателей.

Использование в тексте единиц с разной степенью точности/неточности может быть обусловлено объективными и субъективными факторами. Так, автор может располагать лишь приблизительными данными об освещаемом событии, в таком случае неточность информации в тексте полностью оправдана.

Особый интерес для анализа газетного текста представляет намеренное использование категории неточности. Присутствие в

тексте приблизительных данных позволяет адресанту выразить его степень уверенности в истинности высказывания, снять с себя ответственность за сообщаемое (*es ist weithin bekannt, dass.../широко известно, что...; in Europa ist eine Sicht weit verbreitet.../в Европе распространено мнение...*) или «сгладить углы» при описании неприятной ситуации [12, с. 51–53]. Возможно также намерение автора утаить точную информацию с целью манипуляции, или же, напротив, обобщить точные данные для более легкого восприятия.

Для обозначения средств выражения неточности Н. Д. Арутюнова предлагает классификацию «понятий и знаков приблизительно-сти», в которой выделяет:

- приблизительность градуирования (*genau, ziemlich, recht, meistens/точно, довольно, вполне, в основном*);
- приблизительность обобщения (*im Prinzip, im Großen und Ganzen/в принципе, в общем и целом*);
- приблизительность способа речи (*genau, es ist mehr als fraglich, es ist eher zu vermuten/именно; это очень сомнительно, скорее можно предположить*);
- приблизительность сравнения (*als ob, eine Art, mehr als/как будто, своего рода, более чем*);
- приблизительность, создаваемую знаками неопределённости (*etwas, manche, irgendwelche/несколько, некоторые, какие-либо*);
- приблизительность оценочных и неконкретных значений (*durchschnittlich/среднестатистически*), количественную неопределённость (*fast, rund, ungefähr, circa, mindestens/почти, около, приблизительно, примерно, по меньшей мере*) [1, с. 6].

Таким образом, для определения информационного потенциала газетного текста при его анализе необходимо учитывать два основных фактора: 1) указание на источник информации и степень его надёжности; 2) способы представления информации, т. е. реализацию категорий точности и информативности.

Рассмотрим три статьи качественных немецких газет, посвящённых крупнейшей сделке, заключённой европейским авиаконцерном Airbus на авиашоу в Дубае. Статьи опубликованы на сайте газет “Frankfurter Allgemeine Zeitung” (FAZ), “Süddeutsche Zeitung” (SZ), “Frankfurter Rundschau” (FR) 15 ноября 2017 года.

Названия статей: “Airbus erhält größten Auftrag der Unternehmensgeschichte” («Airbus получает самый большой заказ в истории

компании») из SZ, “Airbus erhält größten Auftrag der Firmengeschichte” («Airbus получает самый большой заказ в истории фирмы») из FAZ, “Doch noch ein Megadeal” («Всё-таки ещё одна мегасделка») из FR.

В первую очередь необходимо определить, содержит ли каждая из статей указание на источник информации и как он представлен.

В статье из SZ “Airbus erhält größten Auftrag der Unternehmensgeschichte” («Airbus получает самый большой заказ в истории компании») автор приводит лишь два указания на источник самой основной информации:

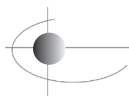
1. “Airbus, die Beteiligungsgesellschaft Indigo Partners und die vier Fluglinien gaben am Mittwoch bei der Dubai Airshow eine Absichtserklärung bekannt”. («Airbus, инвестиционная компания Indigo Partners и четыре авиалинии объявили о своих планах в среду на авиашоу в Дубае»).

2. “Nach Listenpreis hat der kombinierte Auftrag einen Wert von knapp 50 Milliarden Dollar” («Согласно прейскуранту, совместный заказ имеет стоимость почти 50 миллиардов долларов»).

Эта статья содержит большое число статистических данных о количестве заказанных машин, их стоимости и распределении между четырьмя авиалиниями, однако автор не приводит указаний на источник представленных данных. Последовательность и логичность рассуждений автора внушает доверие, однако отсутствие ссылок на источник информации снижает достоверность статьи и, соответственно, её информационный потенциал.

В статье из FAZ “Airbus erhält größten Auftrag der Firmengeschichte” («Airbus получает самый большой заказ в истории фирмы») представлено три указания на источник информации. При этом в данной статье присутствует не только ссылка на источник информации, но и указание автора на то, какие данные не являются официально подтверждёнными, что значительно повышает степень достоверности информации:

3. “Der amerikanische Investor Indigo Partners bestellte Mittelstreckenjets aus der A320neo-Familie zum Listenpreis von 49,5 Milliarden Dollar (umgerechnet knapp 42 Milliarden Euro), wie Airbus am Mittwoch mitteilte”. («Американский инвестор Indigo Partners заказал среднемагистральные самолёты семейства A320neo по цене 49,5 миллиардов долларов (в пересчёте почти 42 миллиарда евро), как заявил Airbus в среду»).

4. *“Noch handle es sich um eine vorläufige Vereinbarung, die Bestellung solle aber bis Ende des Jahres in das Auftragsbuch übernommen werden, hieß es weiter”. («Хотя речь идёт ещё о предварительном соглашении, однако заказ должен быть принят до конца года, было сказано далее»).*

5. *“Die Rede ist dabei von einem Auftrag über 36 weitere A380 zu einem Listenpreis von knapp 16 Milliarden Dollar – doch bisher kann Airbus hier keinen Erfolg vermelden”. («При этом речь идёт о заказе на 36 дополнительных A380 по стоимости почти 16 миллиардов долларов – однако до сих пор Airbus не может сообщить об успешном результате»).*

В статье из FR *“Doch noch ein Megadeal”* («Всё-таки ещё одна мегасделка») автор приводит целый ряд ссылок на источник информации. В тексте также представлена цитата и отсылка к словам лиц, значимых для освещаемого события:

6. *“Bei der Flugschau in Dubai gab Airbus am Mittwoch einen Rekordauftrag über 430 Exemplare der A320-Familie bekannt”. («В среду на авиашоу в Дубаи Airbus объявил о рекордном заказе на 430 экземпляров семейства A320»).*

7. *“Franke erklärte in Dubai, der Megadeal illustriere den Optimismus und das Wachstumspotenzial der Billigfluglinien”. («Франке заявил в Дубае, что мегасделка иллюстрирует оптимизм и потенциал роста бюджетных авиакомпаний»).*

8. *“Am Mittwoch bestätigte der arabische Lowcost-Carrier FlyDubai den Kauf von 175 Boeing-Maschinen des Typs 737-max im Wert von 21 Milliarden Dollar” («В среду арабский бюджетный перевозчик FlyDubai подтвердил покупку 175 машин Boeing 737-max стоимостью 21 миллиард долларов»).*

9. *“Der Deutsche war in letzter Zeit unter Beschuss geraten, weil er frühere Schmiergeldpraktiken auf brüske Weise beenden wollte und damit in den Verkaufsabteilungen für “Turbulenzen” (so Enders selbst) sorgte”. («Немец [глава Airbus Томас Эндерс] подвергся некоторое время назад критике, так как он хотел быстро покончить с прошлыми взятками и тем самым позаботиться о “турбулентности” (по словам самого Эндерса) в отделах продаж»).*

Таким образом, большая степень достоверности представлена в статьях, опубликованных в FAZ и FR, так как авторы не только указывают на источник информации, но также приводят цитаты и даже предупреждают

читателя, если данные на момент публикации не подтверждены официально. Статья из SZ отличается стройным логичным рассуждением автора при оперировании числовыми данными, однако отсутствие ссылки на источник этих данных снижает информационный потенциал текста.

При анализе информационного потенциала текста важен авторский способ подачи материала. Используемые автором языковые средства также позволяют судить о степени точности представленной информации.

На основе сравнительно-сопоставительного анализа можно определить уровень информативности статей, а также степень точности/приблизительности представленной информации.

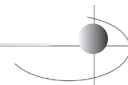
Можно выделить два блока информации, которые содержат все три анализируемые статьи:

1) количество купленных машин и их стоимость;

2) лайнеры поступят в распоряжение четырёх бюджетных авиакомпаний: американской Frontier Airlines, чилийской Jetsmart, мексиканской Volaris и венгерской Wizz Air.

Рассмотрим, как выражены вышеозначенные информационные блоки в каждой из статей. По первому пункту, в отличие от двух других статей, которые приводят общее число заказанных машин, FAZ уточняет: *“...273 Exemplare in der Standardversion A320neo und 157 Flieger in der längsten Version A321neo”* («...273 экземпляра стандартной модели A320neo и 157 самолётов последней модели A321neo»). Принимая во внимание тип адресата, автор статьи из FAZ указывает стоимость заказа не только в американской валюте, но и в европейской: *“49,5 Milliarden Dollar (umgerechnet knapp 42 Milliarden Euro)”* («49,5 миллиардов долларов (в пересчёте почти 42 миллиарда евро»)). Так, автор приводит более детальную информацию и увеличивает, таким образом, информационный потенциал текста своей статьи.

По второму информационному блоку наиболее информативной оказывается статья из SZ: *“Frontier Airlines mit Sitz in Denver soll 134 Flugzeuge übernehmen, Volaris 80 sowie Jetsmart 70”. («Frontier Airlines с офисом в Денвере должна получить 134 самолёта, Volaris – 80, в то время как Jetsmart – 70»).* Автор вводит новую информацию, которая позволяет читателю представить более полную картину события, таким образом, увеличивая информационный потенциал всей статьи. Однако следует заметить, что автор

не указывает на источник информации, что может снизить степень её достоверности.

Что касается категории точности, то во всех трёх статьях наблюдается наличие точной информации:

- даты (*"im Sommer 2017"* / «летом 2017»; *"am Mittwoch"* / «в среду»; *"Oktober 2017"* / «в октябре 2017»);
- статистические данные (*"Anteil von 18,7 Prozent"* / «доля в 18,7 %»; *"0,1 Prozent der Aktien"* / «0,1 % акций»);
- имена собственные (*"Airbus-Chef Tom Enders"* / «глава Airbus Том Эндерс»; *"Verkaufsleiter John Leahy"* / «коммерческий директор Airbus Джон Лухи»);
- цитирование (*"Franke erklärte..."* / «Франке заявил...»; *"so Enders selbst"* / «по словам Эндерса»).

Единственное намеренное использование «знаков приблизительности» (*knapp* / почти; *über* / более) касается указания стоимости заказа и представляется объективным, а также полностью оправданным, поскольку отражает степень уверенности адресанта в истинности высказывания. Все остальные фактологические данные представлены без «знаков приблизительности», что подчёркивает уверенность автора в предоставляемой информации и его ответственность за сообщаемое.

Заключение. На основе исследования специфики категории достоверности в газетном тексте можно заключить, что в то время как категория объективности представляется лишь условно достижимой, категории точности и информативности дополняют категорию достоверности и обеспечивают её реализацию.

Следовательно, для определения информационного потенциала газетного текста при его анализе необходимо учитывать два основных фактора:

- 1) источник информации и степень его надёжности;
- 2) способы представления информации, т. е. реализацию категорий точности и информативности.

Основным источником информации в статье выступает логическое заключение, основанное на данных, полученных из других

источников. Надёжность такой информации зависит от авторитетности источника и степени доверия к нему со стороны адресанта и адресата. Автор указывает на источник данных либо с помощью прямой отсылки, либо посредством цитирования. Интересно, что не только указание на источник информации, но также замечание автора о том, какие данные не являются официально подтверждёнными, может вызвать доверие адресата и значительно повысить степень достоверности информации.

Достоверность газетного текста зависит от способа представления актуальной информации. Такие факторы, как новизна информации и информативная достаточность, обеспечивают достоверность высказывания и повышают информационный потенциал текста.

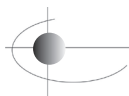
Следует помнить, что надёжность/авторитетность источника и степень информативности газетного текста определяются не только категорией адресанта, но и категорией реципиента.

На информационный потенциал текста влияет степень точности представленной информации. В тексте категория точности выражена функционированием «знаков приблизительности», которые позволяют исследовать специфику данной категории. Для статей в газете характерно использование преимущественно точной информации, однако намеренное использование приблизительных данных позволяет решить ряд прагматических задач: выразить степень уверенности автора в высказывании, снять с себя ответственность за сообщение, утаить точную информацию, а также сместить акценты с целью манипуляции, или же, напротив, обобщить точные данные для более лёгкого восприятия.

Наиболее полно информационный потенциал статьи раскрывается при сопоставлении двух и более текстов, посвящённых одному событию. Сравнительно-сопоставительный анализ позволяет исследовать уровень информативности текста, включая степень точности/приблизительности информации в статье.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Истина и этика // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 3–23.
2. Арутюнова Н. Д. Неопределённость признака в русском дискурсе // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 182–188.
3. Бабайлова А. Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 152 с.

4. Белоедова А. В. Категория достоверности в современных журналистских текстах (теоретический и практический аспекты): автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Воронеж, 2018. 22 с.
5. Володина М. Н. Язык СМИ и информационно-языковая экология общества // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М.: Акад. Проект, 2011. С. 6–19.
6. Грайс Г. П. Логика и речевое общение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kant.narod.ru/grice.htm> (дата обращения: 20.05.2018).
7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
8. Ключев Е. В. Речевая коммуникация. М.: Рипол Классик, 2002. 320 с.
9. Левин Ю. И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М.: ВИНТИ, 1974. С. 108–117.
10. Левицкий А. Э. Приблизительность и её языковые маркёры // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М.: Индрик, 2008. С. 393–407.
11. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. Режим доступа: <http://www.evarist.narod.ru/text12/06.htm> (дата доступа: 20.05.2018).
12. Панченко Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2010. 400 с.
13. Тертычный А. А. Аналитическая журналистика. М.: Аспект Пресс, 2010. 352 с.
14. Ушникова О. В. Лингвопрагматические и социокультурные особенности газетных текстов британской прессы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2003. 165 с.
15. Fix U., Poethe H., Yos G. Textlinguistik und Stilistik für Einsteiger. Leipzig: Peter Lang, 2001. P. 237.
16. Pürer H. Praktischer Journalismus in der Zeitung, Radio und Fernsehen. München: Ölschläger, 1991. P. 413.
17. Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. P. 219.

Статья поступила в редакцию 04.06.2018; принята к публикации 20.08.2018

Библиографическое описание статьи

Доржиева Д. Ц. Особенности информационного потенциала в газетной статье // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 41–49. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-5-41-49.

Dolgorma Ts. Dorzhieva,
Postgraduate Student,
Lomonosov Moscow State University
(1 Leninskie Gory, Moscow, 1199911, Russia),
e-mail: dorzhiavadolgor@gmail.com

Features of Information Potential in a Newspaper Article

The article is devoted to the research of information potential in the newspaper article. By information potential, we mean the amount and quality of information that the text contains. Research of category of information reliability in the newspaper text allows us to reveal specifics and ways of information potential increase in the analytical text. The categories of accuracy and informativity complement the category of information reliability and ensure its implementation. To determine the information potential of a newspaper text in its analysis, two main factors must be taken into account: 1) the source of information and the degree of its reliability; 2) methods of presenting information, i. e. the implementation of categories of accuracy and informativity. The study found that the main source of information in the newspaper article is a logical conclusion based on data obtained from other sources. The reliability of such information depends on the credibility of the source and the degree of trust in it by both the sender and the recipient. The author indicates the source of the data either by direct reference or by citation. It was found that the author's indication of what data in the article are not officially confirmed, can cause the trust of the sender and significantly increase the degree of reliability of the information. In order to disclose the information potential, a comparative analysis of three newspaper articles devoted to one event was carried out.

Keywords: information potential, newspaper text, article, category of information reliability, category of information accuracy, category of informativity

References

1. Arutyunova, N. D. Verity and ethics. In Logical Analysis of Language. Truth and truth value in culture and language. M: Nauka, 1995: 3–23. (In Rus.)

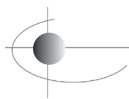

2. Arutyunova, N. D. The indeterminacy of non-referential words in the Russian discourse in logical analysis of language. Truth and truth value in culture and language. M: Nauka, 1995: 182–188. (In Rus.)
3. Babailova, A. E. Text as a product, means and object of communication in non-native language teaching. Saratov: Saratovsky universitet, 1987. (In Rus.)
4. Beloedova, A. V. Category of reliability in modern journalistic texts (theoretical and practical aspects). Cand. philol. sci. diss. abstr. Voronezh, 2018. (In Rus.)
5. Volodina, M. N. Language of mass media and information and language ecology of society. In language and discourse of mass media in the XXI century. M: Akademicheskii Proekt, 2011: 6–19. (In Rus.)
6. Grice, H. P. Logic and Conversation. Web. 20.05.2018. <http://www.kant.narod.ru/grice.htm>
7. Issers, O. S. Communicative strategies and tactics in Russian language. M: LKI, 2008. (In Rus.)
8. Klyuev, E. V. Speech communication. M: Ripol Classic, 2002. (In Rus.)
9. Levin, Yu. I. On semiotics of truth distortion. In information issues of semiotics, linguistics and automatic translation. M: VINITI, 1974: 108–117. (In Rus.)
10. Levitsky, A. E. Approximation and its linguistic markers. In Logical analysis of language. Between lies and fantasy. M: Indrik, 2008: 393–407. (In Rus.)
11. Leont'ev, A. A. Psycholinguistic features of language of mass media. Web.20.05.2018. <http://www.evartist.narod.ru/text12/06.htm>
12. Panchenko, N. N. Reliability as a communicative category. Dr. philol. sci. diss. Volgograd, 2010. (In Rus.)
13. Tertychny, A. A. Analytical journalism. M: Aspect Press, 2010. (In Rus.)
14. Ushnikova, O. V. Sociocultural and linguopragmatic peculiarities of the newspaper texts of the British press. Cand. philol. sci. diss. Volgograd, 2003. (In Rus.)
15. Fix, U., Poethe, H., Yos, G. Textlinguistik und Stilistik für Einsteiger. Leipzig: Peter Lang, 2001: 237. (In Germ.)
16. Pürer, H. Praktischer Journalismus in der Zeitung, Radio und Fernsehen. München: Ölschläger, 1991: 413. (In Germ.)
17. Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996: 219. (In Engl.)

Received: June 4, 2018; accepted for publication August 20, 2018

Reference to the article

Dorzhieva D. Ts. Features of Information Potential in a Newspaper Article // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 41–49. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-5-41-49.

УДК 811.11-112

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-50-55

Лю Янь,
соискатель,

Санкт-Петербургский государственный университет
(199164, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7),
e-mail: karenly_62@mail.ru

Языковые приёмы воздействия СМИ на аудиторию (на примере освещения крестьянских протестов в современном Китае)

Актуальность объясняется тем, что политический потенциал СМИ в значительной степени определяет функциональность языковых приёмов воздействия на аудиторию, а в реформируемом Китае отмечается возрастающая роль СМИ в преобразовании модели взаимодействия власти и общества. Цель статьи – классифицировать и охарактеризовать языковые приёмы китайских СМИ рыночной ориентации, направленные на актуализацию общественного сочувствия сельским протестам. Использовался метод фрейм-анализа и лингвистического дискурсивного анализа медиаматериалов, посвящённых освещению пяти кейсов крестьянских протестов в Китае (2005–2014). Основным результатом исследования заключается в том, что китайские СМИ рыночной ориентации с позиции «сочувствия» освещают крестьянские протесты и создают медиаобраз крестьянских протестов – картину сопротивления беспомощных крестьян несправедливому местному правительству. Что, в свою очередь, готовит общество к поддержке протестующих-крестьян. При репрезентации протестов используются эмоционально-экспрессивные стилистические приёмы (метафоры, акцентирование внимания на драматичности события и т. д.), позволяющие СМИ чётко отражать недовольство протестующих и напряжённость конфронтации, а также логико-риторические приёмы (фрагментация, обсуждение слухов и т. д.), которые обеспечивают восприятие в обществе определённой причинно-следственной интерпретации конфликта в пользу крестьян. Автор утверждает, что применение заявленных языковых приёмов, с одной стороны, ведёт к определённому искажению реальных событий сопротивления в публичной сфере, а с другой – увеличивает рычаги влияния протестующих на принятие решения местного правительства по поводу их собственных жалоб.

Ключевые слова: языковые приёмы, массмедиа Китая, протестные действия, медиавлияние, массовое сознание, общественный резонанс

引言 (Введение). 大众传播生态的变迁引发了抗争政治机制和进程的变化。对于这一社会现象，学术界形成了两种研究进路：1) 作为信息传播技术（ICTs）的大众传媒，即考察传播技术——特别是互联网和社交媒体在组织、动员抗争行动中的运用及效果 [10]；2) 作为意义生产者的大众媒体，即研究媒体的话语活动如何改变了冲突各方的互动 [5]。在媒介化社会中，媒体已成为人们获取政治信息的主要来源，媒体报道在很大程度上决定了大众对抗争事件的认识及评价。鉴于社会舆论对政府决策的较大影响力，抗争组织通常希望借助媒体获得大众对其抗争诉求的支持 [3]。

现有研究表明，中国市场化媒体倾向于正面报道集体行动事件，并将司法、制度的不完善设置为新的抗争目标 [12]；记者在社交媒体上也常以个人账号发表言论支持抗争，旨在揭露社会黑暗、促进改革、监督政府官员，扮演了“在线行动者”的角色 [8]。然而，与此同时，中国市场化媒体有时会歪曲事实，以错误的细节信息夸大抗争者的不公待遇和悲情，甚至“导演”抗争故事为抗争者赢得公众同情和支持 [15]。

现代中国处于体制急剧转型时期，大量社会矛盾凸显，集体行动事件频发。上世纪80年代末以来，“中国的社会冲突经历了以知识精英为主体的进取性争权运动向以工农为主体的反应性

维权活动的重要转变 [13, с. 5]。在中国农村地区，由于地方治理的系统性不足、城市化和工业化带来的大规模土地资本化，征地冲突频发，已成为社会重大问题[14]。鉴于此，本文选取中国市场化媒体对五起农民反对征地事件的报道文本（2005年-2014年）作为研究对象。这五个抗争事件均受到市场化媒体详细且正面的报道，媒体的积极介入及正面报道成为其反对当地政府征地的重要资源。本文以框架分析（frame analysis）为研究方法，研究问题为：中国市场化媒体采取了哪些话语策略为农民抗争事件争取舆论支持？

研究方法 (Методология и методы исследования). 社会学家戈夫曼借用贝特森提出的“框架”一词来指代个人对社会事件赋予意义的认知结构。他认为，人们“对情境的定义，是基于支配事件（至少是社会事件）的组织原则以及我们的主观活动而作出” [11, с. 10]，这种用于定义情境的“参考系”就是戈夫曼所界定的框架。框架理论建立在符号互动论之上，即知识和意义是主体认知活动与社会结构的互动产物，也是社会群体的交往结果。

在大众传播研究领域，学者对框架这一概念的界定存在着模糊之处。一个广泛引用的定义由甘姆森提出：媒介框架是指“不断组建的中心观点或故事线索，为正在发生的事情提供意

义 [9], 形成于社会结构及价值体系、媒介组织方式、媒介工作者惯例的合力作用下。恩特曼对媒体框架的定义则更具有操作性。他认为, 建构框架即选择某一社会现实的某些方面, 并使这些方面在传播文本中更为显著。媒体框架能够提供意义解释、归因推论、道德评估以及处理建议 [6, c. 52]。

本文以新闻报道文本作为研究单元, 借助框架分析考察媒体对农民抗争的解释、评价和意义构建。在此基础上, 作者通过进一步的话语分析来总结中国市场化媒体的话语策略。学术界对媒体操纵受众认知的话语机制的语言学分析 [1; 2; 4; 7] 对本研究具有方法论意义。

研究结果与讨论 (Результаты исследования и их обсуждение). 中国市场化媒体呈现农民抗争的话语策略可大致分为两类: 情绪操纵策略和逻辑生成策略。情绪操纵策略是指媒体借助感染力较强的修辞手法来呈现冲突现场的紧张气氛和抗争者的情绪体验, 给予公众强烈的感觉刺激。

市场化媒体经常使用战争隐喻来描述冲突现场。例如: “这是一场不对等的‘战争’。一边是铁叉、砖头、土块、深沟的农民, 一边是带着猎枪、钩镰枪、木棍、匕首、灭火器、灭火器的‘进攻者’。‘战斗’持续了大约1小时, 结果是村民6死、51重伤、100多人不同程度的轻微伤”¹。

战争隐喻将冲突双方——农民和地方政府置于“敌我关系”范畴, 呈现出因巨大利益矛盾而撕裂的地方自治社会。公众借助对战争的想象理解和体验着农民身体和精神上的双重痛苦, 认同并同情战争隐喻赋予农民的弱者身份。与此同时, 战争隐喻增强了抗争事件的冲突性和暴力性, 突出了冲突事件的新闻亮点, 有助于其在媒体场域得到更广泛的传播机会。

此外, 媒体大量借用大量隐喻强调农民的弱者身份, 将村民对抗权力机关的挫折感、无助、恐惧更为真切地传递给公众。例如: “很难想象, 对于钱云会这样一个只读过小学一年级、满口乐清方言的人, 是如何奔波于北京各大部委门口, 又是如何像皮球一样被踢来踢去”²; “我们是人, 不是蚂蚁, 我们要保卫自己的家园”³。

增强事件的戏剧性同样是媒体影响受众认识的重要话语策略。征地抗争在中国快速城市化的

社会背景下频繁发生, 同质性较高, 冲突的戏剧性代表着事件的新闻价值。只有事件足够吸引眼球, 才能在媒体场域得到较为广泛的传播。

首先, 媒体凸显冲突双方——抗争农民和地方政府之间紧张、激烈的对抗性关系: “农民若不同意这种强征、强拆, 就遭到掌握公权力的官员动用警力殴打, 乃至拘捕关押”⁴; 或媒体援引政府发言人的说辞“极少数别有用心村民私欲膨胀, 制造谣言, 蛊惑群众, 鼓动部分村民在灰场阻挠施工……与政府和全市百万群众对抗, 已经达到不能容忍、不可理喻的程度”⁵。

与此同时, 媒体使用带有强烈视觉冲击力的话语来强化冲突的暴力、血腥、离奇程度, 和: “被风干的血迹, 留下五六米长印痕” “200多人持刀棍打人” “一些年轻人朝他嚷: ‘打死你们这些老的, 不值得。要打, 我们只打年轻的’” “李冬冬……全身是血, 最终不治而亡”⁶。地方政府一方冷漠强势的媒体形象均引发公众的强烈不满, 形成舆论对抗争村民的大规模支持。村民的不公遭遇激发了大众对自身安全及权利缺乏保障的担忧, 这促成“弱势的”抗争者和中国广大民众之间的身份认同。

其次, 媒体重点刻画抗争事件中的特色人物, 以生动的个人故事引发受众的兴趣与共鸣。例如, 在2014年晋宁县富有村征地冲突事件中, 91岁离休省部级高官成为媒体关注的热点。曾任云南省政协副主席的他在2011年89岁时坐着政府专配车为12名农民开道, 带领农民去云南省政协反映问题, 被网友称为“最可爱官员”。媒体强调其是“中国信访制度开设以来年龄最大的上访者, 也是职务最高的上访者”⁷。

第三, 为持续突出事件的戏剧性, 媒体追踪报道并连续挖掘新的新闻亮点。任何事件在媒体场域的生存周期都是有限的, 只有不断增强事件在媒体场域的可见性, 才能让社会产生持续的关

⁴ Ван Чэнь. 王辰. 云南退休领导揭冲突始末: 强占农田为导火索. 搜狐网. 2014.10.15. = Пенсионер-чиновник провинции Юньнань рассказал о причине столкновения: триггер – отъем пашни [Электронный ресурс] // Sohu. – 2014. – 15 окт. – Режим доступа: <http://www.news.sohu.com/20141015/n405152455.shtml> (дата обращения: 04.01.2018).

⁵ Ван Кецин, Цяо Гуолян. 王克勤. 乔国栋. = Расследование инцидента «нападение на сельчан Динчжоу» провинции Хэбэй [Электронный ресурс] // Чжунго цзинцзи шибао. – 2005. – 20 июня. – Режим доступа: <http://www.wangkeqin.blog.sohu.com/510478.html> (дата обращения: 04.01.2018).

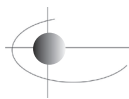
⁶ Ту Чонхан. 涂重航. 江苏邳州征地爆发血案. 新京报. 2010.01.08. = Кровавое столкновение возникло в уездном городе Пичжоу, провинции Цзянсу [Электронный ресурс] // Синьцзин бао. – 2010. – 8 янв. – Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/dfpd/2010-01/18/content_9334427.htm (дата обращения: 04.01.2018).

⁷ Ван Ваньчунь. 王万春. 91岁省部级离休高官赴京上访, 成了被“维稳”对象. 澎湃新闻. 2014.06.09. = 91-летний пенсионер-чиновник провинциального и министерского ранга, который отправился в Пекин для подачи петиции, привлёк внимание отдела сохранения стабильности [Электронный ресурс] // Пенпай. – 2014. – 9 июня. – Режим доступа: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1245722 (дата обращения: 04.01.2018).

¹ Ван Кецин, Цяо Гуолян. 王克勤. 乔国栋. 河北“定州村民被袭事件”调查. 中国经济时报. 2005.06.20. = Расследование инцидента «нападение на сельчан Динчжоу» провинции Хэбэй [Электронный ресурс] // Чжунго цзинцзи шибао. – 2005. – 20 июня. – Режим доступа: <http://www.wangkeqin.blog.sohu.com/510478.html> (дата обращения: 04.01.2018).

² Чэнь Лэй. 陈磊. “上访村长”之死. 南方人物周刊. 2011(2): 52–55. = Смерть петиционера-старосты // Наньфан жэнвэ чжоукан. – 2011. – № 2. – С. 52–55.

³ Минь Юньсяо. 闵云霄. 晋宁冲突调查: 幕后的“杨老五”到底是谁? 新浪网. 2014.10.22. = Расследование конфликта в Цзиньнин: кто подталкивающая рука Янь Лаову? [Электронный ресурс] // Sina. – 2014. – 22 окт. – Режим доступа: <http://www.news.sina.com.cn/czg/lrs/2014-10-22/1214327> (дата обращения: 04.01.2018).

注。媒体对乐清事件¹ 的描述就是典型一例。乐清市寨桥村持续七年的征地问题之所以突然引发媒体关注，是因为多年来领导村民反抗当地政府征地的前村长钱云会突发车祸意外死亡。钱云会的村长、抗争领袖双重身份，使得大众猜测其或被当地政府谋杀。媒体集中、连续性地报道钱云会之死的调查进展和疑点，使得乐清事件在媒介场域一直保持较高的关注度。媒体对事件过程的持续性报道，使得受众产生置身其中的感觉，这大大增强了媒体动员社会同情的能力。

逻辑生成策略是指媒体通过碎片化、引用谣言等叙事手法生成对土地冲突的特定解释框架。中国市场化媒体使用逻辑生成策略的出发点也同样在于，其更愿意将农民视为弱势群体，对抗争者有着天然的同情。这造成媒体更多是站在抗争者的角度对抗争进行美化。与此相对的，则是对当地政府的污名化。碎片化是指媒体仅挑选复杂事件的部分情节进行描述，造成信息不完整或具有误导性。

例如，仅少数媒体文本显示出，村民并非毫无博弈能力的绝对弱者，而是能够利用各种资源采取几近违法或严重违法的过激行为来胁迫政府。例如，根据晋宁事件的官方调查结果，“正在富有村吃早餐的8名施工方人员被村民非法扣押”²，并且在10月15日-16日的媒体报道中，接受采访的村民也叙述了这一经过。然而，此后在接受其他媒体采访时，村民则称此8人作为先遣部队进村打探消息。多数媒体援引了这一说法，却未对村民说法前后矛盾及非法扣押人员一事进行深入调查，甚至有媒体以“如果只是单纯的吃早餐，村民为何要动手？”等问题质疑官方调查结果语焉不详，指出“当地政府当务之急不应是在真相上的欲盖弥彰，而是彻查和追责”³。

碎片化还表现在指媒体更多偏向于呈现政府和村民的对立，而忽略了政府寻求谈判和让步的积极态度。在本文的五个案例中，政府都曾提出提高赔偿款或增加非现金保障，但政府的妥协和让步被村民视为理亏，激励村民追求更多的土地权益。例如，2004年乐清政府将寨桥村补偿费从1157.4万元提高到3800万元，且电厂将出资建设水管网和村里主要道路，资助村内贫困户和困难学生，但村民仍然不同意补偿方案⁴。仅一篇关于乐清事件的媒体文本提及政府处理征地冲突的困境：由于政府的补偿措施仍然远低于预期，村民选择继续反对征地，但“这个补偿费（村民的利益诉求）根本是不能接受的，一个是数额巨大，乐清没有这个钱；另一个是……其他村子的

人都纷纷效仿，政府以后的征地工作还怎么进行？”⁴。

引用谣言在中国市场化媒体对农民抗争事件的报道中表现为，媒体大量引用了未经证实的村民话语；这一话语策略进一步塑造了弱势村民对抗非正义的地方政府的冲突场景。例如，《南方窗》2007年关于龙泉事件的报道写道“土地的征收价格被龙泉市当地政府宣布为65元一平方米……尽管有每人48平方米的宅基地可用，无疑盖起来的房子也可以拿来出租，但是对于一村的农民来说，首先是高达5-8万元的配套费使他们对盖房望而生畏，再加上接近千元/平方米的基建费，每户农民要新建住房基本费用要接近20万元，土地征用款基本只够农民盖房之用”⁵。

然后，龙泉政府随即接受中国新闻网采访，澄清道“龙泉市区范围内征收土地补偿标准分为两种形式：一种是不含留地的为115元/㎡；另一种是80元/㎡，并按征地面积的10%留地安置……另增加每个村民小组1700平方米的异地安置……按照目前的标准，总用地115平方米，建筑占地48平方米的用地审批规费是41515.5元……减免后实际用地审批规费应为30301.45元”⁶，并提及龙泉政府给失地村民提供了养老保险优惠。

结论 (Заключение). 中国市场化媒体从同情的视角报道了乡村抗争事件，塑造了势单力孤的农民对抗强势、非正义的地方政府这一冲突场景，这一媒介呈现有利于农民抗争者获得公众的同情和支持。在呈现农民抗争事件中，媒体使用了感染力较强的情绪操纵策略——例如，“战争”隐喻、戏剧化——形象地展现了抗争者的悲愤情绪和冲突的暴力、血腥和新奇；同时媒体还使用了逻辑生成策略（引用谣言、碎片化），这有利于促进受众接受媒体对抗争事件的因果解释。研究者发现，媒体的话语策略大力渲染了乡村抗争者的弱者身份，忽略了农民能够利用权力网络和社会资源进行对抗的主体能动性，将农民与地方政府的博弈改写为强势地方政府对农民的全面欺压。由于媒体将报道焦点集中在冲突上，较少呈现政府的让步和双方的谈判，这也使得“民弱官强”的媒体景观在公共话语空间进一步得到加强，并进一步远离了抗争的真实情景。在另一方面，通过运

⁴ Йэ Вэньтянь. 叶文添. 钱云会：圈地背后的生命负重. 中国经营报. 2011.01.01. Цянь Юньхуэй: тяжёлая ответственность за борьбу против «огораживания» [Электронный ресурс] // Чжунго цзиньинь бао. – 2011. – 01 янв. – Режим доступа: <http://www.finance.sina.com.cn/roll/20110101/01029195035.shtml> (дата обращения: 04.01.2018).

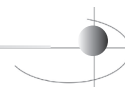
⁵ Сяо И. 肖一. 浙江农民告赢省政府. 南风窗. 2007(13). 47–52. = Крестьяне в Чжэцзян выиграли тяжбу против провинциального правительства // Наньфен чжунан. – 2007. – № 13. – С. 47–52.

⁶ Чжунсин. 钟新. 浙江农民告赢了省政府？龙泉市政府称与事实不符. 中国新闻网. 2007.07.12. = Крестьяне в Чжэцзян выиграли тяжбу против провинциального правительства? Правительство Лонцюань сказало, что это неправильно [Электронный ресурс] // Чжунго синьвен. – 2007. – 12 июля. – Режим доступа: <http://www.news.163.com/07/0712/17/3J7F2H2C000120GU.html> (дата обращения: 04.01.2018).

¹ Янь Цзяньбяо, Лин Синь. 鄢建彪. 凌馨. 乐清车轮. 财经. 2011.01.17. = Колесо Юэцин [Электронный ресурс] // Цайцзин. – 2011. – 17 янв. – Режим доступа: <http://www.magazine.caijing.com.cn/2011-01-16/110620582.html> (дата обращения: 04.01.2018).

² Юнь Цзин. 云清. 今评媒：晋宁冲突官方通报和媒体，该信谁？新浪. 2014.10.17. = Обзорение сегодня: во что верим, официальный отчёт или СМИ? [Электронный ресурс] // Sina. – 2014. – 17 окт. – Режим доступа: <http://www.news.sina.com.cn/czg/jpm/2014-10-17/1600317.html> (дата обращения: 04.01.2018).

³ Там же.

用上述话语修辞策略，媒体迅速地调动起社会大众对农民抗争者的同情以及对当地政府的谴责。面对“一边倒”的舆论，当地政府难以就其行政行为的合法性作出有效的解释，来改变公众对其先入为

主的判断，只能试图通过制度化抗争——许诺在法律或行政框架下尽量满足农民诉求——来平息社会批评。由此来看，媒体的话语策略增强了农民抗争者同地方政府谈判的筹码。

参考文献

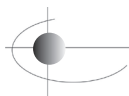
Список литературы

1. Иванова С. В., Сподарец О. О. Реализация стратегии субъективизации в структуре новостного политического дискурса СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 71–75.
2. Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ как междисциплинарный проект: между методом и идеологией // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 6. С. 5–12.
3. Мельник Г. С. Новые (тактические) медиа как структурный компонент мобилизационных технологий // Гуманитарный вектор. 2014. № 3. С. 136–142.
4. Негрышев А. А. Интерпретация действительности в новостях СМИ: некоторые приёмы на уровне композиции текста [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2012. № 2. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1071> (дата обращения: 04.05.2018).
5. Cammaerts B. Protest Logics and the Mediation Opportunity Structure // European journal of communication. 2012. № 2. Pp. 117–134.
6. Entman R. M. Framing: Towards Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 1993. № 3. Pp. 51–58.
7. Fairclough N. Language and Power. New York: Longman, 1989. 259 p.
8. Fu J. S., Lee A. Y. Chinese Journalists' Discursive Weibo Practices in an Extended Journalistic Sphere // Journalism Studies. 2016. № 3. Pp. 80–99.
9. Gamson W. A., Modigliani A. The Changing Culture of Affirmative Action // Equal Employment Opportunity: Labor Market Discrimination and Public Policy / ed. P. Burstein. New York: Aldine De Gruyter, 1994. 444 p.
10. Garrett K. R. Protest in an Information Society: A Review of Literature on Social Movements and New ICTs // Information, Communication & Society. 2006. № 2. Pp. 202–224.
11. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Boston: Northeastern University Press, 1986. 600 p.
12. Zhao Y. Civil Rights, Legal Justice: Possibilities and Limits of Media and Internet Mobilization // Communication in China: Political Economy, Power, and Conflict. Lanham and etc.: Rowman & Littlefield, 2008. Pp. 245–285.
13. Юй Цзяньжун. 于建嵘. 抗争性政治: 中国政治社会学基本问题. 北京: 人民出版社, 2010. = Политика сопротивления: фундаментальные проблемы в китайской политологической социологии. Пекин: Народное изд-во, 2010. 248 с.
14. Юй Цзяньжун. 于建嵘. 当前我国群体性事件的主要类型及其基本特征. 中国政法大学学报, 2009, (06):114–120, 160. = Основные типы и основные характеристики массового инцидента в современном Китае // Вестник Китайского университета политических наук и права. 2009. № 6. С. 114–120, 160.
15. Чжэн Вэнь. 郑雯. “媒介化抗争”: 变迁、机理与挑战. 北京: 华夏出版社, 2015. «Медиатизированные протесты»: транзит, механизм и вызовы. Пекин: Хуася изд-во, 2015. 179 с.

Статья поступила в редакцию 07.06.2018; принята к публикации 30.08.2018

Библиографическое описание статьи

Лю Янь. Языковые приёмы воздействия СМИ на аудиторию (на примере освещения крестьянских протестов в современном Китае) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 50–55. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-50-55.

Liu Yan,
Applicant,
Saint Petersburg State University
(7 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199164, Russia),
e-mail: karenly_62@mail.ru

**Mass Media's Language Strategies to Assert Influence on the Audience
(on the Example of Media Coverage of Peasant Protests in Modern China)**

媒体影响受众认知的话语策略（以中国农民抗争为例）

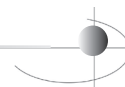
The importance of this research is explained by the fact that political potential of the mass media is largely determined by the effect of its linguistic methods on influencing the audience and China under the reform witnesses the increasing role of the mass media in changing the interaction model between the government and society. The purpose of the paper is to classify and characterize the language techniques of Chinese market-oriented mass media, which stimulate the public sympathy for rural protests. We use the method of frame analysis and linguistic discursive analysis to examine media coverage of five peasant protests cases in China (2005–2014). The main result of the study is as follows: Chinese market-oriented mass media from the perspective of sympathy cover peasant protests and create a media-image that shows the resistance of helpless farmers to unjust local government. That, in turn, prepares society to support protesters-peasants. The emotional-expressive stylistic devices (metaphors, emphasis on the dramatic nature of the event, etc.) allow the mass media to clearly describe the dissatisfaction of protesters and the intensity of confrontation, as well as logical rhetoric techniques (fragmentation, discussion of rumors, etc.) ensure the perception in society of some certain causal interpretation of the conflict in favor of the peasants. The author claims that the use of these language techniques, on the one hand, leads to a certain degree of distortion of the actual events in the public sphere, but on the other hand, increases the protesters' leverage on bargaining with local authorities over their own demands.

Keywords: language strategies, Chinese mass media, protests, media influence, mass consciousness, public resonance

References

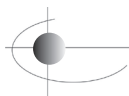
1. Ivanova, S. V., Spodarets, O. O. Implementation of the strategy of subjectivization in the structure of news political discourse of the media. *Politicheskaya lingvistika*, pp. 71–75, no. 3, 2010. (In Rus.)
2. Kozhemyakin, E. A. Discourse analysis as an interdisciplinary project: between method and ideology. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, pp. 5–12, vol. 203, no.6, 2015. (In Rus.)
3. Mel'nik, G. S. New (tactical) media as a structural component of mobilization technologies. *Gumanitarnyi vektor*, pp. 136–142, no. 3, 2014. (In Rus.)
4. Negryshev, A. A. Interpretation of reality in the news media: some techniques at the level of text composition. *Mediascope*, no.2, 2012. Web. 04.06.2018. <http://www.mediascope.ru/node/1071>. (In Rus.)
5. Cammaerts, B. Protest Logics and the Mediation Opportunity Structure. *European journal of communication*, vol. 27, no. 2, pp. 117–134, 2012. (In Engl.)
6. Entman, R. M. Framing: towards Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*, vol. 43, no.3, pp.51–58, 1993. (In Engl.)
7. Fairclough, N. *Language and Power*. N.: Longman, 1989. (In Engl.)
8. Fu J. S., Lee A. Y. Chinese Journalists' Discursive Weibo Practices in an Extended Journalistic Sphere. *Journalism Studies*, no. 3, pp. 80–99, 2016. 2016. (In Engl.)
9. Gamson, W. A., Modigliani, A. *The Changing Culture of Affirmative Action. Equal Employment Opportunity: Labor Market Discrimination and Public Policy*. N. Y: Aldine De Gruyter, 1994. (In Engl.)
10. Garrett, K. R. Protest in an Information Society: a Review of Literature on Social Movements and New ICTs. *Information, Communication & Society*, vol.9, no.2, pp.202–224, 2006. (In Engl.)
11. Goffman, E. *Frame Analysis: an Essay on the Organization of Experience*. Boston: Northeastern University Press, 1986. (In Engl.)
12. Zhao Y. Civil Rights, Legal Justice: Possibilities and Limits of Media and Internet Mobilization. *Communication in China: Political Economy, Power, and Conflict*. Lanham and etc.: Rowman & Littlefield, 2008: 245–285. (In Engl.)
13. Yuj Czyan'zhun. *Politics of resistance: fundamental issues in Chinese political sociology*. Pekin: Narodnoe izd-vo, 2010. (In Chin.)
14. Yuj Czyan'zhun. Main types and main characteristics of mass incident in modern China. *Vestnik Kitaiskogo universiteta politicheskikh nauk i prava*, no.6, pp.114–120, 2009. (In Chin.)
15. Chzhohn Vehn'. *Mediatized protests: transit, mechanism and challenges*. Pekin: Huasya izd-vo, 2015. (In Chin.)

Received: June 7, 2018; accepted for publication August 30, 2018

Reference to the article

Liu Yan. Mass Media's Language Strategies to Assert Influence on the Audience (on the Example of Media Coverage of Peasant Protests in Modern China) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 50–55. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-50-55.

УДК 002

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-56-61

Екатерина Константиновна Рева¹,
доктор филологических наук, доцент,
Пензенский государственный университет
(440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40),
e-mail: reva.ek@mail.ru

Татьяна Денисовна Михайлова²,
аспирант,
Пензенский государственный университет
(440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40),
e-mail: TataM1995@yandex.ru

Репрезентация ресторанной критики на страницах гастрономических периодических изданий (на примере журнала «Гастрономъ»)

Актуальность исследования репрезентации ресторанной критики на страницах гастрономических изданий обусловлена сосуществованием концептов *еда* и *ресторан* в периодической печати. Особенно масштабное проявление эта тенденция находит в гастрономических журналах. Ресторанная критика, являясь способом анализа и биполярной оценки места общественного питания, имеет жанровые и языковые особенности репрезентации. Целью исследования является их выявление и обобщение. Ресторанная критика откликается на тенденции развития современных печатных СМИ, связанных с социокультурной эволюцией и доминированием рекреативного начала. Подчеркивается, что эта часть журналистской практики постепенно приобретает черты самостоятельного вида творческой деятельности, и способ её репрезентации согласовывается с типологическими характеристиками издания. Данный тезис подтверждается рассмотрением материалов журнала «Гастрономъ». В ходе рассмотрения медийных текстов ресторанной направленности дифференцируются те материалы, в которых о ресторане лишь упоминается, а также публикации, которые относятся к текстам ресторанной критики; даётся жанровое определение публикаций и их систематизация в соответствии с тематическим рубрицированием журнала, изучаются языковые особенности медиатекстов. Кроме того, в статье определяются перспективы дальнейшего изучения ресторанной критики в периодической печати. Данная работа опирается на фундаментальные исследования в области лингвистики, культурологии, труды по теории журналистики и массовых коммуникаций.

Ключевые слова: гастрономическая пресса, медиа, жанры, ресторанная критика, рецензия

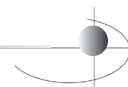
Введение. Критика на протяжении всего своего существования характеризуется как направление, способствующее продуктивному отбору знаний и исторического опыта (музыкальная, литературная, танцевальная, кинокритика) [8, с. 73]. Однако современные тенденции развития информационного пространства способствуют возникновению новых форм критики, получающих название «арткритика» и «сервисная критика». На стыке этих двух видов критики на страницах периодической печати представлена ресторанная критика – явление, не описанное детально филологической наукой, но нуждающееся в исследовательском внимании, так как этот вид критики отражает тенденции развития общества. Действительно, ресторанная критика как явление современной журналистики включает в себя не только анализ и биполярную оценку составляющих места обще-

ственного питания, но и обращается к рассмотрению экономических, технологических, производственно-творческих, социокультурных аспектов ресторанного дискурса. Наше исследование показывает, что репрезентация функционирования ресторана и деятельности представителей ресторанной индустрии в периодических изданиях осуществляется посредством таких жанров, как рецензия, обзор, отчёт, проблемная статья, интервью, творческий портрет. Под понятием *ресторан* подразумевается место общественного питания, содержащее следующие составляющие: ресторанная кухня, меню, отношения повар – обслуживающий персонал – гость – интерьер – прайс.

Гастрономические издания, являясь проводником в мир еды, сопровождают читателя материалами, представляющими собой ресторанную критику. Обращение именно к этой

¹ Е. К. Рева – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

² Т. Д. Михайлова – сбор и обработка экспериментальных данных.

типологической группе изданий связано с тесными отношениями, существующими между двумя концептами: *ресторан* и *еда*. Более того, гастрономические издания нуждаются в исследовательском внимании.

Эмпирическая база исследования представлена выпусками журнала «Гастрономъ» за 2014–2017 годы (общий объём составляет 50 номеров).

Данное исследование проводилось с опорой на труды лингвистов Т. Г. Добросклонской [3], Ф. Л. Косицкой [6], культурологов М. В. Капкан [4; 5], Р. Пикарда [15], Э. Джэнсона [17], теоретиков в области журналистики О. В. Смирновой [21], А. А. Грабельникова [20], А. А. Тертычного [24], А. Н. Тепляшиной [11; 12], Д. Гринмана [16], Д. Вилсона [18], теоретиков в области художественно-публицистической критики Л. П. Саенковой [9; 10], А. П. Короченского [7], Е. В. Выровцевой [1; 2].

Методология и методы исследования.

В ходе исследования применены типологический, культурологический анализ, контент-анализ, статистический метод. С точки зрения существующих типологических классификаций, гастрономическая пресса относится к изданиям, ориентирующимся на массовую аудиторию и специализирующимся на конкретной тематике, которая интерпретируется и представляется в связи с другими тематическими группами, что позволяет рассматривать концепт *еда* как часть культуры домашнего и общественного питания, отраслей сельского хозяйства и бизнеса, как составляющую путешествий. Действительно, на страницах гастрономических изданий «еда» предстаёт именно в таком виде: информация подаётся «для всех» «о конкретном» [22, с. 81]. Гастрономический журнал, являясь частью гастрономической культуры, включает в себя кулинарный компонент, отвечая на вопросы *что* и *как* приготовить, причём, отмечая характерные продукты, гастрономическое издание стремится выделить именно свойственные данной культуре ингредиенты. Кроме того, журнал сопровождает читателя информацией о нормах и культуре принятия пищи и осмыслением свойственного культуре гастрономического этикета. Издание ориентирует читателя на многообразие мест, в которых он может принимать пищу, в том числе знакомит читателя с рестораном как средоточением качественных блюд и кулинарных тенденций развития общества.

Представленная выше характеристика гастрономического журнала соответствует принятому в науке определению гастроно-

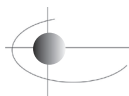
мической культуры, предложенному учёным М. В. Капкан, «гастрономическая культура – культурно специфическая система норм, принципов и образцов, воплощающаяся в: а) способах приготовления пищи; б) наборе принятых в данной культуре продуктов и их сочетаниях; в) практике потребления пищи; г) рефлексии над процессами приготовления и принятия пищи» [5, с. 10].

Данное исследование делает акцент на журнале «Гастрономъ», который не только названием, но и производимым контентом подчёркивает свою принадлежность к гастрономической прессе, содержит медиатексты информационных, аналитических и художественно-публицистических жанров, а также представляет научный интерес с точки зрения репрезентации ресторанной критики.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ гастрономического журнала с точки зрения функционирования ресторанной критики осуществлялся комплексно. Первым этапом работы было разделение публикаций о ресторане на две группы: в первую вошли материалы, в которых ресторан лишь упоминается, вторую группу составили материалы, актуальные для данного исследования с точки зрения репрезентации ресторанной критики. Число публикаций, в которых есть упоминание о ресторане, равно 197. Из них – 114 – медиатексты ресторанной критики, 83 – материалы, в которых ресторан упоминается, но не представляется аналитически и оценочно. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что для гастрономического журнала ресторан является значимым местом, авторы медиатекстов не оставляют его без внимания.

В рамках следующего этапа исследования внимание было сосредоточено на второй группе материалов. Анализ медиатекстов ресторанной критики осуществлялся с учётом нескольких аспектов: были рассмотрены основные рубрики, жанры, языковые особенности текстов ресторанной критики.

Анализ рубрик в контексте изучения ресторанной критики в периодическом издании позволяет проследить систему и принципы, основополагающие для репрезентации концепта *ресторан*. Исследование показало, что за каждой регулярной рубрикой журнала «Гастрономъ» закреплён жанр, оформляющий материал в данном разделе издания. Жанровый подход для изучения медиатекстов детерминирован способностью жанра трансформировать ресторанную тематику с учётом коммуникативных целей и функциональных

особенностей. Для журнала «Гастрономъ» характерно внимание к тематике ресторана уже с колонки главного редактора Андрея Захарина, которая задаёт тональность каждому номеру, обеспечивая постоянный интерес у читателя к ресторану и поддерживая связь концептов *еда* и *ресторан*. Как правило, автором колонки упоминаются рестораны как примеры для подражания, связанные с темой его обращения к читателям текущего номера.

Рубрика «Винегрет» традиционно представляет ресторанные новости, представленные как 2–3 обзора вновь открывшихся ресторанов. Конвергенция новостной и аналитической журналистики проявляется в активном функционировании жанрового формата “news-feature”, используемого для репрезентации ресторана на странице издания, посвящённой ресторанным новостям, «типа медиатекста, соединяющего функции “новости” (информационный медиадискурс) и “статьи” (аналитический медиадискурс)» [14, с. 361]. Коммуникативная цель автора в данном случае не только информировать об открытии нового места общественного питания, но и дать ему оценку, что не является типичным для традиционного информационного жанра.

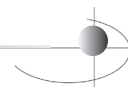
«Рецепт с автографом» и «Персона» – рубрики, посвящённые личности деятеля ресторанного бизнеса, который определяет своё место в данной сфере деятельности. Традиционно избираемый жанр для репрезентации ресторанной критики в данных рубриках – интервью-диалог. Интервью как жанр в аспекте репрезентации ресторанной критики позволяет не только девуалировать «мнение специалиста, компетентного в данном вопросе», но и раскрыть ресторан посредством личности, принимающей активное участие в его стабильном функционировании [3]. Отметим, что интервью в гастрономическом журнале направлено на предоставление исчерпывающей информации о ресторане (истории его создания и открытия, концепции, шеф-поваре, принципах работы ресторатора и управления гастрономическим местом, отношении к еде в целом, различиях ресторанов в разных городах, выяснении гастрономических привычек героя медиатекста и членов его семьи, его мнению о кулинарных трендах настоящего и будущего).

Рубрики «Открытие», «Точка притяжения» описывают определённое место общественного питания, уточняя его достоинства и особенности, как правило, редко упоминая о негативных сторонах функционирования ресторана.

В рубриках «Путешествия», «Путешествие со вкусом» рестораны упоминаются и описываются в контексте мест-носителей информации о регионе, информация зачастую носит рекомендательный характер. В медиатекстах ресторанной критики синтезируется аналитический жанр рецензии, а также художественно-публицистические жанры, что проявляется в описании места расположения ресторана как пейзажной зарисовки, использовании композиционных приёмов привлечения внимания читателя, при этом сохраняется главная интенция автора – сопроводить читателя информацией о том, почему этот ресторан достоин посещения.

С точки зрения жанровой характеристики, материалы ресторанной критики в рассмотренных выше рубриках представлены отзывом-отчётом, жанром, близким по характеристикам к традиционной рецензии. Отзывы-отчёты о ресторане в журнале «Гастрономъ» имеют цель сориентировать читателя, поэтому авторы обычно обращаются к прямому указанию «идти – не идти», подробному описанию места общественного питания и озвучиванию авторских впечатлений. «Гастрономъ» публикует рецензии-отчёты, имеющие выразительные рекламно-информационные признаки.

Языковой анализ медиатекстов ресторанной критики позволяет определить типологические особенности репрезентации публикаций данной тематики. Ресторанная критика на страницах гастрономического издания является частью массовой культуры, в связи с этим язык публикаций отличается наличием изобразительно-выразительных средств, делающих медиатексты развлекательными, эпатажными, рекламными, отвечающими законам рыночных механизмов. Тексты содержат сленговую лексику. Оценочность выражается использованием таких стилистических средств, как эпитет, сравнение, гипербола, повторение: «Устрицы по 170 рублей за штуку – главный привлекающий манёвр нового рыбного ресторана Аркадия Новикова “Клево”»; «Любой, кто хотя бы раз побывал в Приэльбрусье или на Домбае, знает непревзойдённый вкус местных хычинов» [23]. Используются клише, метафоры, пословицы. Синтаксические изобразительные средства: инверсия, вводные конструкции – выражают оценку и обобщают ее, приписывая массовой аудитории и предлагая как саму собой разумеющуюся: «Впрочем, мясо стало ежедневной пищей не так давно – когда-то его подавали лишь в пору забоя животных, четко определенную крестьянским календарем» [Там же].

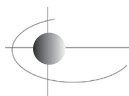
Авторы используют ресторанные термины, активно используемые работниками ресторанного бизнеса и читателями издания, увлечёнными ресторанной тематикой: «За прошедший сезон севиче стало, возможно, самым популярным словом в московских ресторанах “выше среднего”» [23]. На страницах издания «Гастрономъ» в медиатекстах ресторанной критики, расположенных в рубриках о путешествиях, функционируют специалитеты, блюда, свойственные тому или иному народу, на рассмотрении которых журналист останавливается отдельно: «Здесь можно заказать домой бутылку-другую их собственных настоек, о которых в городе уже вовсе не говорят – из черноплодки, малины и мяты, абрикоса и фенхеля, облепихи, граната, настоящего с корочками, вишни с кумином, перцовки, португальской жинжины или французского кюммеля на пряных травах» [Там же]. Действительно, проведённый филологический анализ текстов ресторанной

критики позволяет сделать вывод о том, что языковое воплощение публикаций строится на отклике на современные тенденции развития СМИ (массовость, эпатажность, гибридность стилей [13]) и использовании терминов, свойственных тематике публикаций.

Заключение. Проведённый анализ структуры издания, жанрового и языкового своеобразия публикаций позволяет сделать следующие выводы: объектом ресторанной рефлексии на страницах гастрономического журнала выступает гастроместо не только как пункт общественного питания, но и как особая сфера творческо-производственно-коммерческой деятельности. Предметом отображения ресторанной критики в журнале «Гастрономъ» является место общественного питания, процесс функционирования ресторана, ресторан в контексте путешествий как носитель культурно-этнографических характеристик региона, личность ресторанной сферы (бармен, владелец, шеф-повар ресторана).

Список литературы

1. Выровцева Е. В. Медиакритика и медиаобразование: проблемы взаимодействия // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2012. № 1. С. 39–47.
2. Выровцева Е. В. Трансформация традиционных публицистических жанров в современных массмедиа // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. Вып. 94, № 5. С. 207–213.
3. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости. 2014. № 13. С. 181–187.
4. Капкан М. В., Лихачева Л. С. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования // Известия Уральского государственного университета. 2008. Вып. 15, № 55. С. 34–43.
5. Капкан М. В. Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации (на примере России XIX–XX веков): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Екатеринбург, 2010. 25 с.
6. Косицкая Ф. Л., Зайцева И. Е. Французский гастрономический дискурс и его жанровая палитра // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 25–26.
7. Короченский А. П. Медиакритика как оценочное познание социального функционирования СМИ // Научные ведомости. 2010. Вып. 7, № 18. С. 204–208.
8. Саенкова Л. П. Кинокритика и киножурналистика: типология творческой деятельности // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2013. № 1. С. 71–74.
9. Саенкова Л. П. Литературно-художественная критика и медиакритика: сходство и различия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2010. Т. 7, вып. 18. С. 236–240.
10. Саенкова Л. П. Особенности проявления массовой культуры в литературно-художественной критике // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2008. Т. 14, вып. 5. С. 231–236.
11. Тепляшина А. Н. Медиатекст деловой газеты как субъект развития ресторанного бизнеса // Учёные записки ЗабГУ. 2015. № 2. С. 117–123.
12. Тепляшина А. Н. Профессиональная критика ресторанов в деловой прессе как фактор жанровой модификации рецензии // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 2. С. 195–204.
13. Ширяева О. В. Лингвопрагматический аспект типологии медиадискурса // Научная мысль Кавказа. 2012. № 1. С. 112–116.
14. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw Hill, 1964. 389 p.
15. Picard R. The Press and Decline of Democracy: The Democratic Social Response in Public Policy. Westport, CT: Greenwood, 1985. 173 p.
16. Greenman J. F. Introduction to Travel Journalism. On the Road with Serious Intent. New York: PeterLang Publishing Inc., 2012. 218 p.
17. Jansson A. Spatial Phantasmagoria: The Mediatization of Tourism Experience // European Journal of Communication. 2002. Vol. 17, № 4. Pp. 429–443.
18. Wilson J. The Best American Travel Writing. Boston: Houghton Mifflin Company, 2006. 352 p.

Источники

19. Голованова Е., Сиротина А. Идеальный подход // Гастрономъ. 2017. № 4. С. 18.
20. Грабельников А. А. Работа журналиста в прессе: учеб. пособие. М.: РИП-холдинг, 2001. 274 с.
21. Смирнова О. В. Печатные СМИ России // Медиасистема России: учеб. пособие для студ. вузов / под ред. Е. Л. Вартаковой. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 125–159.
22. Типология периодической печати: учеб. пособие / ред. М. В. Шкондин, Л. Л. Реснянская. М.: Аспект Пресс, 2009. 237 с.
23. Ресторанные новости // Гастрономъ. 2017. № 4. С. 6.
24. Тertychnyy A. A. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000. 312 с.
25. Эристов К. Кулинарное наследие Эльбруса // Гастрономъ. 2017. № 3. С. 60–63.

Статья поступила в редакцию 14.05.2018; принята к публикации 30.07.2018

Библиографическое описание статьи

Рева Е. К., Михайлова Т. Д. Репрезентация ресторанной критики на страницах гастрономических периодических изданий (на примере журнала «Гастрономъ») // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 56–61. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-56-61.

Ekaterina K. Reva¹,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Penza State University
(40 Krasnaya st., Penza, 440026, Russia),
e-mail: reva.ek@mail.ru

Tatiana D. Mikhailova²,
Postgraduate,
Penza State University
(40 Krasnaya st., Penza, 440026, Russia),
e-mail: TataM1995@yandex.ru

Food Criticism Representation on Gastronomic Magazine Pages (on the example of the Magazine *Gastronom*)

The relevance of the food criticism representation study on the gastronomic magazines pages is due to the coexistence of the concepts of food and restaurant in the periodical press. This trend is particularly large in gastronomic magazines. Restaurant criticism being a way of analyzing and bipolar estimation of a place of public catering has genre and language features of representation. The aim of the study is to identify and generalize them. Food criticism responds to trends in the development of modern print media related to socio-cultural evolution and the dominance of the recreational principle. It is emphasized that this part of journalistic practice gradually acquires features of an independent type of creative activity and the way of its representation is coordinated with the typological characteristics of the publication. This thesis is confirmed by the study of the material from the magazine *Gastronom*. During the analysis of media texts of restaurant orientation, the materials in which the restaurant is only mentioned are studied, as well as the publications that relate to the texts of restaurant criticism, genre definition of publications and their systematization in accordance with thematic division of the journal are given, the language features of media texts are studied. In addition, the article determines the prospects for further study of restaurant criticism in the periodical press. This work is based on fundamental research in the field of linguistics, culturology, works on the theory of journalism and mass communications.

Keywords: gastronomic press, media, genres, restaurant criticism, review

References

1. Vyrovtsseva, E. V. Media criticism and media education: problems of interaction. Sign: a problem field of media education: a scientific journal, no.1 (9), pp. 39–47, 2012. (In Rus.)
2. Vyrovtsseva, E. V. Transformation of traditional publicistic genres in modern mass media. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Issue 94. № 5. pp. 207–213, 2015. (In Rus.)

¹ E. K. Reva – the main author, the organizer of the study, formulates conclusions and summarizes the results of the implementation of the collective project.

² T. D. Mikhailova – collection and processing of experimental data.

3. Dobrosklonskaya, T. G. Mass media discourse as an object of scientific description. Scientific statements, no. 13, pp. 181–187, 2014. (In Rus.)
4. Kapkan, M. V., Likhacheva, L. S. Gastronomic Culture: Concept, Functions, Formation Factors. Izvestiya Ural State University, no. 55, issue. 15, pp. 34–43, 2008. (In Rus.)
5. Kapkan, M. V. Phenomenon of gastronomic culture: specificity of forms of representation (on the example of Russia of the XIX–XX centuries). Cand. culturology sci. diss. abstract. Ekaterinburg, 2010. (In Rus.)
6. Kositskaya, F. L., Zaitseva I. E. French gastronomic discourse and its genre palette. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, no. 2, pp. 25–26, 2014. (In Rus.)
7. Korochensky, A. P. Media criticism as an evaluation cognition of the social functioning of the media. Scientific Bulletin, no. 18 (89), issue. 7, pp. 204–208, 2010. (In Rus.)
8. Saenkova, L. P. Film criticism and cine journalism: typology of creative activity. Vesnik Belaruskaga dzarja una unguniversiteta, no. 1, pp. 71–74, 2013. (In Rus.)
9. Saenkova, L. P. Literary and Art Criticism and Media Criticism: Similarities and Differences. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo universiteta, issue. 18 (89), vol. 7, pp. 236–240, 2010. (In Rus.)
10. Saenkova, L. P. Peculiarities of the manifestation of mass culture in literary and art criticism. Vestnik of Kostroma State University. ON. Nekrasov, no. 5, vol. 14, pp. 231–236, 2008. (In Rus.)
11. Teplyashina, A. N. Mediastekt of business newspaper as a subject of the development of restaurant business. Medialinguistics. Scholarly notes of Transbaikals State University, no. 2 (61), pp. 117–123, 2015. (In Rus.)
12. Teplyashina, A. N. Professional criticism of restaurants in the business press as a factor of the genre modification of the review. Bulletin of Tomsk State University, no. 2 (34), pp. 195–204, 2015. (In Rus.)
13. Shiryayeva, O. V. Linguopragmatic aspect of the typology of the media discourse. Scientific thought of the Caucasus, no. 1, pp. 112–116, 2012. (In Rus.)
14. McLuhan, M. Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGrawHill, 1964. (In Engl.)
15. Picard, R. The Press and Decline of Democracy: The Democratic Social Response in Public Policy / R. Picard. Westport, CT: Greenwood, 1985. (In Engl.)
16. Greenman, J. F. Introduction to Travel Journalism. On the Road with Serious Intent. New York: Peter Lang Publishing Inc., 2012. (In Engl.)
17. Jansson, A. Spatial Phantasmagoria: The Mediatization of Tourism Experience. European Journal of Communication, vol. 17, no. 4, pp. 429–443, 2002. (In Engl.)
18. Wilson, J. The Best American Travel Writing. Boston: Houghton Mifflin Company, 2006. (In Engl.)

Sources of information

19. Golovanova, E., Sirotina, A. The ideological approach. Gastronom, no. 4, pp. 18, 2017. (In Rus.)
20. Grabelnikov, A. A. Work of a journalist in the press. Moscow: Izd. RIP Holding, 2001. (In Rus.)
21. Smirnova, O. V. Printed Mass Media of Russia Media system of Russia: a textbook for university students. Vartanova, E. L., ed. Moscow: Izd-vo Aspect Press, 2015: 125–159. (In Rus.)
22. Typology of periodical press. Shkondin, M. V., Resnianskaya, L. L., ed. Moscow: Aspect Press, 2009. (In Rus.)
23. Restaurant news. Gastronom, no. 4, p. 6, 2017. (In Rus.)
24. Tertychny, A. A. Genres of periodicals. Moscow: Aspect Press, 2000. (In Rus.)
25. Eristov, K. Culinary heritage of Elbrus. Gastronom, no. 3, pp. 60–63, 2017.

Received: May 14, 2018; accepted for publication July 30, 2018

Reference to the article

Reva E. K., Mikhailova T. D. Food Criticism Representation on Gastronomic Magazine Pages (on the example of the Magazine *Gastronom*) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 56–61. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-56-61.

МЕДИАТЕКСТ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

MEDIA TEXT IN THE PUBLIC COMMUNICATION SYSTEM

УДК 070:316.77(292.471)

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-62-69

Егорова Людмила Геннадьевна,
кандидат филологических наук, доцент,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(295000, Россия, г. Симферополь, пр-т Вернадского, 2),
e-mail: legora@list.ru

Трансформация рынка печатных СМИ Республики Крым нового времени

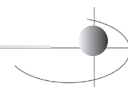
В связи с переходом Крыма в состав Российской Федерации информационное пространство республики претерпело кардинальные изменения. В статье определяются основные тенденции трансформации медиапространства Республики Крым нового времени. В ходе исследования рынка печатных средств массовой информации полуострова издания классифицируются по ряду параметров, в числе которых материальная конструкция, форма собственности, тематика, язык выхода. Методология исследования основывается на системном подходе к изучению СМИ, в работе использованы такие методы и приёмы исследования, как описание, классификация, сравнение, статистический анализ и т. д. Автор приходит к выводу, что общее количество зарегистрированных печатных СМИ в Республике Крым существенно сократилось: целый ряд изданий по разным причинам (непрохождение перерегистрации в Роскомнадзоре, проблемы с финансированием и пр.) прекратили своё существование. При этом наблюдается тенденция появления на медиарынке полуострова новых газет и журналов. В статье отмечается, что, несмотря на произошедшие трансформации, тематическая направленность печатных СМИ практически не претерпела изменений: как и прежде, наибольшую долю рынка занимают общественно-политические и информационные медиа. В процессе анализа функционирования рынка печатных изданий РК в 2014–2015 годах было также выявлено, что 50 изданий из 166 учреждены государственными/партийными структурами. Что касается 116 негосударственных изданий, то учредителем у 60 выступает частное лицо, у 48 – общество с ограниченной ответственностью и у 8 – общественные организации и общины, среди 166 зарегистрированных печатных СМИ РК преобладают одноязычные издания. Так, 122 издания выпускаются исключительно на русском языке, 28 газет – на русском, английском, украинском и крымско-татарском языках, двуязычными являются 13 изданий (из них: 10 – с русским и английским и 3 – с русским и украинским языками), 3 издания выходят на крымско-татарском языке. В качестве ещё одной особенности зарегистрированных в исследуемый период печатных СМИ автор статьи указывает на преобладание одноязычных изданий.

Ключевые слова: медиапространство, печатные СМИ, рынок печатных СМИ, тематика изданий, классификация печатных СМИ

Введение. В последнее десятилетие наблюдается усиление исследовательского внимания к такому феномену, как дискурс СМИ [4; 6–8; 10; 14; 16]. Отметим, что он представляет собой динамичную коммуника-

цию массмедиа с обществом с разнообразным набором стратегий и тактик воздействия на сознание адресата. При этом информация, необходимая для привлечения интереса читателей, должна структурироваться и

© Егорова Л. Г., 2018

вербально оформляться таким образом, чтобы адресат почувствовал себя участником диалога. «Социальное назначение массмедийного дискурса состоит в том, чтобы внушить аудитории необходимость “правильных” оценок и действий. Таким образом, основной целью дискурса СМИ является не описание, а убеждение, приводящее в конечном итоге целевую социальную группу к определённым действиям» [3]. Но при этом остаётся большое количество нерешённых и проблемных вопросов, и значительная их часть относится к такому явлению, как региональный дискурс СМИ.

Актуальность вычленения регионального аспекта картины мира обусловлена тем, что «процесс регионализации России, интенсифицировавшийся в 1990-е годы, вызвал относительно новое явление в социокультурной и политической жизни российского общества – региональную идентичность, то есть наличие в массовом сознании компонента соотношения своего места в территориально-политическом пространстве преимущественно с региональным локусом» [12, с. 180]. Интерес к региональному дискурсу СМИ может быть объяснён исследовательским вниманием к особенностям того или иного региона – культурным, экономическим, социальным, а также спецификой презентации местного информационного пространства. Важным является и фактор уровня равнодушия граждан (адресата) к местным проблемам, персоналиям, общественному мнению относительно важных для жизнедеятельности вопросов.

Региональный дискурс СМИ является частью общего пространства средств массовой информации в стране, имеющей при этом множество специфических признаков, которые отражают особенности региона. Эти особенности системно проявляются в повестке дня СМИ, способах представления информации и интерпретации общественно значимых событий, приоритетных темах и жанрах, организации диалога с аудиторией, композиционно-стилистическом устройстве медиатекстов. Региональный дискурс СМИ даёт информацию о социальной реальности с учётом этапа конкретно-исторического развития региона в условиях смены мировоззренческих парадигм и постулатов. Региональным СМИ присущ тот же спектр общественно значимых функций, как и СМИ вообще. Однако в определённый период истории региона они могут принципиально увеличивать свою значимость [13].

На сегодняшний день средства массовой информации и коммуникации являются од-

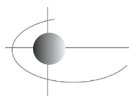
ним из наиболее эффективных инструментов формирования социального пространства в целом. И, конечно, особый интерес в этом аспекте представляют вопросы развития региональных медиа, активно участвующих в установлении и поддержании связей и диалога между социальными институтами и общественностью, формирующих отношение аудитории к жизни общества, происходящим процессам и проблемам. В связи с чем представляется актуальным проведение панорамного анализа поликультурного медиaproстранства Республики Крым. *Цель статьи* – описать изменения, произошедшие на рынке печатных средств массовой информации Республики Крым в связи с присоединением полуострова к Российской Федерации. Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи: охарактеризовать состояние рынка печатных СМИ полуострова на начало 2014 года; выявить изменения, произошедшие на медиарынке республики к концу 2015 года; определить основные тенденции трансформации информационного пространства Крыма.

Методология и методы исследования.

Гипотеза исследования заключается в том, что вхождение Крыма в состав Российской Федерации привело к значительным изменениям медиaproстранства полуострова, и основные тенденции этой трансформации могут быть выявлены и описаны с помощью типологического подхода. Данный подход нацелен на анализ структурных компонентов медиасистемы. В своей работе мы акцентируем внимание на основных типологически значимых признаках СМИ, в число которых относят помимо масштаба распространения (общего для всех региональных СМИ) целевое назначение, характер тематики и т. д.¹ Таким образом, методология нашего исследования основывается на системном подходе к изучению региональных средств массовой информации и комплексном анализе их количественных и качественных характеристик. При проведении исследования использовались общенаучные методы и приёмы исследования: описание, классификация, сравнение, анализ. Изучение медиасистемы полуострова проводилось на основании статистического анализа состава печатных изданий, величины доли изданий разного типа на рынке прессы региона и т. д.

Данное исследование, по нашему мнению, позволит составить представление о

¹ Исследования СМИ: методология подходы и методы: учеб.-метод. пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 236 с.

сложившейся на данный момент ситуации на рынке печатных СМИ Республики Крым и может послужить основой для дальнейших изысканий, в том числе выявления возможных путей развития и оптимизации информационного пространства полуострова.

Результаты исследования и их обсуждение. Региональное медийное пространство, с одной стороны, определяется административными границами региона, а с другой – территорией, на которой проживает потенциальная целевая аудитория региональных медиа. Рынок массмедиа в значительной мере определяет специфику информационного пространства региона. К участникам данного рынка С. Н. Таишева предлагает относить государственные институты, частные медиахолдинги и отдельные СМИ. Среди основных характеристик медиарынка, по мнению исследователя, можно назвать медийную насыщенность, качество производимого информационного продукта и количество СМИ [15]. Для более полного отражения тенденций рынка печатных СМИ республики, помимо описания количественных характеристик, нами был проведен анализ изданий по нескольким параметрам, предложенным С. Г. Корконосенко¹, в частности, по материальной конструкции, тематике, языку выхода.

На момент вхождения республики в состав Российской Федерации, по данным Республиканского комитета по информации, на территории полуострова было зарегистрировано 2662 печатных издания. При этом реально выпускалось менее 10 % (229 изданий), в том числе 200 газет, 23 журнала, 6 периодических изданий других типов [5]. Соотношение зарегистрированных и реально издававшихся печатных СМИ представлено на рис. 1.

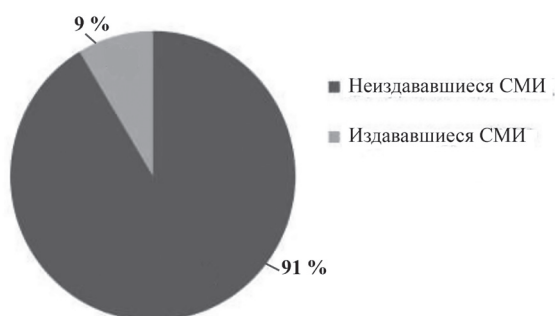

Рис. 1. Соотношение зарегистрированных и реально издававшихся СМИ на начало 2014 г.

Fig. 1. The proportion of the registered media and media published de facto in the beginning of 2014

¹ Корконосенко С. Г. Основы журналистики: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 287 с.

Учредителем СМИ могут выступать государственные и общественные организации, группы граждан, а также отдельные лица. Форма собственности СМИ является значимым критерием для анализа состояния медиарынка, поскольку учредители обладают правами владельцев и руководителей созданных ими массмедиа. Учредитель в значительной мере определяет редакционную политику, которая реализуется в журналистских текстах². Муниципальные издания на момент вхождения полуострова в состав РФ насчитывали 23 наименования, 58 изданий были учреждены государственными или партийными структурами, негосударственные СМИ (148 газет и журналов) занимали наибольшую долю рынка. В процентном соотношении распределение печатных СМИ Крыма в зависимости от формы собственности выглядело следующим образом (рис. 2).

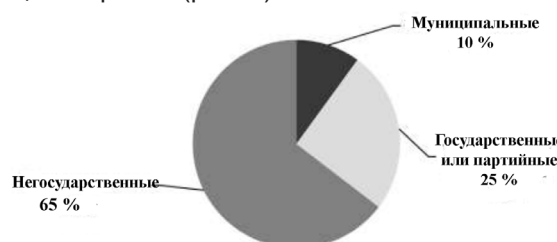

Рис. 2. Распределение СМИ Крыма по форме собственности (начало 2014 г.)

Fig. 2. The pattern of ownership distribution of the Crimean media (beginning of 2014)

В процессе анализа негосударственного сегмента печатных СМИ, составившего 65 % от общего количества фактически выходящих зарегистрированных печатных изданий на территории Крымского полуострова, нами было установлено, что учредителем негосударственной прессы у 72 печатных изданий выступает частное лицо, у 18 – трудовые коллективы, у 15 – частное предприятие, у 45 – общество, община, духовное управление, союз (рис. 3).

Содержательно-тематическую направленность исследователи относят к числу существенных характеристик СМИ. Данный признак, тесно связанный с особенностями целевой аудитории, выделяется на основе анализа тематических особенностей медиатекстов, транслируемых средствами массовой информации [9]. Рассматривая тематическое разнообразие печатных СМИ за период до 2014 года, мы пришли к выводу, что из 229 фактически выходящих изданий

² Тендит К. Н., Иваньков А. В. Теория и практика массовой информации: учеб. пособие. – Комсомольск-на-Амуре: КНАГТУ, 2013. – 56 с.

38 % можно отнести к общественно-политическим, 19 % – к информационным, 15 % – к рекламным, 12 % – к научно-популярным, 8 % – к изданиям для досуга, 5 % – к религиозным, 3 % – к учебным и 1 % – к спортивным (рис. 4) [5].

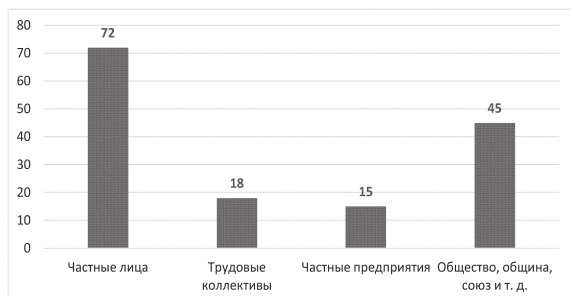

Рис. 3. Учредители негосударственной прессы (начало 2014 г.)

Fig. 3. The private printed media promoters (beginning of 2014)

Рис. 4. Тематическое разнообразие печатных СМИ Крыма (начало 2014 г.)

Fig. 4. The subject diversity of the Crimean printed media (beginning of 2014)

Анализ языка выхода печатных средств массовой информации полуострова показал, что наибольшее количество изданий печатало материалы на русском языке (198 газет и журналов), материалы на украинском языке встречались в 47 газетах, в 23 изданиях публиковались материалы на крымско-татарском языке. Кроме того, на медиарынке Крыма присутствовали СМИ, выходившие на английском, немецком, греческом, болгарском, армянском языках [5]. Для большей наглядности процентное соотношение крымских изданий по языку выхода представлено на рис. 5.

В связи с переходом Крыма в состав Российской Федерации информационное пространство республики претерпело кардинальные изменения. Нами были выделены основные тенденции трансформации меди-

апространства Республики Крым во второй половине 2014–2015 годов. Анализ открытых данных Роскомнадзора позволил сделать вывод о том, что, по состоянию на конец 2015 года, общее количество зарегистрированных печатных СМИ в Крыму составило 166 наименований (для сравнения: 2662 зарегистрированных и 229 фактически выходящих изданий – по состоянию на 15 марта 2014 г.)¹. Такая тенденция, по нашему мнению, обусловлена тем, что медиарынок Крыма ранее был наполнен общеукраинскими изданиями, которые имели представительство на полуострове либо издавали отдельный региональный выпуск. Так, 15 покинувших медиaproстранство полуострова изданий оказались именно такими (например, «Телескоп», «Теленеделя» и т. д.).

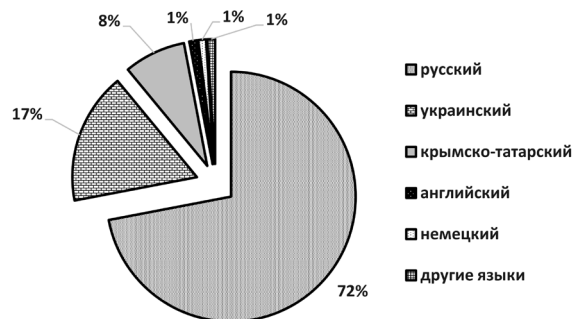
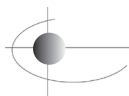

Рис. 5. Соотношение СМИ Крыма по языку выхода (начало 2014 г.)

Fig. 5. The proportion of printed media according to the language of publishing

Некоторые крымские издания, например «Хаверим», «Благая весть» и «Извор», не прошли перерегистрацию в Роскомнадзоре и также ушли с медиарынка Крыма. В частности, газета «Извор», которая выпускалась с 1997 года ежемесячно, но по состоянию на декабрь 2015 года на сайте Роскомнадзора зарегистрирована не была. Издание было ориентировано на продвижение болгарской культуры в Крыму, играло важную роль в процессе объединения болгар и стимулировало изучение болгарского языка и культуры. Аналогичная ситуация сложилась и с «Караимской газетой», которая выпускалась с марта 2005 года. Последнее упоминание о её существовании датируется февралём 2014 года. Данное СМИ позиционировало себя как ежемесячная газета и основной источник сведений о культуре и жизни караимов Крыма.

¹ Роскомнадзор. Перечень наименований зарегистрированных СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rsoc.ru/mass-communications/reestr/media/?letter=%CD> (дата обращения: 20.04.2018).

Вынуждена была прекратить свою деятельность в середине 2015 года и информационно-политическая газета «Первая Крымская». Согласно сообщению на официальном сайте газеты, это произошло по причине отсутствия финансирования.

Издание «Регион Крым», принадлежавшее «Партии Регионов», начиная с 2014 года не издавалось; в Роскомнадзоре не зарегистрировано. Также прекратила своё существование после присоединения полуострова к России газета «Кримське слово». Помимо перечисленных выше средств массовой информации полуостров покинули «События», «Комсомольская правда в Украине», «Дзвін Севастополя», «Флот Украины», «Крымский діалог», «Вестник юстиции» и др.

При этом в информационное пространство полуострова в 2015 году вошли новые СМИ: например, такие издания, как «Новая газета», «Новый Крым» и «Наша газета». После того как в Крыму прекратили свою деятельность телеканал АТР и радио «Лидер», на медийную площадку вышли телеканал Millet, радио «Море», радио «Спутник в Крыму». В исследуемый период на медиарынок Крыма также пришли массовые общероссийские СМИ, которые печатаются либо отдельным выпуском, готовящимся местной редакцией издания, либо приложением для жителей Крыма. Примером таких изданий могут служить «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты».

Интересными представляются изменения в языковой палитре СМИ полуострова. В ходе анализа нами было установлено, что среди 166 зарегистрированных к концу 2015 года печатных СМИ Республики Крым преобладают одноязычные издания. Так, 122 издания выпускаются исключительно на русском языке, 28 газет – на русском, английском, украинском и крымско-татарском языках, двуязычными являются 13 изданий (из них: 10 – с русским и английским и три – с русским и украинским языками), три издания выходят на крымско-татарском языке.

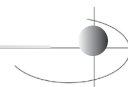
Данные нашего исследования подтверждают замечание исследователя Г. Ю. Богданович о том, что большая объединительная роль в Крыму принадлежит русскому языку, на основе которого строятся и универсальные коммуникативные модели. Мы солидарны с позицией исследовательницы, отмечающей, что, «являясь фактором региональной идентичности, русский язык снимает напряжённость межличностных отношений, служит средством общения с

представителями других культур, выполняет общественно значимую роль транслятора сведений о культуре совместно проживающих народов» [1, с. 24].

Также следует отметить позицию ряда исследователей, которые отмечают наличие закономерности между количеством зарегистрированных СМИ на языках этнических групп и размером каждой такой группы. По мнению учёных, чем многочисленнее представители этнической группы, тем выше число средств массовой информации, выходящих на языке данной группы [2]. Говоря о языковых тенденциях развития СМИ Крыма, следует отметить значительное снижение доли украиноязычных изданий на медиарынке полуострова.

Распределение печатных медиа по тематике, как показывает наше исследование, не претерпело значительных изменений. Так, по состоянию на конец 2015 года, из 166 зарегистрированных в Крыму изданий 44 % можно отнести к общественно-политическим. К данной наиболее востребованной и многочисленной группе изданий относятся такие газеты, как «Крымские известия», «Крымская правда», «Крымское время», «Московский комсомолец в Крыму», «Новый Крым», «Авангард», «Большая Ялта», «Сельская новь» и др. Медиаисследователи характеризуют такие печатные средства массовой информации, как издания «для всех обо всём», они универсальны, поскольку реализуют базовые функции журналистики и своим контентом отражают все сферы жизни общества. Подобная универсальность в значительной степени обеспечивает устойчивое положение общественно-политических газет на региональном информационном рынке даже в условиях ограниченного спроса населения на газетно-журнальную продукцию [11].

Информационные издания, в частности «Крымский телеграфЪ», «Ялтинские вести», «Кафа», «Регион Керчь», «Своя газета», «Вечерний город», составляют 17 % от зарегистрированных печатных средств массовой информации Крыма. 15 % печатных изданий составляют рекламные СМИ, в том числе «Недвижимость Крыма», «Крымская недвижимость», «Объявления Крыма», «Что? Где? Почём?», «Недвижимость Севастополя», «Сорока-Крым» и др. К научно-популярным, составляющим 9 % рынка печатных крымских СМИ, можно отнести такие издания, как «Ливадийские чтения», «Врачебное слово», «Историческое наследие Крыма», «Military Крым» и т. д. Сегмент печатных изданий для

досуга составил 8 % медийного пространства полуострова. Сюда входят такие газеты и журналы, как «Ялос», «Полуостров сокровищ», «Крымская пятница» и другие. Религиозные издания, в числе которых газеты «Хидает», «Ялта православная», «Жизнь и благословение» и другие, составляют 4 % от всего количества крымских печатных СМИ. Учебные печатные медиа (например, «Тасиль», «Полиграфист Тавриды», «Южный бульвар») занимают всего 2 % рынка. Издания спортивной тематики (например, «Таврия спорт») составляют 1 % зарегистрированных изданий Республики Крым (рис. 6).

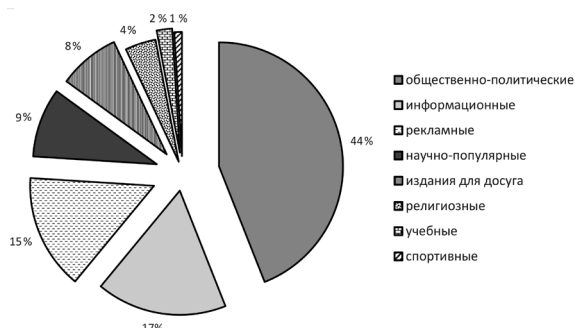

Рис. 6. Тематическое разнообразие печатных СМИ Крыма (конец 2015 г.)

Fig. 6. The subject diversity of the Crimean printed media (the end of 2015)

Чтобы проследить тематические предпочтения крымских периодических изданий, мы проанализировали материалы наиболее популярных изданий полуострова – газет «Крымская правда», «Крымские известия» и «Аргументы и Факты. Крым». «Крымская правда» и «Крымские известия» отдают предпочтение политической проблематике – 50 % от общего количества публикуемых материалов, социальная сфера освещается в 25 % статей, проблемам экономики уделяется 20 % от всего количества информации, 5 % занимают культура и досуг. «Аргументы и Факты. Крым», наоборот, больше внимания уделяют социальной проблематике – более 60 % материалов, в газете популярна рубрика «Вопрос-ответ» с 20 % от всей информационной наполненности номера; политической и экономической проблематике посвящены 10 % материалов издания.

Заключение. В связи с событиями 2014 года медиaprостранство Республики Крым подверглось значительной трансформации. Согласно данным Роскомнадзора, по состоянию на конец 2015 года общее количе-

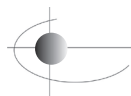
ство зарегистрированных печатных средств массовой информации в Крыму составило 166 наименований (для сравнения: 2662 зарегистрированных и 229 фактически выходящих изданий на начало 2014 года). Целый ряд СМИ по разным причинам прекратили своё существование. Некоторые из них не прошли процедуру перерегистрации, часть газет (например, «Первая крымская») столкнулись с финансовыми проблемами, кроме того, медиарынок полуострова покинули филиалы украинских газет и журналов («События», «Комсомольская правда в Украине», «Телескоп» и т. д.).

Следует отметить, что в этот период в крымском информационном пространстве появились и новые печатные СМИ (например, «Новая газета», «Новый Крым» и «Наша газета»). Следует отметить, что из 166 зарегистрированных печатных СМИ РК преобладают одноязычные издания. Так, 122 издания выпускаются исключительно на русском языке, 28 газет – на русском, английском, украинском и крымско-татарском языках, двуязычными являются 13 изданий (из них: 10 – с русским и английским и три – с русским и украинским языками), три издания выходят на крымско-татарском языке. Тенденция превалирования изданий на русском языке, по нашему мнению, объясняется исторически сложившейся объединительной ролью русского языка в Крыму как языка, на основе которого в поликультурном регионе строятся универсальные коммуникативные модели.

В процессе анализа функционирования рынка печатных изданий РК в 2014–2015 годах было также выявлено, что 50 изданий из 166 учреждены государственными/партийными структурами. Что касается 116 негосударственных изданий, то учредителем у 60 выступает частное лицо, у 48 – общество с ограниченной ответственностью и у 8 – общественные организации и общины.

По состоянию на конец 2015 года, в РК из 166 зарегистрированных изданий 44 % могут быть отнесены к общественно-политическим, 17 % – к информационным, 15 % – к рекламным, 9 % составляют научно-популярные издания, 8 % – издания для досуга, 4 % – религиозные, 2 % – учебные и 1 % – спортивные издания.

Перспективой дальнейшего исследования видится изучение преобразования медиaprостранства Крыма в новых общественно-политических условиях.

Список литературы

1. Богданович Г. Ю. Полилингвокультурная ситуация и полилингвокультурный феномен как термины межкультурной коммуникации // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24, ч. 1, № 1. С. 20–25.
2. Гладкова А. А., Кульчицкая Д. Ю., Лазутова Т. С. и др. Современное состояние и тенденции развития этнических СМИ России (телевидение, радио, пресса, интернет) [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2016. Вып. 2. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2116> (дата обращения: 04.05.2018).
3. Дементьева К. В. Формирование дискурса региональных массмедиа [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 10. Режим доступа: <http://www.human.snauka.ru/2014/10/8050> (дата обращения: 04.05.2018).
4. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 22, № 13. С. 181–187.
5. Егорова Л. Г., Чумичева М. А. Печатные СМИ Крыма: разработка медиапрезентации // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2013. Т. 26, № 3. С. 110–120.
6. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб., 2010. 51 с.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2004. 390 с.
8. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений за речевой практикой массмедиа. М.: Педагогика-пресс, 1994. 248 с.
9. Могилевская Э. В. Информационные агентства в интернете: особенности и принципы функционирования: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Тольятти, 2008. 177 с.
10. Прохоров Ю. Е. Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2006. 338 с.
11. Пушкарева Д. А. Типологическая специфика ведущих крымских газет // Медиаальманах. 2016. № 2. С. 68–76.
12. Реутов Е. В. Фактор региональной идентичности и легитимации региональных элит // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2007. № 6. С. 180–184.
13. Савчук С. О. Лексико-семантические особенности текстов региональных СМИ по данным корпусного обследования // Корпусная лингвистика – 2015: тр. междунар. конф. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 398–406.
14. Стернин И. А. Современный публицистический дискурс и общественные факторы // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 134–145.
15. Таишева С. Н. Институциональная структура регионального массмедийного пространства: типологические модели, тенденции развития: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Казань, 2010. 28 с.
16. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 279 с.

Статья поступила в редакцию 15.05.2018; принята к публикации 30.07.2018

Библиографическое описание статьи

Егорова Л. Г. Трансформация рынка печатных СМИ Республики Крым нового времени // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 62–69. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-62-69.

Lydmila G. Yegorova,

Candidate of Philology, Associate Professor,

Crimean Federal University

(2 Vernadsky ave., Simferopol, 295000, Russia),

e-mail: legora@list.ru

The Republic of Crimea Printed Media Market Transformation in the Present Time

The informational space of the Republic of Crimea has undergone fundamental changes as a result of the annexation by the Russian Federation. The article is devoted to the analysis of the principal tendencies of the Crimean media space transformation in the second half of 2014–2015. The author classifies editions by a number of parameters, including material construction, subjects, language of output. The research methodology is based on system approach to the mass media analysis. Such methods as characterization, classification, comparative method, statistical analysis, etc. are used in the research. The author comes to the conclusion that the total number of registered printed media in the Crimea has significantly decreased – a number of editions for various reasons (such as not re-registration in the Roskomnadzor, problems with funding, etc.) terminated their activity. At the same

time, there is a tendency for new newspapers and magazines to come to the peninsula media market. The author draws attention to the fact that, despite the quantitative changes that have taken place in the media market, the thematic focus of the printed mass media has practically not changed, the largest share of the market is occupied by socio-political and information printed media. Analysis of the Crimean printed media functioning in 2014–2015 reveals that 50 periodicals of 166 were established by state or political party organizations. As for 116 private periodicals, 60 were established by private individuals, 48 were established by limited liability companies and 8 by social organizations and communities. Monolingual periodicals predominate among 166 registered Crimean printed media. Thus 122 printed media are published solely in Russian, 28 printed media are published in Russian, English, Ukrainian and Crimean Tatars, 13 periodicals are bilingual (10 are published in Russian and English, 3 – in Russian and Ukrainian), 3 periodicals are published in Crimean Tatars. According to the author, the tendency of Russian-language publications prevalence has preserved. The author also points out that among the registered print media mono-language editions predominate.

Keywords: media space, printed media, print media market, subject orientation, printed media classification

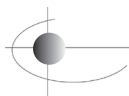
References

1. Bogdanovich, G. Yu. The polylinguacultural situation and the polylinguacultural phenomenon as terms of intercultural communication. Scientific Notes of Taurida National University. Series "Philology. Social Communications", v. 24 (63), part 1, no. 1, pp. 20–25, 2011. (In Rus.)
2. Gladkova, A. A., Kul'chickaya, D. Yu., Lazutova, N. M., Cherevko, T. S. Russian Ethnic Media: Current State and Trends of Development (Television, Radio, Press, Internet). Mediascope, no 2, 2016. Web. 14.05.2018. www.mediascope.ru/?q=node/2116. (In Rus.)
3. Dementieva, K. V. Formation of Regional Mass Media Discourse. Humanitarian Scientific Researches, 10. 2014. Web. 14.05.2018. <http://www.human.snauka.ru/2014/10/8050>. (In Rus.)
4. Dobrosklonskaya, T. G. Mass Media Discourse as an Object of Scientific Description. Scientific Reports of Belgorod State University, no.13, vol. 22, pp. 181–187, 2014. (In Rus.)
5. Egorova, L. G., Chumicheva, M. A. The Crimean Mass Media space: the concept of the presentation. Scientific Notes of Taurida National University. Series "Philology. Social Communications", vol. 26 (65), no. 3, pp.110–120, 2013. (In Rus.)
6. Erofeeva, I. V. Media Text Axiology in Russian Culture (the Values Representation in Journalism of the Beginning of the XXI Century. Dr. sci. diss. abstr. Saint Petersburg. 2010. (In Rus.)
7. Karasik, V. I. The Language Circle: Person, Concepts, Discourse. Volgograd, 2004. (In Rus.)
8. Kostomarov, V. G. Language Flavor of the Epoch: from the Observations on Mass Media Speech Practice. Moscow, 1994. (In Rus.)
9. Mogilevskaya, E. V. News agencies in the Internet: the features and functioning principles. Cand. phil. sci. diss. Toliatii, 2008. (In Rus.)
10. Prokhorov, Yu. E. Concept, Text, Discourse in Communication Structure and Content. Dr. sci. diss. Ekaterinburg, 2006. (In Rus.)
11. Pushkareva, D. A. Typological Characteristics of the Leading Crimean Newspapers. Media Almanac, no. 2, pp. 68–76, 2016. (In Rus.)
12. Reutov, E. V. The Factor of Regional Identity and Legitimation of Regional Elites. Tambov University Bulletin, no. 6 (50), pp.180–184, 2007. (In Rus.)
13. Savchuk, S. O. Corpus-Based Study of Lexico-Semantic Peculiarities of Regional Media Texts. Works of International Conference "Corpus Linguistics – 2015". Saint-Petersburgh. 2015: 398–406. (In Rus.)
14. Sternin, I. A. Modern Journalism Discourse and Social Factors. Human in Communication: Concept, Genre, Discourse. Volgograd, 2006: 134–145. (In Rus.)
15. Taisheva, S. N. Institutional structure of the regional mass media space: typological models, evolution tendencies. Cand. soc. sci. diss. abstr. Kazan, 2010. (In Rus.)
16. Tchepkina, E. V. Russian Journalistic Discourse: Text Forming Practice and Codes. Ekaterinburg, 2000. (In Rus.)

Received: May 15, 2018; accepted for publication July 30, 2018

Reference to the article

Yegorova L. G. The Republic of Crimea Printed Media Market Transformation in the Present Time // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 62–69. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-62-69.

УДК 070.16

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-70-76

Сергей Николаевич Ильченко,*доктор филологических наук, кандидат искусствоведения,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9),
e-mail: tv_and_radio@mail.ru***Фейк как антиисточник информации:
риск для профессиональных стандартов журналистики**

В статье рассматривается такое явление в практике современных СМИ, как фейк. В настоящее время сформировался сегмент профессиональной деятельности работников СМИ, именуемый как фейковая журналистика, равно имеющая в качестве «источников» как текстовые сообщения, так и видеоматериалы. Автор напрямую увязывает возникновение подобной ситуации с функционированием такого феномена, как шоу-цивилизация. Проблема касается доверия к журналистике как сфере трансляции текстов и смыслов.

В подобной ситуации принципиальным моментом, свидетельствующим о необходимой квалификации журналиста, являются его навыки идентификации фейков, раскрытие их неадекватного характера по отношению к реальности, внедрение в профессиональную практику приёмов защиты и противостояния подобному типу информационного манипулирования. В статье предлагаются конкретные приёмы формирования профессиональных компетенций работников СМИ на основе активного анализа фейков как базового эмпирического материала. Автором не только даётся методическое обоснование возможной эффективности использования фейков, но и приводятся рекомендации относительно расширения экспериментальной базы за счёт активизации конкретных примеров из практики современных СМИ, а также из иных видов коммуникационного обмена информацией (например, кинематограф).

Особое внимание обращается в процессе реализации предлагаемой методики на анализ возможностей и издержек сетевого информационного пространства, представляющего разнообразные варианты и модели фейковизации информации (как текстового, так и визуального характера).

Ключевые слова: фейк, шоу-цивилизация, СМИ, обучение, журналистика, информация, правдивость

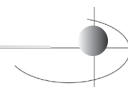
Введение. В современной журналистской практике понятие «фейк» уже успело стать достаточно популярным. Оно всё чаще и чаще мелькает в ходе дискуссий, посвящённых проблемам нынешнего информационного противостояния, некорректного использования сведений, фактов, суждений, откровенной дезинформации и тому подобных примет интенсификации циркулирующих в медиапространстве начала XXI века информационных потоков.

Границы фейковизации в деятельности медиа всех видов и типов порою настолько размыты, что происходит внедрение явочным порядком в теорию журналистики таких дискуссионных терминов, как «постправда». Можно утверждать, что один из главных онтологических принципов работы журналиста – «достоверность информации» – не только испытывает усиленное давление со стороны реальных профессиональных практик ныне функционирующих СМИ, но и находится на стадии критической ревизии. Её суть можно уподобить аналогии из теории физики, известной как «квантовая логика». Иными словами, изменяющийся контекст (в случае с журналистикой – событийный, политический,

экономический, военный и т. п.), в рамках которого развивается какое-либо явление или ситуация, влияет как на их оценку, так и на принципы возможного анализа. То есть динамика «правил игры» коррелируется с тем, в каких конкретных условиях происходит сама «игра».

Автор настоящей статьи уже неоднократно анализировал данную ситуацию в своих научных статьях, касающихся того, как развивается, институализируется фейковая журналистика в современном медиапространстве, как и почему у СМИ и журналистов возникает в этом потребность, следовательно, какие проблемы и угрозы несёт в себе подобная тенденция для профессионального сообщества.

Методология и методы исследования. Нынешнее теоретическое исследование будет посвящено анализу тех ситуаций, которые складываются в процессе обучения журналистики в рамках вузовской системы профессионального образования. Это и является его главной темой, тогда как предметом описания и анализа станут те конкретные варианты использования фейков и принципов фейковизации журналистской деятель-

ности, с которыми приходится сталкиваться в современной медиапрактике. Фейк рассматривается нами как антиисточник информации, несущий в себе определённый риск для профессиональных стандартов журналистики. И заключается он в неадекватности эмпирической действительности и творимой медиа с помощью «картинки» и вербальных компонентов иной, отличной от предыдущей медиареальности.

Важным обстоятельством данной методологии является вовлечённость обучающихся в процесс практической профессиональной деятельности. На основе многолетнего полученного опыта наблюдений в процессе академического обучения за тем, как студенты адаптируются в условиях профессионализации, можно сделать вывод о том, что значительная часть из них так или иначе стремится к самореализации в будущей профессии, как в ходе интенсивного прохождения предусмотренных стандартом обучения производственных практик, так и в совмещении учёбы с работой, которая так или иначе связана с получаемой в вузе специальностью.

Об использовании данного обстоятельства мы скажем далее, а пока обратим внимание на цель нашей работы. Она заключается в том, чтобы обосновать важность и возможность контекстного применения ситуации фейковизации в современной журналистике для повышения эффективности профессионального обучения, с одной стороны. С другой – в наглядной демонстрации той методики, с помощью которой можно в значительной степени не только дезавуировать фейки как явление информационного пространства, псевдоисточники сведений и данных, но и предложить тот набор приёмов, средств, тактик и стратегий, коими возможно конструирование в профессиональной деятельности журналиста линии обороны от непроверенной, недостоверной, лживой, а порою и вовсе клеветнической информации, выводимой в публичный дискурс посредством СМИ всех видов и типов.

Наша **методология** основывается на обобщении и анализе собственного практического преподавания ряда специальных дисциплин («Основы журналистской деятельности», «Теория и практика массовой информации», «Теория и практика СМИ», «Современная пресс-служба»), реализуемых в различных вузах Санкт-Петербурга и Российской Федерации. Кроме того, в течение последних лет автором данного исследования был написан ряд статей, посвящённых

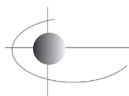
заявленной проблематике. Статьи были опубликованы в научных журналах, входящих в ведущие наукометрические базы изданий. Часть изложенных в них теоретических постулатов и выводов экстраполирована в данный текст, являющийся оригинальным и самостоятельным исследованием номинированной в его заголовке проблемы.

Хронологические рамки данной статьи определяются логикой движения исследовательской мысли автора, который основывает свою теорию «фейковой журналистики» на тех фундаментальных выводах, которые происходят из трактовки такого явления, как «шоу-цивилизация». Оно и предопределяет логику появления практики использования фейков в современной журналистике.

Корреляция здесь выстраивается следующим образом. Шоу-цивилизация как особый вариант организации информационных потоков в современном мире предполагает приоритет визуальных каналов распространения сведений в процессе коммуникации. «Картинка» доминирует в номенклатуре возможных факторов влияния на вероятное восприятие излагаемых фактов аудиторией. Известная поговорка «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» в данном контексте наших рассуждений может считаться вербализированной формулой манипулятивного воздействия со стороны СМИ на окружающий их социум. С точки зрения технологического обеспечения подобной ситуации, наглядным доказательством её возможностей является неоспоримое наличие в любом из нынешних IT-гаджетов дисплея, то есть экрана, на который и проецируется почти стопроцентно практически вся поступающая на данный прибор связи информация.

Её форматирование определяется, прежде всего, характером исходного материала (фото, видео- или аудиозапись, текст, инфографика и т. д.), но определяющим вариантом зримого на дисплее изображения является для индивидуума (или группы индивидуумов) визуальный канал. Проще говоря, реципиент в любом из вариантов ВИДИТ информацию, даже если он её читает. В принципе современная теория информации допускает номинировать понятием «текст» любую сумму фиксированных и запечатленных сведений, цифр, событий и т. д., имеющую законченный, в зависимости от канала распространения, формат и вид.

Подобная повсеместная ситуация в сфере массовых коммуникаций и позволяет нам утверждать, что визуальный канал восприя-

тия информационных каналов не только доминирует и предопределяет характер эмоциональной и рациональной реакции адресата получаемых сведений, но и фактически «отсекает» от него иные, альтернативные пути доступа к информации. Последние чаще всего связаны с тем, что принято именовать «традиционной системой СМИ».

Всё вышесказанное является тем объективным обстоятельством, которое не может не влиять на процесс профессионализации журналистов. Привычка постоянного использования уже упоминавшихся гаджетов в ходе занятий всех форматов и форм обучения (за исключением методов академического контроля), несомненно, усложняет работу преподавателя и при чтении теоретических курсов, и при проведении контактных форм обучения, ориентированных на прагматические аспекты профессии. Чаще всего в форме практических занятий и творческих студий.

Некритическое восприятие буквально льющихся из гаджетов потоков информации (по преимуществу, избыточной и бесполезной) в сочетании с иллюзией возможности нахождения оперативного ответа на все возникающие по ходу конкретного занятия вопросы и проблемы – вот те альфа и омега нынешнего состояния студента как реципиента тех сведений, которые пытается донести до него преподаватель. Запретительными мерами, как и игнорированием данных бытовых примет процесса обучения, с подобными привычками обучающихся трудно справиться. Здесь-то и может сыграть свою методическую роль тот самый корпус фейковой информации, которая сегодня в изобилии наводнила пространство знаний. При этом суть метода заключается в априорном знакомстве с феноменом фейковизации как процесса внедрения антиисточника неадекватной информации.

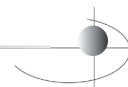
Опыт использования тех методов, которые будут изложены далее, показывает, что их применение предпочтительнее на старших курсах. То есть тогда, когда обучающийся уже имеет как теоретические, так и практические представления о будущей профессии, знаком с её особенностями, трудностями, проблемами, приобрёл первый опыт самостоятельной работы с информацией. Кроме того, стоит учитывать фактор социализации обучающегося, который, как правило, связан не только с приобретением знаний, но и с получением определённого жизненного опыта.

Результаты исследования и их обсуждение. Первым шагом на пути использования

фейков в обучении должно стать первичное знакомство как с самим термином, так и с его типологической интерпретацией. В данной статье мы сознательно обходим данный аспект, так как он уже излагался нами ранее. Для нас гораздо важнее указать на необходимость использования наглядного метода демонстрации вариантов присутствия фейков в практике СМИ всех статусов и видов. Обращаясь к конкретным примерам из эфирного и текстового контента печатных медиа, радио, телевидения и сетевых ресурсов, преподавателю стоит обратить внимание обучающихся на сомнительную достоверность тех или иных журналистских материалов, непроверенные факты и сведения, неточности в цитатах и датах, – словом, на всё то, что порождает недоверие большинства аудитории к деятельности как самих медиа, так и журналистов. Тем более, что обострившаяся за последние два-три года ситуация информационного противостояния даёт немало очевидных «иллюстраций». Доминирующий тренд здесь очевиден и должен быть доказательно продемонстрирован: фейк – это приём, применяемый в журналистской профессиональной деятельности, основанный на недостоверной и неадекватной информации. Фактически дезавуирующий любой источник информации и трансформирующий его в антиисточник, формируя тем самым реальную угрозу для профессиональной деятельности сотрудников СМИ.

В этом смысле перечень тематических трендов, которые могут быть использованы в процессе обучения, очевиден: проблемы терроризма и освещения террористических угроз и атак, события вокруг Юго-Востока Украины, Сирия и события в этой стране, связанные с борьбой с запрещённой в РФ группировкой ИГИЛ, тема присутствия беженцев в Западной Европе, псевдоинформация о влиянии IT-специалистов нашей страны на политические процессы за рубежом, акции российской оппозиции, антидопинговая истерия в отношении российских спортсменов и т. д.

Процесс погружения обучающихся в контекст фейковой журналистики лучше всего начинать самому преподавателю, который разъясняет и поясняет на конкретных примерах подлинную подоплеку того или иного события, факта, явления, деятельности конкретного политика и т. п. При этом комментарии для студентов должны обладать максимальной степенью доказательности и наглядности (вспомним ещё раз про шоу-цивилизацию!).

Первичные впечатления стоит закрепить в сознании обучающихся с помощью приёмов аналитического разбора примеров. Затем необходимо от аналитики конкретного набора выявленных и отмеченных вниманием аудитории журналистских фейков перейти к теоретическому разъяснению социально-психологического фундамента подобного явления. Проще говоря, не подчёркивать наличие в деятельности сознательно культивируемого сегмента фейковой информации (он по умолчанию предполагается в реальности), а расширить в сознании студентов границы обозреваемого явления за счёт толкования таких категорий, как «ложь», «правда», «достоверность», «доверие».

Эффективным приёмом демонстрации возможностей объективной оценки фактов, сведений, событий в медийном пространстве может стать совместный просмотр и последующее обсуждение игровых картин, посвящённых деятельности СМИ и журналистам. Особенно тех, при которых возникает ситуация использования или продвижения фейковой информации. Например, ставший уже хрестоматийным фильм американского режиссёра Барри Левинсона «Хвост виляет собакой»/«Плутство» (1997). Можно обратиться и к примерам из практики отечественного кинематографа («День радио», 2008; дилогия «День выборов», 2007), в том числе из недавнего прошлого («Мисс миллионерша», 1988). Крайне полезным следует считать обязательный просмотр (возможно, и в индивидуальном порядке, в качестве домашнего задания) документальной картины известного российского режиссёра Феликса Соболева «Я и другие» (1971). В совокупности эта часть процесса знакомства с прежним и нынешним опытом фейковизации информации позволит усилить дидактический момент в обучении, продемонстрировав всю глубину и серьёзность проблематики, связанной с некорректной интерпретацией фактов, явлений, сведений, событий, происходящей от манипулятивных намерений тех, кто практикует «фейковую журналистику».

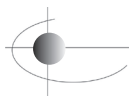
В качестве обязательной контрольной работы по теме следует использовать знакомство с популярными книгами известных теоретиков и практиков журналистики, в которых постулируются принципиальные модели отношения работников СМИ с информацией. Например, с книгой Эрика Фихтелиуса «10 заповедей журналистики» или работой Дэвида Рэнделла «Универсальный журналист». Однако, как правило, изучение этих трудов про-

исходит в рамках профильных дисциплин на ранних курсах. Поэтому мы позволим те книги, которые вошли (или входят) в теоретический оборот недавно. Например, работу Алена де Боттона «Новости [5]. Инструкция для пользователя». Полезным может быть знакомство с работами классиков современной медиалогии, посвящёнными анализу и теоретическому осмыслению уже свершившихся грандиозных информационных манипуляций. Здесь стоит вспомнить работы Ж. Бодрийяра «Дух терроризма» и «Войны в заливе не было» [3].

Дальнейшее развитие способностей обучающихся к критическому восприятию информации и статуса её источников может происходить с использованием журналистской практики в различных видах и типах СМИ. Проще говоря, для семинарского занятия студенты выполняют задание по поиску, выявлению, а главное – доказательству фейкового характера того или иного сообщения. Соответственно это могут быть печатные СМИ (газеты и журналы) независимо от типа и формата издания, информационные агентства. Особенно наглядными могут быть примеры из практики современного телевидения, ибо совершенно очевидно, что это именно его практика визуализации новостей, когда стандарты информационной деятельности касаются обязательного наличия видеоматериалов, аранжирующих любой материал, выходящий в эфир. Некомпетентность, недобросовестность и спешка – вот те обстоятельства работы тележурналистов, которые и приводят в конечном итоге к появлению значительного количества фейков, что порождает совершенно очевидное нынче недоверие к телеинформации со стороны значительной части потенциальной зрительской аудитории.

Что же касается радиовещания, то это, пожалуй, тот вид СМИ, в котором выявление фактов недостоверной информации в эфире требует особой тщательности обучающихся в данном процессе, повышенного внимания и, если угодно, аудиальной интуиции, позволяющей выявлять в процессе прослушивания радиоинформации её неадекватность реальности за счёт речевых особенностей эфирных спикеров.

Обязательным требованием к студентам при выполнении данного вида задания по разоблачению медийных фейков является принципиальное НЕИСПОЛЬЗОВАНИЕ сетевых ресурсов для выявления недостоверного характера того или иного сообщения. Контроль за выполнением подобного требования невозможен в технологических рамках совре-

менных принципов академического обучения, и потому соблюдение его остаётся на совести обучающихся, что также является неким элементом борьбы с ложью в журналистской практике. Вспомним здесь название одной из новелл американского писателя Роберта Шекли «Честность – лучшая политика».

Поиск фейков в сетевых ресурсах можно расценивать как наиболее наглядный и эффективный вариант работы с подобными некорректными и неадекватными принципами работы с исходной информацией. Однако в процессе использования данного сегмента медиасистемы стоит обратить внимание студентов на него именно как на источник недостоверной информации и выявить прямую связь между Сетью и «традиционными» СМИ, использующими интернет в качестве ресурса по добыче сведений, цифр, фактов, мнений, суждений из всего их обилия, наличествующего в мировых информационных потоках.

Если же двигаться и далее, то стоит предложить обучающимся и одно из самых сложных заданий по выявлению фейков в современной журналистской практике. Заключается оно в том, что выявление недостоверного качества информации в Сети следует производить, используя альтернативные каналы распространения информации, но никоим образом не сами сетевые ресурсы. А для повышения возможной успешности в выполнении задания подобного характера следует, на наш взгляд, ознакомить обучающихся как с новейшими теоретическими разработками на тему «возможностей» интернета [2, с. 90–91; 6, с. 17–33], так и с выявлением манипулятивных возможностей медиа в принципе [16, с. 74–76]. При этом важно предложить будущим журналистам варианты критического анализа и выявления подобных некорректных методов работы с информацией [11, с. 179–235], а также элементарной защиты от подобного воздействия [14, с. 135–236].

Логическим продолжением методики антифейкового обучения может стать более сложное задание. Его суть состоит в следующем. В завершении процесса обучения (возможен вариант выполнения контрольного задания непосредственно к занятию в виде формы академического контроля) обучающимся предлагается составить список из 5–7 фейков исторического характера. При этом разрешается пользоваться всеми возможными источниками информации, вплоть до сетевых

ресурсов. Но категорическим требованием к выполнению задания является обязательное указание на те источники, которые «помогли» обучающемуся как обнаружить фейк, так и «раскрыть» его. Выполненное задание представляется в письменном виде с обязательным публичным его обсуждением.

Опыт использования вышеописанных методов обучения с использованием «фактора фейка» позволяет утверждать о повышении эффективности контактов с обучающимися, их заинтересованности в выполнении учебных заданий и освоении приёмов противостояния методам работы, используемым в некачественной журналистике. Автор этих строк во время одного из обсуждений вариантов исторических фейков, предложенных студентами, получил наглядный урок того, как важен аналитический подход ко всему, что мы знаем и узнаём. Один из студентов привёл в качестве фейка утверждение о том, что Советский Союз вступил во Вторую мировую войну 22 июня 1941 года. На первый взгляд, утверждение соответствует истине. Однако в ходе публичного обсуждения все присутствующие в аудитории пришли к консолидированному мнению: это дата – дата начала Великой Отечественной войны советского народа. А вступлением во Вторую мировую войну можно считать либо начало освободительного похода Красной Армии в Западную Белоруссию и Украину 17 сентября 1939 года, либо начало советско-финской войны 1939–1940 годов (30 ноября). Таким образом, было доказано, что тезис о фейковом характере первоначального суждения на историческую тему был выявлен.

Выводы. Как видно из приведённого выше анализа, метод использования явления фейка в современной журналистике непосредственно в процессе обучения может иметь разные форматы. Но для нас сегодня очевидно: подобную методику необходимо и далее внедрять в структуру теоретических и практических занятий. Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что непосредственная практическая деятельность самих СМИ и журналистов будет (по крайней мере, в ближайшей перспективе) поставлять всё более возрастающее количество «учебных» материалов в виде фейков всех видов и типов. Их надо не только знать и различать, но и уметь им противостоять. Однако это – тема наших последующих теоретических и практических разработок.

Список литературы

1. Байаржон Н. Краткий курс интеллектуальной защиты / пер. с фр. И. А. Кондаковой; под ред. О. Г. Андреевой. М.: Кучково поле, 2015. 384 с.
2. Барбук Ричард. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 128 с.
3. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: Рипол-классик, 2016. 224 с.
4. Больц Норберт. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. 136 с.
5. Боттон Ален де. Новости. Инструкция для пользователя / пер. с англ. В. А. Вебера. М.: Э, 2016. 352 с.
6. Вайнерчук Гари. Информационный удар. Как сделать, чтобы в шумном медиамире услышали именно тебя. СПб.: Питер, 2015. 240 с.
7. Конец журнализма. Version 2.0. Индустрия, технология и политика: пер. с англ. / под ред. А. Чарльза. Харьков: Гуманитарный центр, 2016. 308 с.
8. Луман Никлас. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
9. Николаев К., Абдуллаева Ш. Интеллектуальный инсульт. Как в мире роботов остаться человеком и не потерять себя. СПб.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 259 с.
10. Располова С. С., Богдан Е. Н. Фейковые новости: информационная мистификация. М.: Аспект Пресс, 2018. 112 с.
11. Соловей В. Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М.: Э, 2016. 320 с.
12. Стивен-Давидовиц, Сет. Все лгут. Поисковики, Big Data и Интернет знают о вас все / пер. с англ. Л. И. Степановой. М.: Эксмо, 2018. 384 с.
13. Трэски А. Теория видео. Онлайн-видео: эстетика или деградация видео / пер. с англ. Е. А. Кривошея, О. В. Гритчина. Харьков: Гуманитарный центр, 2017. 252 с.
14. Фексеус Хенрик. Искусство манипуляции. Не дай себя обмануть / пер. с швед. Е. Хохловой. М.: АСТ, 2015. 304 с.
15. Шомова С. А. Мемы как они есть. М.: Аспект Пресс, 2018. 136 с.
16. Энценсбергер Г. Индустрия сознания. Элементы теории медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 96 с.

Статья поступила в редакцию 16.05.2018; принята к публикации 24.06.2018

Библиографическое описание статьи

Ильченко С. Н. Фейк как антиисточник информации: риск для профессиональных стандартов журналистики // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 70–76. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-70-76.

Sergey N. Il'chenko,

Doctor of Philology, Candidate of Art History

Saint Petersburg State University

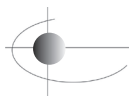
(7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia),

e-mail: tv_and_radio@mail.ru

Fake as an Anti-Source of Information: a Risk for Professional Standards of Journalism

The article deals with such phenomenon in the practice of modern media as fake. At present, a segment of professional activities of media workers, fake journalism, has been formed, which has both text messages and video as "sources". The author directly links the emergence of such a situation with the functioning of such a phenomenon as show civilization. The problem directly concerns the credibility of journalism as a sphere of translation of texts and meanings. In such a situation, the principal point indicating the necessary qualifications of the journalist is his skills of identification of fakes, the disclosure of their inadequate nature in relation to reality, the introduction of professional practice of methods of protection and opposition to this type of information manipulation. The article offers specific methods of formation of professional competence of media workers based on active analysis of fakes as a basic empirical material. The author gives a methodological justification not only for the possible effectiveness of the use of fakes, but also provides recommendations for the expansion of the experimental base by activating concrete examples not only from the practice of modern media but also from other types of communication information exchange (for example, cinema). Particular attention is paid in the process of implementing the proposed methodology to the analysis of the possibilities and costs of network information space, which is a variety of options and models of information fake (both text and visual).

Keywords: fake, show civilization, media, education, journalism, information, truthfulness

References

1. Baiarzhon, N. A short course in intellectual protection. Transl. from French by Kondakova, I. A., edited by Andreeva, O. G. M: Kuchkovo pole, 2015. (In Rus.)
2. Barbuk, Richard . Internet revolution. M: Ad Marginem press, 2015. (In Rus.)
3. Bodriyar, Zh. The spirit of terrorism. There was no Gulf war. M: Ripol klassik, 2016. (In Rus.)
4. Bolc, Norbert. Alphabet of media. M: Izdatelstvo "Evropa", 2011. (In Rus.)
5. Botton Alen de. Current events. User instruction. M: Izdatelstvo "E", 2016. (In Rus.)
6. Vainerchuk, Gari. Information strike. How to be heard in a noisy media world. SPB: Piter, 2015. (In Rus.)
7. End of journalism. Version 2.0. Industry, technology and policy. H: Izd-vo "Gumanitarnyj centr", 2016. (In Rus.)
8. Luman Niklas. The reality of the mass media. M: Praxis, 2005. (In Rus.)
9. Nikolaev, Kirill, Abdullaeva, Shekiya. Intellectual a stroke. How in the world of robots to stay human and not to lose yourself. SPB, 2015. (In Rus.)
10. Raspopova, S. S., Bogdan E. N. Fake news: Information hoax. M: Izdatelstvo "Aspekt press", 2018. (In Rus.)
11. Solovey, V. D. Ultimate weapon. Basics of psychological warfare and media manipulation. M: Izdatelstvo "E", 2016. (In Rus.)
12. Stiven-Davidovic, Set. Everyone lies. Search engine, Big Data and Internet know everything about you. M: Ehksmo, 2018. (In Rus.)
13. Trekhski, A. Video theory. Online video: aesthetics of aphid degradation video. H: Izd-vo "Gumanitarnyj centr", 2017. (In Rus.)
14. Fekseus, Henrik. The art of manipulation. Don't be fooled. M: Izdatelstvo ACT, 2015. (In Rus.)
15. Shomova, S. A. Memes as they are. M: Izdatelstvo "Aspekt press", 2018. (In Rus.)
16. Ehncensberger, Gans. Industry of consciousness. Elements of media theory. M: Ad Marginem press, 2016. (In Rus.)

Received: May 16, 2018; accepted for publication June 24, 2018

Reference to the article

Il'chenko S. N. Fake as an Anti-Source of Information: a Risk for Professional Standards of Journalism // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 70–76. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-70-76.

УДК 811.11-112

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-77-84

Лян Чжан,
аспирант,*Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9),
e-mail: cymazhang@mail.ru***Экологическая политика Китая в медиатекстах «Нью-Йорк Таймс»**

Статья посвящена отражению экологической политики КНР в медиадискурсе США, прежде всего, в наиболее авторитетном качественном издании – газете «Нью-Йорк Таймс». Актуальность исследования определяется, с одной стороны, значимостью экологической составляющей во внешнем имидже КНР, с другой – скептическим, а то и негативным отношением американской общественности к экологическим практикам Китая. В статье рассматривается значимость экологической компоненты для современного восприятия государства, как ответственного участника глобальных процессов. Дается характеристика динамики регулирования экологической политики Китая и в целом тенденций усиления внимания к вопросам защиты окружающей среды, уменьшения выбросов и т. п. Эмпирическая часть статьи содержит анализ текстов газеты «Нью-Йорк Таймс», посвященных экологии и экологической политике КНР за период с 1 сентября 2016 года по 31 декабря 2017 года. На основании применения методов контент-анализа и фрейм-анализа выявляются базовые характеристики освещения этой проблематики. Исследование показывает политизацию экологической повестки применительно к КНР и неполную релевантность представляемого газетой экологического имиджа Китая его реальным природоохранным практикам последнего времени.

Ключевые слова: экологическая политика, медиадискурс, имидж государства, КНР, «Нью-Йорк Таймс»

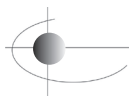
Introduction. It has been three centuries since the industrial revolution while the consumption of energy and various natural resources has only been increasing. Over century mankind attempts to place the human society on a sustainable development trajectory, however, there were plenty of efforts of developed countries, of the UN and of different kinds of international organizations, it still cannot be called a real success. A hidden and somewhat already obvious environmental threat continues to grow. With wide-ranging impacts, environmental issues emerged at the end of the 20th century as popular issues including desertification, drought, flooding, salinization of lands, dust storms, reduced biodiversity, etc. that recently acquire special urgency. Moreover, there are no national borders for environmental problems including air pollution, rising sea level, deforestation, ozone holes. All these are served as global factors negatively affecting the quality of human life. The rapid deterioration of the natural environment and the difficulty of predicting the negative changes of environment create a high uncertainty. Therefore, efficient spread of real-time information related to environment and the environmental policy of different countries is urgently required. In the information society, media are considered as a powerful tool for receiving and sending information. Mass communication through mass media plays an important role in the process of environmental education. Yet it is impossible to separate our

knowledge about environmental issues from the ways we communicate about these issues [6, p. 23]. In light of this, the most important task of the media is spreading the impartial and objective mass information related environmental knowledge and environmental policy. With a goal of shaping public opinion on environmental policy and condition, environmental facts and events, environmental aesthetics and research, environmental communication is occurring all around us and holding a response for enhancing the level of environmental awareness of the general public. What's more, environmental issues are regarded as integral parts of the diplomatic agenda that play important roles in shaping image of environmental policy and national image.

Material and methods. Data collection.

This study provides an analysis of the New York Times's coverage from September 1. 2016 to December 31 2017 based on a corpus of newspaper articles related to China's environmental issues. The corpus was built up with the considerations as follows:

1. Founded on September 18, 1851, the New York Times (hereinafter NYT) now is one of the most authoritative and credible media in United States even around the world, which means when the NYT indicates that an issue is newsworthy, other U. S. news organizations take note [10, p. 32]. According to researcher Goodman R., the U. S. president and the New York Times are important in setting the media agenda

for national issues, and real-world indicators are often not important [15]. In digital era, the NYT offers readers real-time access to coverage and began publishing on the website in 1996 and on smartphone in 2010 [2, p. 3].

2. The NYT in the last century contributed to the development of environmental journalism that can be seen as a pioneer in this sphere. 60s and 70s of the 20th century was the birth period of Western environmental journalism. Former editor John Oakes devoted a column to promote modern environmental movements and spread relevant new ideas. Since then, many media have imitated this practice. In addition, the 80th annual Pulitzer Prizes in Journalism was awarded to the news coverage relating to environmental issues published by the New York Times [1, p. 166–167].

3. During this period, the presidential election was held in U. S. On December 12, 2015, China and the U. S. signed the Paris Agreement on climate change, while it seems like the U. S. wants to evade this issue [17]. In late May and early June 2017, U. S. President D. Trump announced on his own Twitter that the U. S. would withdraw from the Paris Agreement on Climate Change. Mr. Trump's decision has caused great discussion not only in the United States, but also around the whole world. The American media described his remarks as "openly shirk the duty on climate change" [11]. Moreover, during the period of analysis, important international conferences on climate change such like the UNFCCC COP 22 and COP 23 (hereinafter COP22 and COP23) were held. Therefore, the research of the news articles in NYT within this period will explicitly show us how Chinese environmental actions climb up to the media agenda of U. S. and how the China's national image related to environmental issues was shaped by the U. S. media.

Methods and methodological procedure.

We choose the quantitative analysis to conduct an exploration on the peak of the news articles by NYT related to air pollution in China. To expound how NYT set media agenda, we compare causes of these peaks. In addition, using quantitative analysis, we divide all the news articles into three periods with three explicit peaks of publication. According to clarification of periods, we conduct an in-depth exploration on the dynamic trend of U. S. media's attitude towards China's environmental policy. Then choosing a qualitative research methodology – content analysis, we select from database "General OneFile" 44 articles as samples containing 155 coding units (semantic units) to examine how articles about China's

environmental policy are presented in the NYT, in particular, the media frame and the attribute agenda-setting. Each of the 155 coding units could be a phrase or a sentence that straightly represents China's environmental condition and policy. In this paper, the 155 semantic units were coded according to several kinds of variables, among which major variables are frequently mentioned and concerned environmental topics. Meanwhile, information source, the level of conflicts or topics, aspect of focus (Chinese environmental achievement or measure), negative/positive meaning are also served as categorical variables.

Results and discussion.

1. New trend of attitude towards China's environmental policy in NYT.

Using key words "environmental policy" or "sustainable development" as filtering, we selected 180 and 16 news articles published by the NYT during the period of analysis, excluded those articles without relationship with China, through the whole filtering procedure, we produce a corpus of 44 articles related to China including news stories and editorials. Analyzing the statistic, we divided the articles into 3 periods: a) September 2016–January 2017; b) March 2017–June 2017; c) October 2017–December 2017. In addition, it is vertical to examine the reason why there is a peak in November 2016 (Figure): a) COP 22 was held in November 2016 which is the first UNFCCC after the Paris Agreement came into force. The conference has aroused people from all walks of life to concern about smog and other environmental issues in China; b) the presidential election was held in U. S. during this period. In November 2016, Donald Trump won the election, while his attitude toward climate change was in stark contrast to former President Barack Obama's, which once again caused everyone's concern about China's attitude towards environmental issues.

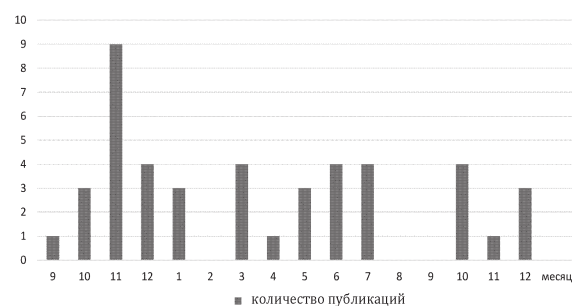
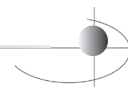

Figure. Dynamic trend of 44 articles in the NYT from September 1/2016 to 31 December, 2017

Рисунок. Динамика 44 публикаций в газете «Нью-Йорк Таймс» с 01.09.2016 г. по 31.12.2017 г.

Within 3 periods, author takes an overall elaboration on the dynamic trend of the New York Times' attitude towards China's environmental policy:

a) September 2016–January 2017.

28 % of these 155 coding units are selected from this period. In November 2016, Mr. Trump took office as President of the U. S. His attitude towards climate change have caused widespread discussion and criticism, people from all walks of life have begun to worry that China will also be shaken in this situation. The NYT well delivered and illustrated this concern and doubt. *"International diplomacy will become more difficult as China and India weigh their own energy policy commitments in the light of the possibility that the United States will walk away from its promises"* [19]. The speech of Mr. Xi given on the World Economic Forum Annual Meeting in January 2016, which is about that the determination to reduce emissions in China will not be shaken, was mentioned again in this period several times;

b) March–June of 2017.

52 % of these 155 coding units are selected from this period, which are generally divided into three kinds. 1. Coverage about America's national interests, for instance, *"The risks of withdrawing from the Paris deal include not only diplomatic ill will, but also the possibility of trade reprisals... The European Union currently charges polluters fees for carbon emissions, while China, Mexico and Canada are in the process of carrying out such programs"* [9]. 2. Media articles about the adjustment of relationship like competition and cooperation or conflict between powers, e. g. *"...pressure China to cut back on fossil fuels... state-owned energy companies, will try harder to push back against officials putting limits on coal"* [21]. *"California's leading, China's leading. ... China would now become a global leader on climate change"* [22]. 3. Media texts about problems caused by China's environmental action. E. g. China's construction of coal projects in Latin America's rainforests was also mentioned as damage: *"A true climate leader would invest in the Preservation of areas of global ecological simplicity rather than destroy them"* [14]. All three kinds of media texts reflect the politicization of environmental communication in NYT. At the end of May 2017, D.Trump announced that the U. S. will withdraw from the Paris Agreement, which will break the balance of national power in Climate Change. In June 2017, an in-depth analytical article "China's Role in Climate Change, and Possibly in Fighting It" [5] was published in NYT;

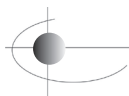
c) October 2017–December 2017.

In the last period, NYT again focus on China's environmental policy itself. Expectations for China's achievements become higher, for instance *"The government did not issue a hard timeline, and regulations and other details still have to be worked out"*, *"China's announcement could also disappoint those who were hoping the long-promised emissions market would cover the country's broader economy"* [4].

2. Media frame and national images of China shaped by the NYT.

In this part, we explored how mass media lexically construct the connection between U. S. and Chinese environmental policy by analyzing high-frequency words. This conscious constructed connection can be seen as media frame. Among the 44 text samples, the word "hoax" was mentioned 17 times in 12 news articles. All the 17 coding units shared the same conceptual content, which is related to the Tweets of Donald Trump: *"The concept of global warming was created by and for the Chinese in order to make U. S. manufacturing non-competitive. -Donald J. Trump (@realDonaldTrump) November 6, 2012"* [8]. What's more, Mr. Trump delivered a speech in South Carolina, claiming more than once that "global warming is China's hoax". Besides, "California" and its governor, "Jerry Brown" are also high-frequency words. The coding units related to "cooperation between China and California" frequently appeared in news articles. The word "California" appeared 90 times in nine articles, three of the nine articles used word "California" in title. "Jerry Brown" or "Mr. Brown" was mentioned 49 times. What's more, the authors directly quoted his words in 44 articles 12 times. Environmental policy of China and China's attitude toward environmental issues are appropriate topics for constructing China as "other". The "other" involved in the conflict between American presidential administration and state governments like California that was represented in the U. S. media text in different ways than before. In light of this, it makes sense to explore how China is interpreted within these two contexts.

In light of this, we examine the influence of these high-frequency words from a view of cognitive science. According to Lakoff's theory of conceptual metaphor, "entailment" is what people can infer from a linguistic expression under normal circumstances; "preferred entailment" is more dominant and implicit entailment [12, p.122–128]; in this sense, "hoax" is a conceptual domain. Polysemy of each domain relies on the diverse of entailments of this conception. Media

tend to consciously highlight one of the entailments of domain “hoax” and turn this implicit entailment to an preferred entailment. This process is contextualization by nature. Here are some examples that represent how media articles in NYT construct the connection between U. S. and environmental policy of China (table 1).

Table 1

Quotations about “Mystification”

Таблица 1

Цитаты о «мистификации»

“Mr. Trump had <u>made statements consistent with climate change denial</u> , including <u>calling climate change a hoax created by China</u> ” [21]
Please revisit your claim that climate change is a hoax... This is no hoax [13]
Mr. Trump <u>has repeatedly denied the science of human-caused climate change</u> , incorrectly calling it “fictional” and saying it was a hoax created by the Chinese [22]
He <u>has mocked</u> climate change as a hoax <u>perpetrated by China</u> [7]
He saw Mr. Obama’s environmental policies as a threat to the economy and <u>dismissed</u> climate change as a hoax perpetrated by China [3]
Meanwhile, there’s Mr. Trump, who has <u>repeatedly called</u> climate change a hoax and <u>has suggested that it was invented by China to hurt U. S. competitiveness</u> [18]
He said of climate change at a 2015 rally in South Carolina: “A lot of it’s a hoax. It’s a hoax” [8]

Media enable readers to develop a picture or meaning in mind which can be achieved through color of the words in news articles. “Had made statements” and “has suggested” are neutral discourses, while “dismissed”, “has mocked”, “perpetrated by”, “was invented”, “created by” showed the negative attitude of Mr. Trump towards China. Meanwhile, it presented the negative attitude of the NYT towards D. Trump, such like “*has repeatedly denied the science of human-caused climate change*”. The image of China related to Climate Change and even other environmental issues interpreted by NYT will be positive. There is a mapping from source domain “Chinese hoax” onto target domain like “participate in”, “responsible country” and etc.

Differing from the former connection with “hoax” which contains a contrast effect, the connection between “Mr. Brown” and “China’s environmental policy” represented in media discourses created a win-win situation. This point was confirmed by Gary Locke, the Washington’s governor and the former U. S. Ambassador to China, that “*Mr. Brown’s endorsement may also serve as a buffer against critics who say that China is moving too slowly to curb emissions*” [16]. Current win-win situation is created due to the positive reputation of Mr. Brown. “*Mr. Brown was*

considered a “strong leader” on climate change and a critic of Mr. Trump” [16]. This cognition (or knowledge) is contained in the conceptual system of American readers. It is more easily for American audiences to map the source domain “China” onto target domain “cooperator” with strong leader of U. S. even directly onto domain “strong leader”.

Apart from the implicit images of China created in the audiences’ mind by media discourses, there are also explicit national images directly shaped by writers in the news articles, which are served as labels of China. Labeling stems from stereotypes in cognition and simplified attribution of unclear truth, results in cognitive biases and a more biased understanding [20]. Through content analysis of the 44 news samples, we explored 4 national images of China related to environmental issues as following:

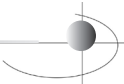
A. “Big emitter” was mentioned 8 times in articles to refer to or to describe China. The authors tend to use the following adjectives such as “big”, “major”, “key”, “biggest”, “largest”, and “huge” to indicate that China’s total emissions are huge. B. “No. 1 polluter” was mentioned 9 times in news articles to refer to or describe China. While author used a different adjective to portray the situation of China: “*As well, China still holds the awkward status of being the world’s biggest carbon dioxide polluter*” [5].

C. The “Climate Leader” was mentioned 20 times in 44 articles. Among them, the words were used seven times to refer to China. It is worth noting that the author tends to express this image in terms of question sentences and virtual sentences: *what more could it do If it wanted to become a global leader in fighting climate change? ...Could China become the global leader in fighting climate change?* [5]. It showed the skeptical and ambiguous attitude of the NYT towards China’s environmental policy and action.

D. “Defender” was mentioned twice in two articles. Two articles were published in May and June 2017 when U. S. President Trump just announced that the U. S. decided to withdraw from the Paris Agreement. This image is the freshest interpretation of China’s image concerning environmental issues shaped by American mainstream media. It is positive and widely accepted.

3. Media agenda and attributes of media agenda

In this part, to expose media agenda and attributes of these media agendas in the NYT, we exclude the units about the “Hoax” from the total 155 coding (semantic) units and choose content analysis to conduct an in-depth exploration on the media agenda-setting and attribute agen-

da-setting of the NYT. Firstly to examine the way in which media agenda and attribute agenda were set, the environmental issues were coded and clarified as: “Climate change and air pollution”, “biodiversity”, “the Paris Agreement”, “eco-system”, “new energy and technologies”; all of the 5 categories of environmental issues further were coded into two aspects as environmental achievement or environmental measures. There are 27 units about China’s environmental achievement which are divided into 5 categories of the environmental issues as above, accounting for 51,8; 29,6; 11; 18,5 и 18,5 % of the 27 coding units. There are 70 units about China’s environmental measures which are clarified by 5 categories of the environmental issues as above, accounting for 57; 5,7; 35,7, 15,7; 14,3 % of the 70 coding units. So we founded that “Climate change and air pollution” is the most concerned topic regarded as a media agenda in the NYT. The NYT tends to highlight the achievement of this topic. As for the topic “new energy and technologies”, NYT tends to focus on the achievement. In addition, NYT tends to focus on environmental measures of the topic “Paris Agreement”.

Among them, we highlight one of the most concerned China’s environmental issue – air pollution. To examine the cause for “air pollution in China” to climb the media agenda of NYT, we use key word “smog” or “PM2.5” as content filtering to select article samples. During the period of analysis, there are 8 stories concerning air pollution in China published by NYT. 7 of these 8 stories were published at the end of 2016 and the beginning of 2017, only one story published in June 2017. In the winter of 2017, there is no story published by the NYT. Comparing with the same period of previous years, the last peak period was the winter of 2012–2013. In that time NYT highlighted China’s poor air quality in details. Between the two peak periods, each year NYT published 3 stories concerning Chinese air pollution in average. Second peak period was the winter of 2016–2017 when D. Trump announced that he would withdraw from the Paris Agreement on Climate Change. Differing from the first peak period, in the second peak period, U. S. mainstream media the NYT focused on the achievements and measures of Chinese environmental governance, emphasized the conflict between China’s environmental policy and the America’s, which was used by NYT to denounce the president’s decision.

Furthermore, to examine the attribute of all media agendas as well as the way in which the news was reported, each unit, after having its

topic determined, was evaluated for 1) its level as “national” (N), “intergovernmental” (I), “global” (G) and for 2) its information source as either a) Government officials and representatives; b) business representatives; c) public; d) experts; e) representatives of international organizations; f) authors and g) the others (table 2).

Table 2

Data set of comments on China-related environmental issues in media discourses in the *New York Times*

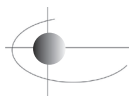
Таблица 2

Сведения о комментариях на экологическую проблематику применительно к Китаю в медиадискурсах «Нью-Йорк Таймс»

Category	Variables	Positive meaning		Negative meaning	
		No.	%	No.	%
Information source	a	36	43,9	4	11
	b	2	2,4	0	0
	c	0	0	1	2,8
	d	9	10,9	5	13,9
	e	10	12,2	2	5,6
	f	20	24,1	21	58,3
	g	5	6,1	3	8,3
Level of the environmental issues	N	26	31,7	15	41,7
	I	14	17,1	5	13,9
	G	40	48,8	16	61,5

According to the statistic, a clear positive evaluation of China’s environmental policy was given in 82 units, accounting for 52,9 % of the total coding units, and the negative criticism was given in 36 units, accounting for 23,2 % of the total units. When China’s environmental policy was seen as a global issue, its positive evaluation is more than negative criticism. When it was regarded as a national issue, its positive evaluation is less than negative criticism. Totally, the NYT tends to positively evaluate China’s environmental policy. But when issues are of global level, it is most probably evaluated negatively. But when it is seen as a national issue, the NYT tends to negatively evaluate it. Authors prefer quote positive evaluation of government officials or representatives and representatives of international organizations. Authors tend to quote negative criticism of experts or directly express the negative opinion on China’s environmental policy.

Conclusion. At first, we explored a dynamic attitude of NYT towards China’s environmental issues, which from doubtable to critical shows the politicization of China-related environmental communication in NYT. As for media frame, considering the conceptual system, NYT uses high-frequency words “D. Trump” and “Mr. Brown” which are familiar to Amer-

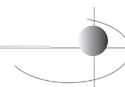

ican readers to shape the China's positive national images like "cooperator or strong leader against D. Trump" in readers' mind. Except that, NYT shaped 4 explicit images directly by using 4 words. It showed the labeling of China-related environmental communication in NYT. In addition, neither "polluter" nor "leader", the "defender" is the newest and wide accepted label (or image) of China in climate change. During the period of analysis, NYT sets air pollution in China as media agenda to emphasize the conflict between China and U. S. in environmental policy or highlight the adjustment of national power in climate change, for the purpose of denouncing

the U. S. president's decision. The media agenda is intensively influenced by policy agenda concerning Climate change. The NYT tends to highlight the China's environmental achievement as an attribute of this media agenda. In addition, authors prefer to quote positive evaluation of government officials or members of international organizations and quote negative criticism of experts or directly express the negative opinion on China's environmental policy. It is worth mentioning that criticism of academic community may be used to hint that China's environmental policy and action are facing a growing demand for scientific evidence.

Список литературы

1. Ван Тсилон. Исследование о возникновении и рождении экологической журналистики США // Научный журнал Юго-Западного национального университета. 2008. № 2. С.166–167.
2. Nyu Yuan'yan. A study on media texts published in the New York Times on environmental journalism 2007–2011. Shan'si, 2012.
3. Baker Peter and Coral Davenport. President Revives Two Oil Pipelines Thwarted Under Obama [Электронный ресурс] // The New York Times. 2017. 25 Jan. P. A1(L). Режим доступа: <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A478777292/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=c0ac3278> (дата обращения: 03.01.2018)
4. Bradsher Keith and Lisa Friedman. China Plans Huge Market for Trading Pollution Credits // The New York Times. 2017. 20 Dec. P. B1(L) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A519544974/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=eaa87e7c> (дата обращения: 03.01.2018).
5. Buckley Chris. China's Role in Climate Change, and Possibly in Fighting It // The New York Times. 2017. 3 June. P. NA(L) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A494043339/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=8507bf0f> (дата обращения: 03.05.2018).
6. Cox J. R. Environmental communication and the public sphere. М., 2016.
7. Davenport Coral. Obama Leans on a 1953 Law to Ban Drilling [Электронный ресурс] // New York Times. 2016. 21 Dec. P. A1(L). Режим доступа: <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A474649548/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=68cbbb93> (дата обращения: 03.05.2018).
8. Davenport Coral. Denialists in Charge [Электронный ресурс] // The New York Times. 2017. 29 Mart. P. A19. Режим доступа: <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A487565070/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=d08d5895> (дата обращения: 03.05.2018).
9. Davenport Coral. Advisers Urging Trump To Stay in Paris Accord [Электронный ресурс] // The New York Times. 2017. 19 Apr. P. A18(L). Режим доступа: <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A490085966/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=d9433137> (дата обращения: 03.05.2018).
10. Dearing James W., Rogers Everett. Communication Concepts 6: Agenda-Setting. М.: Thousand Oaks: CA: Sage, 1992.
11. Edward Wong as Trump Backtracks. China Seizes Chance to Lead on Climate // The New York Times. 2017. 30 Mart. P. A1(L).
12. Feng Xiaohu. Metaphors-the basis of thinking, the frame of text. М.: Foreign Economic and Trade University Press, 2004. Pp. 122–128.
13. Friedman Thomas L. "Mr. Trump, Help Heal the Planet" [Электронный ресурс] // The New York Times. 2016. 16 Nov. P. A27(L). Режим доступа: <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A470335203/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=a7f77af2> (дата обращения: 03.05.2018).
14. Garzon Paulina and Leila Salazar-Lopez. China imperils Latin America's environment [Электронный ресурс] // The New York Times. 2017. 22 July. Режим доступа: <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A498988704/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=a10c57d2> (дата обращения: 03.05.2018).
15. Goodman R. Bush administration congressional versus presidential agenda setting: China most favored nation controversy. Paper presented at the International Communication Association. Albuquerque, 1994.
16. Hernandez Javier, C., and Adam Nagourney. California's Governor Steps in to Lead Charge on the Climate [Электронный ресурс] // The New York Times. 2017. 7 June. P. A1(L). Режим доступа: <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A494568767/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=f4d50e67> (дата обращения: 03.04.2018).
17. Javier C. Hernandez Climate Change Worsens China Smog, Studies Say // The New York Times. 2017. 25 Mart. P. A10(L).
18. Krugman Paul. What about the Planet? [Электронный ресурс] // The New York Times. 2016. 7 Oct. P. A27(L). Режим доступа: <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A465775592/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=179fb39e> (дата обращения: 03.04.2018).

19. Porter Eduardo. Earth Isn't Doomed Yet. Climate Could Survive Trump [Электронный ресурс] // The New York Times. 2016. 30 Nov. P. B1(L). Режим доступа: <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A472124254/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=47fd18c5> (дата обращения: 03.05.2018).

20. Wang Yong, Liu Na. Labeling of online communication – “WuDaogang teen” as an example // J. Western Journal. 2016. № 17. Pp. 37–39.

21. Wong Edward. As Trump Backtracks, China Seizes Chance to Lead on Climate [Электронный ресурс] // The New York Times. 2017. 30 Mart. P. A1(L). Режим доступа: <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A487748984/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=98b277c3> (дата обращения: 03.04.2018).

22. Weisman Jonathan. Shifts on Immigration, Health and Taxes [Электронный ресурс] // The New York Times. 2016. 10 Nov. P. 6(L). Режим доступа: <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A469618138/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=dbdc07f1> (дата обращения: 03.05.2018).

Статья поступила в редакцию 07.06.2018; принята к публикации 30.08.2018

Библиографическое описание статьи

Лян Чжан. Экологическая политика Китая в медиатекстах «Нью-Йорк Таймс» // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 77–84. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-77-84.

Liang Zhang,
Postgraduate,
Saint Petersburg State University
(7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia),
e-mail: cymazhang@mail.ru

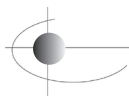
China's Environmental Policy in the New York Times Media Texts

The article is devoted to the reflection of China's environmental policy in the US media discourses, which are primarily in the most authoritative high-quality publication, the *New York Times*. The relevance of this study relies, on the one hand, on the importance of the environmental component included in the China's national image and, on the other hand, on the skeptical and even negative attitude of the American public to China's environmental practices. The significance of the ecological component for the modern perception of the country as a responsible participant of global processes in the article is investigated. Further, we give the characteristic of the dynamics of the regulation of China's environmental policy and in general, tendencies of strengthening attention to the issues such as environmental protection, reduction of emissions, etc. Empirical research is based on analysis of the the *New York Times* texts related to ecology and environmental policy of the PRC during the period September 1, 2016 to December 31, 2017. Applying the methods of content analysis and frame analysis, we reveal the basic characteristics of the problem coverage. The study shows the politicization of the environmental agenda in terms of the PRC and the incomplete relevance of China's environmental image to its real environmental practices in recent time. This article could be used to make international communication strategy.

Keywords: environmental policy, media discourse, national image, China, the *New York Times*

References

1. Van Tsilon. A study on the origin and birth of environmental journalism in the United States. Nauchnyy zhurnal Yuga zapadnogo natsional'nogo universiteta, no. 2, pp.166–167, 2008. (In Rus.)
2. Nyu Yuan'yan. A study on media texts published in the New York Times on environmental journalism 2007–2011. dis....magi. gammn.nauk. Shan'si.2012. (In Chin.)
3. Baker, Peter, and Coral Davenport. “President Revives Two Oil Pipelines Thwarted Under Obama” The New York Times, 25 Jan. 2017, p. A1(L). Web. 3.01.2018. <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A478777292/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=c0ac3278>. (In Engl.)
4. Bradsher, Keith, and Lisa Friedman. “China Plans Huge Market for Trading Pollution Credits” The New York Times, 20 Dec. 2017, p. B1(L). Web. 3.01.2018. <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A519544974/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=eaa87e7c> (In Engl.)
5. Buckley, Chris. “China's Role in Climate Change, and Possibly in Fighting It” The New York Times, 3 June 2017, p. NA(L). Web. 3.01.2018. <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A494043339/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=8507bf0f>. (In Engl.)
6. Cox, J. Robert. Environmental communication and the public sphere. M: 2016. (In Engl.)

7. Davenport, Coral "Obama Leans on a 1953 Law to Ban Drilling" New York Times, 21 Dec. 2016, p. A1(L). Web. 3.01.2018. <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A474649548/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=68cbbb93>. (In Engl.)
8. Davenport, Coral "Denialists in Charge", The New York Times, 29 Mar. 2017, p. A19(L). Web. 3.01.2018. <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A487565070/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=d08d5895>. (In Engl.)
9. Davenport, Coral "Advisers Urging Trump To Stay in Paris Accord", The New York Times, 19 Apr. 2017, p. A18(L). Web. 3.01.2018. <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A490085966/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=d9433137>. (In Engl.)
10. Dearing, James W., Rogers, Everett Communication Concepts 6: Agenda-Setting. M: Thousand Oaks. CA: Sage.1992. (In Engl.)
11. Edward Wong as Trump Backtracks, China Seizes Chance to Lead on Climate, The New York Times. (Mar. 30, 2017): News: pA1(L). (In Engl.)
12. Feng Xiaohu Metaphors-the basis of thinking, the frame of text. M: Foreign Economic and Trade University Press. 2004: 122–128. (In Engl.)
13. Friedman, Thomas L. "Mr. Trump, Help Heal the Planet", The New York Times, 16 Nov. 2016, p. A27(L). Web. 3.01.2018. <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A470335203/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=a7f77af2>. (In Engl.)
14. GarzOn, Paulina, and Leila Salazar-LOpez "China imperils Latin America's environment", The New York Times, 22 July 2017. Web. 3.01.2018. <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A498988704/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=a10c57d2>. (In Engl.)
15. Goodman, R. Bush administration congressional versus presidential agenda setting: China most favored nation controversy. Paper presented at the International Communication Association, Albuquerque. 1994. (In Engl.)
16. Hern, Andez, Javier, C., and Adam Nagourney "California's Governor Steps in to Lead Charge on the Climate" The New York Times, 7 June 2017, p. A1(L). Web. 3.01.2018. <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A494568767/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=f4d50e67>. (In Engl.)
17. Javier, C. Hernandez Climate Change Worsens China Smog, Studies Say, The New York Times. (Mar. 25, 2017): News: pA10(L). (In Engl.)
18. Krugman, Paul "What about the Planet?", The New York Times, 7 Oct. 2016, p. A27(L). Web. 3.01.2018. <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A465775592/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=179fb39e>. (In Engl.)
19. Porter, Eduardo "Earth Isn't Doomed Yet. Climate Could Survive Trump", The New York Times, 30 Nov. 2016, p. B1(L). Web. 3.01.2018. <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A472124254/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=47fd18c5>. (In Engl.)
20. WangYong, LiuNa. Labeling of online communication— "WuDaogang teen" as an example. J. Western Journal, pp. 37–39, no.17, 2016. (In Engl.)
21. Wong, Edward "As Trump Backtracks, China Seizes Chance to Lead on Climate", The New York Times, 30 Mar. 2017, p. A1(L). Web. 3.01.2018. <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A487748984/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=98b277c3>. (In Engl.)
22. Weisman, Jonathan "Shifts on Immigration, Health and Taxes", The New York Times, 10 Nov. 2016, p. 6(L). Web. 3.01.2018. <http://www.proxy.library.spbu.ru:2660/apps/doc/A469618138/ITOF?u=stpe&sid=ITOF&xid=dbdc07f1>. (In Engl.)

Received: June 7, 2018; accepted for publication August 30, 2018

Reference to the article

Liang Zhang. China's Environmental Policy in the New York Times Media Texts // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 77–84. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-77-84.

УДК 070(438)

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-85-91

Патриция Шосток-Новацка,
кандидат гуманитарных наук,
Силезский университет в Катовицах
(40-007, Польша, г. Катовице, ул. Банковая, 12),
e-mail: Patrycja.szostok@gmail.com

Чтение местных газет и гражданская активность в Польше

Цель этой статьи – ответить на вопрос, какие средства коммуникации, используемые местными органами власти, способствуют увеличению участия в общественной жизни и какова роль местной прессы в этом. Исследования, проведённые в последние годы, свидетельствуют о снижении числа читателей газет и журналов в целом, расходы на местные печатные издания также падают. В то же время гражданская деятельность на местном уровне неудовлетворительна, несмотря на развитие интернета и двустороннее общение, граждане не являются активными участниками диалога с властями. Исследования, проведённые в 2016 году в местных общинах Силезского воеводства (опрос 500 чел.), показывают, что местные жители чаще всего узнают последние новости из разговоров с другими жителями (34 %) и интернета (19 %), однако люди, имеющие активную гражданскую позицию, считают, что местная пресса является самым важным источником информации (30 %). Результаты исследования могут быть полезны для людей, ответственных за осуществление коммуникации местных органов власти и местных жителей, а также для политиков, которые оценивают законность публикаций изданий местной администрации, вызывающих многочисленные споры в Польше. Несомненно, местная периодика, включая издания самоуправления, необходима в местных сообществах. Существует связь между чтением прессы и гражданской активностью на местном уровне. Средняя активность тех, кто считает прессу самым важным источником информации, составляет 2,8, а тех, кто предпочитает разговоры с другими людьми – 2,5 (зависимость статистически подтверждена). Однако необходимо позаботиться о качестве местной прессы, чтобы она была интересным источником информации не только для наиболее активных граждан, но и для более широких групп местных общин.

Ключевые слова: местная пресса, коммуникационная политика, общественная партиципация, гражданская активность, Польша

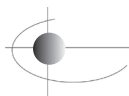
Введение. *Состояние местной коммуникации и гражданской активности в Польше.* Модель административного деления, применяемая в Польше, предполагает, что территориальные органы самоуправления получают право действовать во многих областях независимо от центрального правительства. Для реализации этой идеи необходима гражданская активность, которая является основой для общественного участия (партиципации) на местном уровне [10, с. 148]. Этот тип деятельности всё чаще воспринимается как основа демократических систем, и не только на местном уровне. Кроме текущей политики, задача местных органов власти заключается в стимулировании этой деятельности посредством широко понимаемой коммуникационной политики, своего рода публичного приглашения граждан участвовать в жизни местных общин [8, с. 85–86]. Можно сказать, что это участие в основном имеет коммуникационный характер.

Б. Дольницкий среди демократических форм участия граждан в процессе взаимодействия с муниципалитетом, обусловленных польским законодательством, называет консультации и встречи, общие собрания с

жителями, референдум, муниципальные выборы и отмечает, что независимо от видов, названных в законе, существуют и другие инструменты прямого или косвенного выражения гражданской законодательной инициативы [1, с. 114].

Существует связь между уровнем демократии и спросом на информацию [7, с. 19]. Более того, коммуникационные нужды становятся всё более важными и не ограничиваются только приобретением информации, а также необходимостью ведения диалога, то есть двусторонней активности в процессе коммуникации местных органов власти и жителей [2, с. 104–105].

В настоящее время информационная политика местных органов власти определяется не только как деятельность, связанная с общением между офисом и жителями, но – гораздо шире – как управление знаниями и информацией, направленное на эффективное использование информации отдельными лицами и организациями, облегчение доступа к различного рода информации, улучшение её обработки и распространения и, следовательно, – повышение информационной компетентности всех субъектов, действующих в

рамках данной единицы местного самоуправления. В этом подходе трудно признать, что такая политика способствует функционированию только тех, кто непосредственно связан с политикой данной организации [9, с. 109].

Поэтому цель коммуникационной политики местных органов власти в Польше – это не только информирование граждан о событиях в их ближайшем окружении, но и продвижение деятельности единиц самоуправления, а также ангажирование их в деятельность властей.

Эта последняя задача, которая является прямым результатом принятой модели самоуправления, кажется наиболее проблематичной, поскольку, несмотря на предоставление прав местным общинам, гражданская активность по-прежнему столь мала, что люди не принимают активное участие в местном самоуправлении, не проявляют инициативу, и даже при общении с местными властями остаются пассивными и в основном ограничиваются только потреблением информации без фактического участия в диалоге.

Результаты исследования и их об- суждение. Исследования в области коммуникации территориальных органов самоуправления в Польше проводятся в различных научных центрах. Так, например, автор данного исследования провёл опрос среди членов местного самоуправления всей страны в 2011 году, отправив вопросник во все городские учреждения через электронную платформу общественных услуг. В опросе приняло участие 20 % городских учреждений из всей страны.

Согласно результатам опроса, существующие тенденции в развитии социальной коммуникации просматриваются в методах общения между местными органами власти и жителями. Первые используют практически все доступные средства – от традиционных, связанных с прямым контактом с жителями, через средства массовой информации, особенно печатные издания, в меньшей степени – радио и телевидение, интернет-ресурсы и опросы общественного мнения.

Таким образом, сегодня в Польше сформировались три модели политики взаимоотношений в местном самоуправлении:

- минималистская информационная политика – в принципе, не выходящая за рамки установленных законом способов и границ информирования местных сообществ о деятельности государственных органов (преимущественно в восточных и центральных районах, главным образом в деревнях);

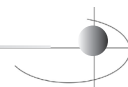
- широкая информационная политика предполагает использование большого спектра информации и внешнее продвижение города, но в ограниченном объёме использует возможности обратной связи (свойственна различным типам местных органов власти, но в основном касается самых богатых деревень и небольших городов на западе страны);

- коммуникационная политика – информационная деятельность, дополняется диалогом с жителями, широко используются инструменты обратной связи, жители активизируются, поощряется спонтанное участие в общении с чиновниками (чаще используется в крупных городах, главным образом на западе страны) [12, с. 228].

В подразделениях территориального самоуправления разное осознание важности коммуникации и её целей, поэтому способы коммуникации используются в разной степени. Это разнообразие связано также с финансовыми возможностями местностей, поскольку невозможно управлять местным телевидением или функционированием местной радиостанции в деревне или маленьком городе. Поэтому самым популярным средством коммуникации на местном уровне является печать. Местные периодические издания составляют большую группу из около 2500 названий, которые, несмотря на глобальную тенденцию утраты интереса к печатной прессе, всё ещё имеют своих верных читателей. Среди местной прессы в Польше самой большой группой являются издания, финансируемые за счёт местных самоуправлений. Поэтому это одно из самых распространённых средств массовой информации, а также инструментов для общения местных властей с жителями.

Часто обсуждается вопрос о том, следует ли продолжать издание традиционной бумажной прессы. Чтение прессы падает по всей стране, а коммуникационная активность граждан переходит в интернет. Издание бумажной прессы требует больших финансовых затрат, а её электронные версии предоставляют дополнительные возможности – текущее обновление и обратную связь с читателем. С другой стороны, возможности интерактивного контакта всё ещё плохо используются властями, поэтому интернет-связь по-прежнему остаётся передачей сообщений в одну сторону, без возможности комментировать со стороны жителей, а это означает, что диалог не происходит.

Особое внимание теоретиков и практиков местной прессы привлекает исследование газет местных органов власти, потому что

это тип изданий, который поддерживается за счёт местных бюджетов и составляет один из важнейших инструментов коммуникационной политики местной администрации.

Однако печать местной власти обвиняется в незаконной конкуренции с частными изданиями. Не лишён значения тот факт, что эти СМИ в значительной степени посвящены продвижению деятельности властей, являются инструментом политической рекламы, поэтому создают незаконную конкуренцию на политическом рынке. В то же время пресса местного самоуправления является крупнейшей типологической группой на местном рынке прессы, вероятно, более половины местных органов власти издают свою газету [6, с. 10], а это означает, что существует много мест, где без этого не было бы вообще местной прессы. Благодаря тому, что она распространяется бесплатно, её читают люди, которые не хотят тратить деньги на прессу.

Местная пресса, согласно национальным тенденциям, частично переносит свою деятельность в интернет. Однако это лишь некоторое использование возможностей сети, потому что в большинстве случаев в виртуальном пространстве размещаются только pdf-версии ранее выпущенных бумажных изданий. Итак, это не копирование бумажной печати, это не расширение возможности общения с читателями, обратная связь не существует.

Создатели местной прессы сами не удовлетворены результатами их присутствия в интернете, хотя бы из-за недостаточной рекламной выручки [13, с. 137]. Присутствие в интернете часто рассматривается издателями местных СМИ как дополнительная, добавочная информационная деятельность. Конечно, есть всё больше и больше локальных

сайтов, некоторые из них очень хорошо работают, но это свойственно в основном крупным городам. Сама местная пресса в интернете в настоящее время пользуется небольшим спросом. Прежде всего, поляки в основном используют бесплатные интернет-источники, поэтому они неохотно платят за электронную версию прессы, что касается не только местной, но и прессы в общем. Эти выпуски имеют плохо подготовленную мобильную версию, большинство из них доступны только в форматах, которые не удобны, если они используются на планшетах или смартфонах [13, с. 136–139].

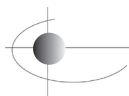
Исследование популярности источников местной информации. Эта статья основана прежде всего на собственных исследованиях автора, проводимых в 2016 году в Силезском воеводстве. В опросе участвовали 500 жителей городов и деревень разной величины. Основной вопрос заключался в том, какие источники информации способствуют активности граждан на местном уровне. Автор выдвинул гипотезу о том, что чтение местной прессы коррелируется с активностью гражданской деятельности. Предполагается, что читатели более активны на местном уровне, чем люди, для которых не газеты, а разговоры с другими людьми или интернет являются основным источником местной информации.

Исследования, проводимые на протяжении многих лет, подтвердили важность местной прессы по сравнению с другими источниками информации, посвящёнными локальным новостям. Только в последние годы она начала терять своё значение, уступая место сетевым ресурсам. В таблице отражена картина популярности отдельных источников местной информации Силезского воеводства последнего времени [3, с. 116].

Таблица

Источники информации в Силезии в 1991–2014 гг.

Источник информации	Год исследования							
	2014	2002	2000	1999	1997	1995	1993	1991
Региональные ежедневники	24,4	35,2	31,4	28,6	29,9	31,7	31,2	28,8
Местная пресса	56,4	38,8	31,9	36,1	28,6	37,8	42,5	43,7
Региональное радио	9,7	11,0	10,6	10,0	18,2	15,4	21,2	19,4
Местное коммерческое радио	14,6	15,1	15,0	8,2	11,4	8,8	15,4	-
Региональное телевидение	22,1	22,4	18,1	13,8	31,3	23,9	24,6	23,5
Разговоры с другими людьми	42,2	40,9	39,9	42,6	51,4	53,3	45,3	60,9
Афиши и объявления	23,5	15,4	14,8	16,2	25,0	20,8	20,2	5,8
Местные интернет-сайты	28,6	-	-	-	-	-	-	-
Социальные сети	21,2	-	-	-	-	-	-	-

Однако следует добавить, что в исследованиях, проведённых нами, наиболее часто упоминаемым источником местной информации являются переговоры с другими людьми (77,4 %), на втором месте – интернет (50,2 %), местная пресса – на последнем месте (43,2 %) [11, с. 290]. Поэтому можно сделать вывод о том, что жители полагаются главным образом на непроверенные источники, что, вероятно, становится причиной слухов.

Вместе с тем, очевидна тенденция падения популярности местных изданий и повышение интереса к интернет-изданиям и новостным сайтам, что подтверждается не только в отдельных воеводствах, но и на государственном уровне в целом.

Интересен тот факт, что когда людей (в данном случае – жителей Силезского воеводства) спрашивают об информационном взаимодействии, которого им не хватает, они чаще всего указывают на прямые контакты с властями (30 %) [14, с. 28]. Это свидетельствует, прежде всего, о том, что на местном уровне прямая связь по-прежнему остаётся самой важной, несмотря на развитие современных форм общения, однако не в достаточной мере осуществляется. Анализ итогов опросов местного населения подтвердил, что жители связаны друг с другом личными контактами, но и регулярное взаимодействие с властями им необходимо.

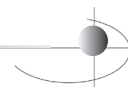
Здесь возникает вопрос о неэффективности местной коммуникационной политики, поскольку власти якобы предпринимают многочисленные усилия, направленные на развитие способов коммуникации, что часто требует больших капиталовложений, однако растущая потребность населения и недовольство недостатком прямых контактов с администрацией является доказательством того, что эти действия неэффективны.

В свою очередь, общественная партиципация в Польше является неудовлетворительной не только на местном уровне, т. к. жители мало активны, плохо участвуют в гражданской деятельности, редко голосуют на муниципальных выборах, не предпринимают собственных инициатив, не принадлежат к неправительственным организациям, даже неохотно выражают своё мнение и предлагают изменения в непосредственной окружающей среде. Коммуникация местных органов власти не выполняет правильно мобилизационную функцию и не способствует реализации модели партиципации в самоуправлении. Надо добавить, что подавляющее большинство возможных действий, признан-

ных как участие в общественной жизни на местном уровне, являются коммуникационными, поэтому так важно строить общественное доверие, инициировать гражданскую деятельность и сотрудничать на благо местного сообщества на основе эффективного диалога между властями и населением. На данный момент большинство жителей этих общин не проявляют активности, признавая, что это право принадлежит властям, и гражданин не может быть эффективным. Однако стоит взглянуть на тех, кто активен.

На основе опросов, проведённых в 2016 году в Силезии, можно удостоверить, что граждане, которые наиболее активны в местной среде, отличаются своими коммуникационными привычками от тех, кто не проявляет активности. Существует взаимосвязь между чувством коммуникационной субъектности (эффективности) и гражданской активностью на местном уровне, поэтому стоит обсудить источники местной информации, используемые людьми, имеющими самый высокий уровень коммуникационной субъектности. Прежде всего, эти люди больше осознают важность использования различных источников информации, поэтому наиболее активные граждане среди самых основных новостных ресурсов называют местную прессу (40 %), в то время как в среднем (то есть среди всех жителей, даже тех неактивных чаще всего появляются разговоры с другими людьми и интернет. В этой группе среди наиболее важных источников информации находятся также непосредственные контакты с представителями власти (20 %), которые не появляются в других группах. Для них пресса – это не только самый важный, но и самый надёжный источник информации о событиях в своей деревне, городе, воеводстве, в то время, когда люди, которые менее активны, признают общение с другими людьми самым важным и самым надёжным источником.

Можно сказать, что активные люди также постоянно ищут информацию, они выбирают источники, требующие от них некоторых усилий, в то время как другие используют более легкодоступные и получают случайную информацию. Подтверждением уникальной значимости местной прессы для гражданской активности является тот факт, что люди с наивысшим уровнем активности и субъектности указали этот источник, отвечая на вопрос, каких источников наиболее не хватает на местном уровне (20 %). Люди с более низкой активностью заявили, что отсутствуют телевидение и индивидуальные контакты с

властями и веб-сайты. Активные не думают, что веб-сайтов недостаточно, им не хватает прессы [11, с. 395–398].

Оказывается, активные граждане считают местную прессу самым надёжным источником информации, они читают её гораздо чаще, чем жители, которые не участвуют в процессе самоуправления и гражданских инициативах. Они также используют интернет и социальные сети, но доверяют им в гораздо меньшей степени. Итак, местная пресса является очень важным источником информации для активных граждан, она по-прежнему пользуется особым доверием среди людей, которые больше всех интересуются событиями в местном пространстве. Предполагается, что чтение самой прессы является проявлением активности, потому что это требует больше усилий, чем использование интернета.

Выводы. Несмотря на свою всё растущую популярность, интернет не является таким лёгким источником информации, как принято считать. В отличие от прессы, особенно предоставляемой в дома бесплатно, он требует от своих пользователей целенаправленности, а это означает, что они должны сами решать, какой контент они ищут и что они хотят знать. Получая копию газеты, они соглашаются с содержанием, предложенным издателем, и узнают то, что считается самым важным. В интернете они выбирают самостоятельно, и редко этот выбор касается событий в их ближайшем окружении, и даже если они выбирают локальные известия, это часто сведения более сенсационного или развлекательного характера [4, с. 109]. Глобальная сеть характеризуется почти неограниченной пропускной способностью. Можно сказать, что по сравнению с объёмом даже самой крупной газеты потенциал бесконечно больше. Поэтому нам не нужно делать ненужный выбор контента, мы можем предлагать получателям гораздо больше, чем на любом другом носителе. Однако эта свобода также имеет свои недостатки, которые мы можем назвать общим информационным хаосом. Контент, который действительно важен, полезен для граждан, может быть маргинализирован, становится, казалось бы, более привлекательным, интересным или сенсационным. Поэтому можно констатировать, что с точки зрения создания гражданского общества, стимулирования местной деятельности или

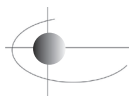
даже создания знаний о непосредственной окружающей среде, интернет-источники хороши для людей, сознательно ищущих ценную информацию, которая может быть основой их действий.

Конечно, потенциально интернет является идеальным средством для осуществления двусторонней коммуникации, гражданского диалога, поощрения людей выражать своё мнение по разным темам, обсуждать разные вопросы с властями и друг с другом. Однако следует отметить, что эти возможности слабо используются местными органами власти. Мы более охотно используем инструменты для «копирования» печатных материалов в интернете, таких как веб-сайты, в то же время демонстрируя довольно мало активности в социальных сетях или других каналах, которые обеспечивают двустороннее общение или даже качественно отличаются от сухих данных, таких как блоги [6, с. 26–27]. Социальные медиа, которые могут быть идеальной платформой для такого диалога, также используются в ограниченной степени, что связано, в частности, с тем, что нет людей, которые могли бы реагировать на возникающие комментарии или сообщения. Таким образом, интернет-СМИ во многих местах остаются лишь дополнением к контенту, доступному в печатной прессе, а не качественным расширением.

Чтение прессы становится всё более элитарным. Люди, которые образованны, активны, осознают свои потребности, используют разные источники информации, но пресса остаётся для них очень важной. Это не означает, что нужно отказаться от публикации местной прессы или направить её исключительно на элиты. Скорее, следует стремиться к тому, чтобы как можно больше людей использовали её и считали ценным и заслуживающим доверия источником местной информации. Поэтому нет сомнений в том, что местная пресса по-прежнему необходима, власти должны её продвигать и стараться сделать её максимально привлекательной для граждан. Необходимо позаботиться также о других СМИ, чтобы они стали способом не только передачи информации, но и реального диалога между жителями и властями, который пока заменяется разговорами с другими людьми и слухами, не превращаясь в настоящую активность.

Список литературы

1. Dolnicki B. Obywatelska inicjatywa uchwałodawcza jako nowa forma partycypacji obywateli w podejmowaniu rozstrzygnięć publicznych na poziomie lokalnym. B: Partycypacja obywateli i podmiotów obywatelskich w podejmowaniu rozstrzygnięć publicznych na poziomie lokalnym. M. Stęć, M. Mączyński. Warszawa, 2012.

2. Dworak J. Komunikacja jednostek samorządu terytorialnego z otoczeniem społecznym (przykład powiatu tucholskiego). B: Samorząd w systemie demokracji obywatelskiej. Wybrane problem / ред. R. Kmiecik. Toruń, 2014.
3. Gierula M. Skutki społeczne zmiany przestrzeni lokalno-regionalnych mediów periodycznych. Między tradycyjnym a wirtualnym modelem. Przypadek Śląska. B: Rozwój Internetu a zmiany w mediach, systemach medialnych oraz społecznych / ред. A. Jaskiernia, K. Gajlewicz-Korab. Warszawa, 2016.
4. Kantyka Z. Konwergencja mediów a polityczna sfera życia publicznego. B: Konwergencja mediów masowych i jej skutki dla współczesnego dziennikarstwa / ред. Z. Oniszczyk, M. Wielopolska-Szymura. Katowice, 2012.
5. Kępa-Mętrak J. Prasa samorządowa w polskim systemie medialnym. Kielce, 2015.
6. Kuca P. Nowe media jako narzędzia polityki komunikacyjnej w samorządzie terytorialnym. Doświadczenia podkarpackie. B: Lokalne komunikowanie polityczne / ред. W. Furman, P. Kuca. Rzeszów, 2013.
7. Oleński, J. Ekonomia informacji. Metody. Warszawa, 2003.
8. Peter-Bombik K., Szczudlińska-Kanoś A. Zarządzanie partycypacyjne we wspólnotach lokalnych // Prace naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu № 391. Gospodarka lokalna w teorii i praktyce. Wrocław, 2015.
9. Sakowicz M. Modernizacja samorządu terytorialnego w procesie integracji Polski z Unią Europejską. Warszawa, 2007.
10. Sartori G. Teoria demokracji. Warszawa, 1994.
11. Szostok P. Poczucie podmiotowości komunikacyjnej w samorządzie terytorialnym w Polsce. Toruń, 2017.
12. Szostok P., Rajczyk R. Komunikowanie lokalne w Polsce. O polityce komunikacyjnej samorządów. Katowice, 2013.
13. Śliwczyński W. Gazeta lokalna a Internet. B: Media lokalne i regionalne – nierozwiązane problemy, nowe wyzwania / ред. D. Bychawska-Siniarska, D. Głowacka. Warszawa, 2013.
14. Turska-Kawa A. Wybory samorządowe w świadomości społecznej – postawy, zaangażowanie, percepcja. B: Wybory samorządowe. Katowice, 2011.

Статья поступила в редакцию 10.05.2018; принята к публикации 24.06.2018

Библиографическое описание статьи

Шосток-Новацка П. Чтение местных газет и гражданская активность в Польше // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 85–91. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-85-91.

Patricia Shostak-Nowacka,
Candidate of Humanities,
University of Silesia in Katowice
(12 Bankowa st., Katowice, 40-007, Poland),
e-mail: Patrycja.szostok@gmail.com

Reading local press and civic engagement in Poland

The aim of the article is to answer the question, what instruments of communication, used by local governments, increase the participation of the society and what role plays the local press in this process? In recent years the research of mass media confirms the decline of readership of the press in general, and the circulation of the local press falls also. At the same time, civic activity at the local level is unsatisfactory. Despite the development of Internet and bilateral communication, citizens are not active participants in the dialogue with the authorities. The research carried out in 2016 on the local communities of the Śląskie Voivodship (a survey of 500 people) shows that it is true that people most often learn about the immediate environment from conversations with other residents and the Internet. However, people who are characterized by the highest activity in the local environment, consider the local press as the most important source of information. The results of the research may be useful for people responsible for designing of communication in local governments as well as for politicians who consider on the legitimacy of publishing local government press, which arouses numerous controversies in Poland. Undoubtedly, local communities need the local press, including the press of the local government. The average activity of those who consider the press to be the most important source of information is 2.8 and those who prefer conversations with other people – 2.5 (the dependence is statistically confirmed). However, it is necessary to ensure the quality of the local press, so that it is an interesting source of information not only for the most active citizens, but for wider groups of local communities.

Keywords: local press, communication policy, public participation, civic engagement, Poland

References

1. Dolnicki, B. Civic decision-making initiative as a new form of citizen participation in the adoption of rich use at the local level. Q: Participation of citizens and legal entities of citizens in the adoption of a rich use at the local level. M. Stec, M. Monchinski. Warsaw, 2012. (In Polish)
2. Dworak, J. Connection of local self-government units with the social situation (example of tukhol district). Q: local self-Government in the system of civil democracy. Selected issues. Red. R. Kmiecik. Tver, 2014. (In Polish)
3. Gierula, M. Social Consequences of changes in the space of local-regional media, periodicals. Between traditional and virtual model. The Case Of Silesia. Q: development of the Internet and changes in the media, media and social systems. Red. A. Jaskiernia, K. Gajlewicz-The Ark. Moscow, 2016. (In Polish)
4. Kantyka, Z. Convergence of mass media and political sphere of public life. Q: the Convergence of the media and its implications for modern journalism. Ed. Z. Oniszcuk, M. Wielopolska-Szymura. – Moscow: science, 1983. (In Polish)
5. Kempa-Mętrak J. local government Press in the Polish media system. Kielce, 2015. (In Polish)
6. Kuca, P. New media as a tool of communication policy the self-government authorities. The experience of Orenburg. Q: Local political communication. Ed. V. Furman, R. Duck. Omsk, 2013. (In Polish)
7. Oleński, J. Economics of information. Method. Moscow, 2003. (In Polish)
8. Peter-Bombik, K., Szczudlińska-Kanoś, A. collective Management in local communities. Scientific works of the University of Economics in Wrocław № 391: "local Economics in theory and practice". Wrocław, 2015. (In Polish)
9. Sakovich, M. Modernization of local self-government in the process of integration of Poland with the European Union. Moscow, 2007. (In Polish)
10. Sartori, G. Theory of democracy. Warsaw, 1994. (In Polish)
11. Shostak, P. Sense of subjectivity in the context of territorial self-government in Poland. Tver, 2017. (In Polish)
12. Szostok, R. Rajczyk, R. The Interaction of local in Poland. About communication policy of local governments. Moscow: Science, 1983. (In Polish)
13. Sliwinski, V. The local newspaper and the Internet. Q: local and regional Media – unsolved problems, new challenges. Ed. D. Bychawska-Siniarska, D. Głowacka. Warsaw, 2013. (In Polish)
14. Turska-Kawa A. Local government elections in social awareness – attitudes, commitment, perception. B: Local government elections Katowice, 2011. (In Polish)

Received: May 10, 2018; accepted for publication June 24, 2018

Reference to the article

Shostak-Nowacka P. Reading local press and civic engagement in Poland // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 85–91. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-85-91.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ORIENTAL STUDIES

УДК 398(517.3)

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-92-97

Баир Сономович Дугаров,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: khairkhan@mail.ru

Аспекты образа Хормусты в монгольской мифологии

В статье исследуются аспекты образа Хормусты и его трансформация в системе монгольской религиозной мифологии – буддийской и шаманистской в связи со значительной ролью буддизма в истории Центральной Азии. Автор в первую очередь обращает внимание на уйгурский буддийский фактор, оказавший заметное влияние на мировоззрение монголов XIII–XIV веков. В связи с этим, согласно данным сравнительного анализа, возникает двоякая адаптация образа Хормусты в уранических воззрениях монголов. В первой из них Хормуста, идентичный индийскому Индре, считается главой тридцати трёх тэнгриев, обитающих на вершине горы Меру – буддийского Олимпа. В шаманской же традиции Хормуста в результате слияния его образа с Хухэ Мунхэ тэнгри воспринимается как верховное божество неба. В связи с широким распространением в Монголии в конце XVI века тибетского буддизма и утверждением его на государственном уровне образ Хормусты претерпевает значительную эволюцию и оттесняется на второй план буддийскими персонажами индо-тибетского происхождения. В целом буддийско-шаманская бивалентность Хормусты, являющаяся продуктом исторически сложившихся обстоятельств, составляет его теологический феномен в галерее евразийских божеств.

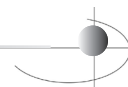
Ключевые слова: ранний буддизм, уйгурский культурный фактор, Хормуста, монгольская мифология, тибетское влияние, Центральная Азия

Введение. Согласно историческим данным, уйгурский культурный фактор, будучи форпостом раннего буддизма и проводником индо-буддийской культуры в Центральной Азии, сумел оказать значительное влияние на мировоззрение монголов XIII–XIV веков. Именно с уйгурским буддизмом связана трансформация образа Хормусты в религиозных представлениях монголов, характеризующихся двумя аспектами – буддийским и шаманистским. О последнем более подробно будет сказано ниже, где речь пойдёт об адаптации Хормусты в мифологии монгольского шаманизма.

Методология и методы исследования. Статья построена на использовании сравнительно-типологического и сравнительно-со-

поставительного методов, выявляющих эволюцию образа Хормусты и его амбивалентность в контексте уранических воззрений степных кочевников, испытавших разновременные влияния индо-буддийской религиозной мифологии в уйгурской и тибетской интерпретации.

Результаты исследования и их обсуждение. В системе буддийской космологии монголов Хормусте отводится достаточно чётко очерченный статус главы тридцати трёх тэнгриев (монг. *Гучин гурбан тэнгри*), именуемых на санскрите траястринса. Их небесная страна – тэнгриин орон – расположена на вершине горы Меру, или Сумеру (монг. *Сүмбэр уула*) – центра буддийского мироздания. На ней, кроме богов-небожителей,

пребывают и другие существа, «стяжавшие буддийскую святость» и удостоенные перерождения в блаженном царстве тэнгриев, где жизнь отличается неземной продолжительностью и полна духовных наслаждений. Власть богов, сакрализованная небом, простирается и на всю землю. Исполнителями воли Хормусты служат четыре махараджа (монг. *махаранджа*), обитающие на четырёх сторонах (северной, восточной, южной и западной) горы Сумеру, у которых в подчинении находятся добрые гении-божества – покровители водно-земного пространства и астрального мира.

Напомним, что Индра в индуистской мифологии считается главой традиционных тридцати трёх богов, фигурирующих как его окружение (Индралока, «мир Индры») [7, с. 65–66]. Он возглавляет дэва – божественных обитателей вершины горы Сумеру (Меру), которые противостоят не-богам (асурам) и периодически вступают с ними в сражение (дуалистический мотив, характеризующий отношения данных мифологических персонажей). Как видим, семантико-функциональная идентичность Индры и Хормусты не нуждается в комментариях. Фактически речь идёт об одном и том же божестве, но обозначенном разными именами. Имя же Хормусты восходит к иранскому божеству Ахурамазда, что свидетельствует о древних контактах разноразличных культур под знаком буддизма.

Тождество Индры и Хормусты подкрепляется ещё и тем, что последний в монгольской мифологии выступает в роли бога-громовержца, подобно Индре, представленному в индийских мифах как божество грозового дождя, владыка грома и молнии. Примечательна в этом плане такая образная «совпадающая» деталь: небесная радуга именуется луком Индры (санскр. *Индрадхануш*) и Хормусты (монг. *Хормуста-йин номо*) [18, с. 56].

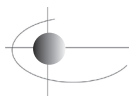
Следует уточнить, что в канонической буддийской мифологии махаяны и хинаяны главным божеством в траястринсе выступает Шакра, функционально тождественный ведийскому Индре, но в отличие от него преисполненный буддийской ревности и предрасположенный слушать проповеди будды Шакьямуни. Эти качества сближают его с уйгуро-монгольским Хормустой, который тоже является поборником буддийской морали вместе со своими тридцатью тремя божествами. Даже традиционная борьба тэнгриев с асурами из-за священного напитка рашьяны – мотив, также заимствованный из ведийской мифологии (оппозиция боги-дэва и асу-

ры-демоны), интерпретируется в буддийском духе. Исход дуалистического противоборства этих двух мифологических групп – антагонистов, олицетворяющих силы добра и зла, зависит от соотношения благих дел и грешных, творимых на земле. Поэтому тэнгри-небожители во главе с Хормустой покровительствуют людям – «блюстителям добродетели» и совершенствующим свою карму. Сам же Хормуста в монгольских буддийских сочинениях, связанных с уйгурской традицией, интерпретируется как «преисполненный двенадцатью деяниями Будды» и «хранитель вселенной» [Там же, с. 55].

Примечательно, что «влияние буддизма испытал и популярный в народе эпос “Гэсэр”, в котором благодаря индийской мифологии утвердилось понятие о тридцати трёх тэнгриях, возглавляемых Хормустой» [15, с. 217]. Речь в данном случае идёт о нумерологической формуле индо-буддийского пантеона в уйгурской редакции, нашедшей отражение в письменной, прошедшей ламскую цензуру, Гэсэриаде. Действительно, в монгольской эпосе представлен сонм безымянных абстрагированных богов, а их глава Хормуста выступает в роли монголизированного Индры/Шакры, действующего в небесном прологе по указке Будды.

Такова в общих чертах характеристика Хормусты и тэнгриев в буддийской концепции мироздания. Следует иметь в виду, что, судя по каноническим сочинениям, буддийская картина мира намного сложнее и требует подготовленного восприятия. Так, та же траястринса в иерархии буддийских миров составляет лишь одно из её звеньев, причём не самое высшее. А сами боги, несмотря на кажущееся бессмертие, так же находятся в плену сансары и подчинены, как и все живые существа, закону кармы [6]. Конечно, буддийская метафизика вряд ли могла быть доступна и понятна на уровне сознания простого монгола – кочевника, который стоял ближе к природе и воспринимал мир сквозь призму привычных для него натурфилософских представлений. Поэтому правомерно говорить и о народной мифологии буддизма, в которой образ Хормусты предстаёт в ином, трансформированном устной традицией свете.

Об этом свидетельствует миф о сотворении мира Хормуста-ханом по просьбе Бурхан Бакши (Будды). Примечательно, что он создаёт вселенную по буддийскому образцу. В середине мироздания устанавливается гора Сумбур-Ула, окружённая семью поясами морей и земель. На этих землях числом,

достигающим 20, располагаются обитатели реальных и мифологических существ. Так, верхний ярус из шести земель составляют небеса – царство тэнгриев, средний ярус (из четырёх земель) отводится людям, в нижнем пространстве, охватывающем восемь земель, простираются владения Эрлик-хана – властелина ада (тама). Есть ещё одна земля, принадлежащая животным, а последняя из земель населена биритами.

Более того, сотворение всего сущего на земле, человеческого рода и фауны также приписывается Хормуста-хану. Ему же обязаны «земляне» и появлением света, которое произошло в силу следующих обстоятельств. Люди тогда, будучи безгрешными, рождались от цветов, обладали крыльями и не нуждались в небесных светилах, так как от них самих исходил свет, освещавший землю. Но однажды они вкусили «запретного плода» (корень под названием «земляная шкура»), после чего узнали грех, лишились способности летать и излучать свет. Погружённые в кромешную тьму, люди обратили свои мольбы Хормуста-хану, который создал для них из горячего стекла солнце, а из холодного – луну [2, с. 12].

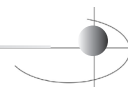
Вышеприведённые этиологические мифы и легенды, связанные с именем Хормусты, содержат, безусловно, элемент фольклоризации. Их следует рассматривать как своеобразную, в народном духе, интерпретацию представлений монгольских кочевников о буддийской космологии. Вполне понятно, что в них ощущаются реминисценции литературно-исторических источников, в частности буддийских и летописных произведений. Так, в мифе о мироустройстве прослеживается причудливое, свойственное устной традиции, отражение буддийской классификации одушевлённых существ, состоящих из шести разрядов – тэнгриев, асуров, людей, животных, биритов или прета (жителей преддверия преисподней, томящихся от голода и жажды) и обитателей ада. А в мифе о первооткрывателях земли и сотворении Хормустой небесных светил также угадывается его литературное происхождение. Сравним фрагмент из «Алтан тобчи» – монгольской летописи XVIII века: «Живые существа излучали свет, могли бывать на небе, были долголетними и вечными, как тэнгри», пока «от избытка счастья один жадный человек не съел целиком сок земли, примеру которого последовали другие люди. После этого у них исчезли изысканная пища и самосвещение тела» [1, с. 112–113].

Следует сказать, что в системе буддийской мифологии монголов первоначальный

образ Хормусты претерпевает существенную эволюцию. Он отходит на второй план, вытесняемый персонажами индо-тибетского происхождения, что связано с распространением в Монголии в конце XVI века тибетского буддизма. Его влияние на все сферы жизни кочевников, прежде всего духовную, мировоззренческую, приобрело тотальный необратимый характер. Так, роль демиурга – создателя мира и человека – приписывается уже бурхану Шагджитуби (от тиб. *Шакъятхупта* – *Шакьямуни*) или Будде. Об этом главном буддийском персонаже народное мифотворчество, в котором активное участие принимают и представители духовенства, создаёт целый цикл мифологических рассказов, не связанных с каноническим образом основателя буддизма [9, с. 268–275].

В мифах появляются и эсхатологические мотивы, очерчивающие миссию Майдари – грядущего будды как владыки нового, вновь им созданного мира. В качестве бога-громовержца, бывшей ипостасью Хормусты, выступает Очирвани – один из грозных докшитов, защитников веры в ламаизме, которому отводится функция творца в некоторых космогонических сюжетах. Выстраивается в духе ламаизма многоступенчатая иерархия мифологических существ во главе с пантеоном тибетских милостивых и гневных бурханов, среди которых фигурируют и обожествлённые исторические персонажи – Богдо Зонхава, Далай-лама и гэгэны – перерожденцы высшего ранга в буддийском духовенстве. Хормусте же с его «штатом» тридцати трёх тэнгриев отводится низшая позиция, определяемая недостаточной степенью святости по сравнению с сугубо буддийскими каноническими фигурами [2, с. 8–9].

Наряду с этим проявляется тенденция к «тибетизации» образа Хормусты, которая сводится к отождествлению его с одним из десяти высших хранителей – защитников буддизма – Цамба бурханом. Это божество, согласно буддийской иконографии, изображается богом-всадником, восседающим в белой одежде на белом коне и держащим в правой руке кинжал как знак для подавления врагов веры. Согласно легенде, «почитание Цамба бурхана способствует осуществлению помыслов, подобно родниковой воде, протекающей из источника» [18, с. 240]. Стремление к «подмене» имени Хормусты видно и на примере эволюции представлений о Чингисхане, которого прежде именовали «сыном Хормусты», а в более поздних летописных сочинениях под влиянием тибетской

традиции он именуется «перерождением Ваджрапани» [5, с. 55]. Сравним следующее афористическое выражение: «Чтобы владеть властью в Тибете, надо быть хубилганом Авалокитешвары, а в Монголии – хубилганом Очирвани (Ваджрапани – Б. Д.) подобно Чингисхану» [14].

Вместе с тем, говоря о Хормусте как о теологическом феномене, необходимо иметь в виду, что он в силу исторических обстоятельств приобрёл на монгольской почве шаманистскую ипостась в результате слияния его образа с Хухэ Мунхэ тэнгри. Эта контаминация привела к тому, что Хормуста становится верховным божеством в тэнгристском пантеоне монголов, сохранившем до нынешнего времени представление о девятинасти тэнгриях, разделённых на западных пятьдесят пять и восточных сорок четыре небожителя, что подтверждается в инвокациях современных монгольских шаманов [13, с. 75–78]. Об этом также свидетельствует публикация мифо-эпического «Сказания о кальпе» («Галвын ульгэр») [16, с. 9], которое как бы восполняет пробел в добуддийской мифологии монгольского мира, в основном представляемой Бурятией, являвшейся, по мнению Л. Лёрица, своего рода резерватом старинных монгольских мифов благодаря сохранности традиционной культуры, связанной с шаманизмом [17, с. 106].

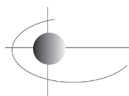
Таким образом, Хормуста как бог неба оказался более «родным» и органичным в системе монгольского шаманизма и народных верований, нежели в концептуально иной парадигме буддизма тибетского толка, где его уйгурское происхождение, связанное с космологией раннего буддизма, не очень вписывалось в пантеон ламаистской мифологии. В связи с этим небезынтересно отметить, что в ламаистской редакции иерархии божеств исполнителями воли Хормусты считаются так называемые дыбджиты (дэвжид), которых монголы почитают обрядом дэвжид сэргим – либацией (возлиянием или брызганьем) молока или чая [11]. Эти мифологические существа тибетского происхождения связаны с грозowymi и атмосферно-метеорологическими явлениями, которыми они управляют по велению Хормусты, в чём видится поздняя подмена его громовержеческой функции.

В мифологии же монгольского шаманизма Хормуста предстаёт прежде всего как цахилгаан тэнгэр – своего рода монгольский Зевс, атрибутом которого являются гром и молнии. Он – ниспосылатель небесной влаги, он – вершитель людских судеб. Что касается

шаманских ритуальных текстов, обращённых к ураническим божествам, среди них нередко упоминается имя Хормусты. Так, в одной из инвокаций он именуется «тэнгрием, всех создавшим» [10, с. 150], в чём не трудно усмотреть черты божества-демиурга, свойственные Хухэ Мунхэ тэнгри. Но следует уточнить, что в старинных обрядниках, составленных во время Чингисхана ещё до широкого распространения буддизма в Монголии, Хормуста не фигурирует. В поздних же редакциях он в результате контаминации с Хухэ Мунхэ тэнгрием замещает последнего, обретая черты божества общемонгольского масштаба [12, с. 11].

В то же время монгольский Хормуста сохраняет в себе следы уйгуро-буддийского происхождения и уживается с богами тибетского пантеона. Пожалуй, наиболее характерный в этом плане образец шаманской поэзии записан Б. Я. Владимирцовым во время его поездки в Монголию в первой трети минувшего столетия [3, с. 22–23, 32]. Данный текст отличает синкретический характер, свойственный в целом монгольскому шаманизму, испытывшему сильное влияние ламаистской мифологии. Сама инвокация начинается с обращения к буддийским божествам – Ваджрапани (Очирвани) и Манджушри, занимающим высокое положение в тибетском мифологическом пантеоне. Символично, что вслед за ними упоминается Хам Богдо Дайин Дэрхэ, или Даян Дэрхи, один из известных персонажей шаманской мифологии, считающийся гением-хранителем и патроном шаманских инициаций в Монголии. Что касается Хормусты, он традиционно называется в связке с тридцатью тремя тэнгриями, известными из буддийской космологии. Эта божественная трайстринса, напоминающая об уйгурском прошлом Хормусты, характеризуется хроматическим эпитетом «белый», указывающим на светлое духовное начало. С другой стороны, текст демонстрирует связь Хормусты с драконами, что имплицитно подчёркивает громовержеческую ипостась первого и его связь с шаманской традицией. Вместе с тем в том же культовом тексте с Хормустой соотносится выражение «грозный хранитель религии», под которой подразумевается буддизм. Подобная амбивалентность в трактовке образа Хормусты характерна и для молитвенных обрядников позднего происхождения.

Выводы. Таким образом, генезис образа Хормусты и его трансформация в религиозной традиции монголов показывает сложную эволюцию этого неординарного явления, связанного с этнокультурной исто-

рией Центральной Азии. Индо-буддийский субстрат в согдо-уйгурской религиозно-мифологической интерпретации, вошедший в соприкосновение с монгольским культом неба, составляет отличительную суть феномена Хормусты в галерее евразийских божеств. Поучительной представляется история теонима Хормуста, свидетельствующая о несовпадении этимологии этого слова с генезисом самого божества [4, с. 106–111], что также подтверждает своеобразие данной мифологической фигуры.

Наконец, говоря об «исконно монгольском» и «заимствованном», не следует проти-

вопоставлять их друг другу, поскольку оба они имеют значение и важны в мифологической системе. Как верно отмечает С. Ю. Неклюдов [8, с. 70], «мотив, сюжет или образ вообще может быть заимствован только в том случае, если для него есть место в заимствующей традиции». Это положение демонстрирует путь Хормусты в этнокультурном пространстве Азии и особенности метаморфозы его образа в монгольской мифологии. Следует подчеркнуть, что в целом образ Хормусты с его буддийско-шаманской бивалентностью является продуктом исторически сложившихся обстоятельств.

Список литературы

1. Балданжапов П. Б. Алтан тобчи: монгольская летопись XVIII в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 416 с.
2. Беннигсен А. П. Легенды и сказки Центральной Азии. СПб.: Граф А. П. Беннигсен, 1912. 168 с.
3. Владимирцов Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия. Л., 1927. Т. 2. С. 1–42.
4. Дугаров Б. С. Мифология бурятской Гэсэриады: западные тэнгри. Улан-Удэ: Респ. тип., 2007. 268 с.
5. История Эрдэни-дзу. Факсимиле рукописи / пер. с монг., введ., коммент. и прил. А. Д. Цендиной. М.: Вост. лит., 1999. 255 с.
6. Мялль Л. Э. Девалока // Мифы народов мира. М.: Сов. энцикл. 1991. С. 360.
7. Невелева С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). М.: Наука, 1975. 118 с.
8. Неклюдов С. Ю. Монгольская мифология: религиозные и повествовательные традиции // Мифология и литературы Востока. М.: Наследие, 1995. С. 67–77.
9. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. Вып. 4. 1029 с.
10. Терентьев-Катанский А. П. С Востока на Запад. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1990. 232 с.
11. Буддын шашин, соёлын тайлбар толь. Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл, 2000. Т. 1. 407 с.
12. Бум-Очир Д. Мөнх тэнгэрийн шүтлэг тахилга. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг ХХК-д хэвлэв, 2002. 123 с.
13. Бямбадорж Д. Мөнх тэнгэрийн шашин бөө мөргөл. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг ХХК-д хэвлэв, 2006. 270 с.
14. Mongyol ger-ün soyol. Ulayān gad-a gota, 1996. 200 с.
15. Гэсэр. Удиртгал, тайлбар бичсэн Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1986. 222 с.
16. Dulam S., Vacek J. A Mongolian Mythological Text. Praha: Univerzita Karlova, 1983. 152 p.
17. Lőrincz L. Die Mongolische Mythologie // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1972. T. XXVII. Pp. 103–126.
18. Sükhebayatur O. "Khormusta" kemekü üge-yin yarul-un tukhai // Mongol kele udkha jokiya. Khühe-Khot, 1995. № 1. Pp. 25–240.

Статья поступила в редакцию 02.02.2018; принята к публикации 20.03.2018

Библиографическое описание статьи

Дугаров Б. С. Аспекты образа Хормусты в монгольской мифологии // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 92–97. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-92-97.

Bair S. Dugarov,
*Doctor of Philosophy, Leading Researcher,
 Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
 (6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
 e-mail: khairkhan@mail.ru*

Aspects of the Khormusta Image in Mongolian Mythology

The article examines the aspects of the Khormusta image and its transformation in the system of Mongolian religious mythology – Buddhist and shamanic – due to the significant role of Buddhism in the history of Central Asia. First, the author draws attention to the Uighur Buddhist factor which had a noticeable influence on the worldview of the Mongols in the 13th and 14th centuries. In relation to this, according to the comparative analysis, there is a twofold adaptation of the image of Khormusta in the uranian views of the Mongols. In the first one, Khormusta who is identical to Indian Indra is considered the head of thirty-three tengries living on the summit of Mount Meru – the Buddhist Olympus. By contrast, in the shamanic tradition, Khormusta is perceived as a supreme deity of the sky due to the merger of his image with Khukhe Munkhe tengri. Because of the wide spread of Tibetan Buddhism in Mongolia in the late 16th century and its affirmation at the state level, the image of Khormusta undergoes a significant evolution and is pushed in the background by Buddhist characters of Indo-Tibetan origin. In general, the Buddhist-shamanic bivalence of Khormusta, which is the product of historically developed circumstances, constitutes his theological phenomenon in the gallery of Eurasian deities.

Keywords: early Buddhism, Uighur cultural factor, Khormusta, Mongolian mythology, Tibetan influence, Central Asia

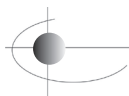
References

1. Baldanzhapov, P. B. Altan tobchi. Ulan-Ude: Bur. kn. izd-vo, 1970. (In Rus.)
2. Bennigsen, A. P. Legends and tales of Central Asia. SPb: Izd-vo graf A. P. Bennigsen, 1912. (In Rus.)
3. Vladimirkov, B. Ya. Ethnological and linguistic studies in Urga, Urgen and Kenteisk districts. Severnaya Mongolia. V. 2. L., 1927: 1–42. (In Rus.)
4. Dugarov, B. S. Mythology of Buryat Geseriada: Western Tengri. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2007. (In Rus.)
5. History of Erdeni-dzu. Facsimile manuscript. Transl. from Mongolian., introd. by A. D. Tsendina. M: Vost. lit., 1999. (In Rus.)
6. Myall', L. E. Devaloka. Myths of the peoples of the world. M: Sovetskaya entsiklopediya, 1991. (In Rus.)
7. Neveleva, S. L. Mythology of the ancient Indian Epic (pantheon). M: Nauka, 1975. (In Rus.)
8. Neklyudov, S. Yu. Mongolian mythology: religious and narrative traditions. Mythology and literature of the East. M.: Nasledie, 1995. (In Rus.)
9. Potanin, G. N. Essays of Northwest Mongolia. Is. 4. SPb: Tipografiya V. Kirshbaum, 1883. (In Rus.)
10. Terent'ev-Katanskiy, A. P. From the East to the West. M: Nauka. Gl. red. vost. lit., 1990. (In Rus.)
11. Buddyn shashin, sojolyn tajlbar tol'. T. 1. Ulaanbaatar: Ongot hevlel, 2000. (In Mong.)
12. Bum-Ochir, D. Monh tengeriyn shutleg tahlga. Ulaanbaatar: Monhijn useg HHK-d hevlev, 2002. (In Mong.)
13. Bjambadorzh, D. Monh tengeriyn shashin boo morgol. Ulaanbaatar: Monhijn useg HHK-d hevlev, 2006. (In Mong.)
14. Mongyol ger-ün soyol. Ulayan gad-a gota, 1996. (In Mong.)
15. Geser. Udirtgal, tajlbar bichsen C. Damdinsuren. Ulaanbaatar: Ulsyn hevlelij gazar, 1986. (In Mong.)
16. Dulam, S., Vacek J. A. Mongolian Mythological Text. Prague: Univerzita Karlova, 1983. (In Polish)
17. Lörincz L. Die Mongolische Mythologie. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. V. XXVII (1). Budapest, 1972: 103–126. (In Polish)
18. Sükhebayatur O. «Khormusta» kemekü üge-yin yarul-un tukhai. Mongol kele udka jokiyal. No 1. Khühe-Khot, 1995: 25–32. (In Polish)

Received: February 2, 2018; accepted for publication March 20, 2018

Reference to the article

Dugarov B. S. Aspects of the Khormusta Image in Mongolian Mythology // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 92–97. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-92-97.

УДК: 811.512.31

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-98-107

Раиса Гандыбаловна Жамсаранова¹,
доктор филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: rebecca_zab@mail.ru

Намсалма Чимитовна Будаева²,
соискатель,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: budaeva41@mail.ru

Тибетская антропонимия рода Зун-Хуацай хори-бурят

Статья посвящена анализу и обзору тибетских антропонимов, выписанных из ревизской описи рода Зун-Хуацай хори-бурят из фондов Государственного архива Забайкальского края. До настоящего времени ревизские описи специальному анализу в целях установления этноязыковой принадлежности части исторической антропонимии одного из родовых сообществ восточной группы бурят не подвергались. Известно, что восточные буряты имеют в основном имена тибето-монгольского языкового происхождения, что обусловлено принятием буддизма с XVI века. В статье представлен краткий обзор записей засак-ламы Г. Гомбоева, которые введены в научный оборот Г. Н. Румянцевым в труде «Архив засак-ламы Г. Гомбоева». Этот труд представляет собой определённую ценность в понимании некоторых фактов по истории буддизма в Бурятии и Забайкалье. Исследование ревизских описей бурят как инородческого населения 1830–1831 годов, именно рода Зун-Хуацай, позволило выяснить наличие тибетских имён в количественном и качественном отношении. Посредством сопоставительного и описательного методов в статье проанализирован свод антропонимов-тибетизмов, а также представленные отдельной группой так называемые исторические имена и их производные с неявной семантикой. Таких имён немного, однако их наличие в ревизской описи хори-бурят может являться доказательством иноязычных элементов в этногенезе бурят.

Ключевые слова: антропоним, род Зун-Хуацай, ревизские описи, Агинская степная дума, неявная семантика имён, тибетизмы

Введение. В последние десятилетия отечественных учёных интересуют вопросы становления региональной антропонимики. Только введение в научный оборот множества текстов различных территорий нашей страны, включающих значительное количество личных имён и фамилий, поможет представить реальную картину формирования антропонимической системы как в целом, так и отдельного народа [6].

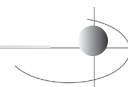
О языковом происхождении антропонимов бурят написано филологами много и подробно (см. работы Н. Б. Алдаровой [1], А. Л. Ангархаева, Л. Б. Бадмаевой [2; 3], Б. Б. Батуева, Т. А. Бертагаева, Д.-Н. С. Ду-

гарова, Р. Н. Дугарова, Б. Р. Зориктуева, Н. Л. Жуковской [10], И. А. Ламожаповой, А. Г. Митрошкиной [11; 12], Д. Д. Нимаева, Г. Н. Румянцева, Г. Д. Санжеева, Ц. Б. Цыдендамбаева [19], а также справочные материалы)³. Известно, что в бурятском антропонимиконе прослеживаются тюркизмы, фарсизмы, арабизмы, тунгусо-маньчжуризмы, тибетизмы, имена из русского антропонимикона, а также элементы других языков. Л. Б. Бадмаева пишет, что в целом «антропонимия (личные и фамильные имена) – важный пласт ономастического материала. Научная ценность личных имен заключается в том, что нередко они являются единственными сви-

¹ Р. Г. Жамсаранова – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и описывает эмпирические результаты анализа архивного документа.

² Н. Ч. Будаева предоставила результаты поисковой работы с архивным документом.

³ Справочник личных имён народов РСФСР: рек. Министерством юстиции РСФСР в качестве практ. пособия для работников органов ЗАГС РСФСР / под ред. А. В. Суперанской, Ю. М. Гусева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1979. – 572 с.

детельствами, дошедшими до нас из глубины веков и сохранившими то, что уже ушло из языка в качестве нарицательных имён» [3, с. 79].

Ввиду отсутствия письменных памятников раннего периода истории бурят трудно с достаточной определённой говорить о древней ономастике бурят, о происхождении бурятских имён. Однако в народной памяти с давних времён сохраняются имена предков, особенно по отцовской линии, которые, как правило, заучивались наизусть, т. е. передаваясь изустным путём.

Вследствие разрушения основ родовых традиционных устоев общества традиция эта во многом утрачена. Замечено, что только в отдельных семьях, особенно с шаманским прошлым, практикуется знание имён всех предков как патрилинейно, так и матрилинейно, т. е. имена всех предков по отцу и матери.

В настоящее время мало людей, знающих имена своих предков до 25-го колена по мужской линии. По женской линии, как правило, имена предков не имели такого сакрального значения для рода, поэтому им не придавалось должного значения. Генеалогию по материнской линии практически не знают. Отсутствовала практика изустной традиции их повторения, а потому и заучивали наизусть родословную по материнской линии. Однако только в последнее столетие и только в связи с ренессансом культуры бурят стали считаться с родством по линии матери, полагая, что «материнская линия сильная, благородная»: «нагасын тэнгэри ехэ!» букв. – «род матери велик!».

При этом исследователю исторической антропоники известно, что, как и в любом разделе ономастики, в антропоники любого народа имеются такие имена собственные, которые часто относят к именам с «затемненной семантикой», т. е. те имена, семантика которых не связана с традиционным именем. Подобные имена имеют очевидное иноязычное происхождение, представляя тем самым одну из сложных и неразрешённых проблем в антропоники. Наиболее «близким» антропонимическим пластом в бурятском антропонимиконе после монгольского является, естественно, тюркоязычный [см.: 14; 15].

Наиболее полное описание бурятского антропонимикона дано А. Г. Митрошкиной в её работе «Бурятская антропонимия» (1987), в которой исследуются имена бурят, преимущественно западной группы, «функциониру-

ющие в устной традиции за последние 400 лет (XVII–XX вв.)» [11].

В отношении антропонимического состава хори-бурят как восточной группы бурят известно, что антропонимы хори-бурят в основном тибет-монгольского языкового происхождения. Бурятские имена-тибетизмы по их апеллятивному основанию впервые описал Ц. Б. Цыдендамбаев [19], исследовавший 64 простых имени, пользуясь переводом Н. Жамбалсурена. В общем описаны имена хори-бурят в учебном пособии И. А. Ламожаповой¹. При этом следует отметить, что до настоящего момента исторический антропонимикон отдельного рода, зафиксированный в архивных документах, специальному исследованию не подвергался, за исключением нескольких авторских статей.

Последние ономастические исследования Восточного Забайкалья дают основание для детального изучения исторического антропонимикона хори-бурят на предмет выявления тех имён личных, которые бы были связаны с вопросом этногенеза или их исторических связей и контактов. Исследование этнонимии, экзонимных имён, например, *хамниган* в среде агинской этнотерриториальной группы хори-бурят, а также лексико-семантических параллелей бурятского и селькупского языков подводит к возможности определения субсубстратного компонента (помимо тюркоязычного, тунгусо-маньчжурского и монгольского) в этногенезе бурят – самоедоязычного [см.: 9].

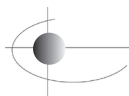
Методология и методы исследования.

Статья посвящена обзору исторической антропоники отдельного рода Зун-Хоацай (иногда Зун-Хуацай или Зун-Хоацайский) хори-бурят, в которой затронут один из чрезвычайно любопытных вопросов с точки зрения происхождения хори-бурят, – тибетская антропонимия хоринских родов по материалам ревизских описей инородческого населения XVIII–XIX веков Государственного архива Забайкальского края.

В данной статье представлены имена зун-хуацайского рода 1830–1831 годов². Всего нами переписаны 1648 имён и их производных. Первичный сопоставительный анализ антропонимов этого рода позволил констатировать наличие тибетизмов в антропоники бурят рода Зун-Хуацай, выбранных из обще-

¹ Ламожапова И. А. Исконные личные имена у монгольских народов: структура, семантика: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Чита: ЗабГГПУ, 2008. – С. 13–14; 77–108.

² ГАЗК. – Ф. 284. – Оп. 1. – Д. 50.

го антропонимического материала ревизских описей рода Хуацай (1831, 1858).

Результаты исследования и их обсуждение. В ревизской описи рода Зун-Хуацай зафиксировано около 517 антропонимов-тибетизмов, из которых 194 простых (односоставных) мужских имени, 64 простых женских. Например, простые мужские имена с их производными: Буда, производные Будаин или Будын/Будаяев; Бато, производные Батуев или Батоин/Батоев; Нима, Нимын или Нимаин/Нимаев; Гарма, Гармын или Гармаин/Гармаев; Жамсаран, Жамсарано или Жамцарано/Жамсаранов; Дамба, Дамбаин или Дамбын/Дамбаяев.

Морфологический анализ односоставных антропонимов позволяет констатировать, что патронимный состав производных от антропонима можно разделить на 2 группы – собственно монгольские фамилии типа Будаин ~ Будын, Батоин; Нимын ~ Нимаин; Гармын ~ Гармаин; Жамсарано ~ Жамцарано; Дамбаин ~ Дамбын. Вторая группа фамильных образований «попала» под влияние морфологии русского языка. Например, в фамилиях типа Батуев ~ Батоев; Нимаев; Гармаев; Жамсаранов; Дамбаяев очевидно наличие суффиксального -ов/-ев русского языка. Это даёт основание для мнения о том, что по именнику 1830–1831 годов хори-бурят монгольская антропонимическая модель «уступает» место русской. Обусловлено это явление особенностями практики переписи, когда переписчику было проще записать фамилию не как, например, Будын/Будаин, а Будаяев. Однако современное состояние патронимии хори-бурят свидетельствует о частотности фамилий, состоящих из модели «антропоним + -ов/-ев» русского языка.

Из общего числа тибетских антропонимов рода Зун-Хуацай выделено 189 мужских сложных имён, 65 женских сложных имён. Под сложными именами имеются двусоставные и более, имена, представляющие сложные имена с морфологической точки зрения.

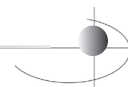
Традиционные бурятские имена чаще всего являются сложными, состоящими из двух или трёх корней, представляющих собой отдельные имена. Например, Цыренжаб (Цырен + Жаб), Будажаб (Буда + Жаб), Цырендоржо (Цырен + Доржо). При этом в семантике этих имён проявляется очевидное религиозное значение.

Другим аспектом данной статьи является выборка и описание наиболее частотных антропонимов рода Зун-Хуацай тибетского языкового происхождения.

Из общего числа мужских имён рода Зун-Хуацай чаще всего встретились в ревизской описи следующие имена тибетского языкового происхождения: Абида, Бадма, Согто (Цогто), Ирдыни (Эрдыни). Например, производных от имени БАДМА – 37 единиц. Приведём несколько генеалогических ветвей: Аюша Сырембуйев, его сын Бадма Аюшиев; Кулук Адаев, его сын Бадма Кулуков; Бадма Одон Адаев; Сыбык Тойсуев, его сыновья: 1-й Галдан, 2-й Бадма Сыбыковы; Морхосон Гарсинов, его сыновья: 1-й Насоту, 2-й Бадма Морхосоновы; Сакия Урбаяев, его сын Бадма Сакияев; Бадма Тогтохияев, его сын Намсарай Бадмаяев; Роман Зортоев, его сын Бадма Романов; Абида Сырембуйев, его сын Бадма Абидаев; Санжи Шорхоев, его сын Бадма Санжиев; Гарату Кудариев, его сыновья: 1-й Сундари Гаратуев, 2-й Бадма Сундариев; Дашуп Дылгыров, его сын Жалсан Дашупов; его сыновья: 1-й Лопхой Жалсанов, 2-й Лопхоев Бадма; Дарбай Зориктуев, его сыновья: 1-й Кулыр, 2-й Бадма Дарбаяев; Зымген Хотоктуев, его сыновья: 1-й Сыбык, 2-й Бадма Зымгеновы; Бадма Галчиев; Дылгыр Налганцаев, его сыновья: 1-й Бадма Дылгыров; 2-й Сыремпил Бадмаяев; Бадма Бардаяев; Бадма Башкиров; Димыт Бадма.

От имени ДУГАР – 22 единицы: Дугар Намнаяев, его сын Жирантай Дугаров, его сыновья: 1-й Сокто Жирантаяев, 2-й Аюрзана Жирантаяев, 3-й Базар Жирантаяев; братья Дугара Намнаяева – Григорий Намнаяев, его сыновья: 1-й Алексей Ханзай Григорьев, 2-й Кулыр Улахан Григорьев, 3-й Оликцей-Обоши Григорьев; Гонжодхой Ногусанов, его сын Жарантай Гонжодхоев, его сын Даши Жарантаев; Зодбо Гонжодхоев, его сын Шагдур Зодбоев; Бальжир Гонжодхоев, его дочери: 1-я Дугар Бальжирова, 2-я Дулма Бальжирова; Дугар Соктоев; Аюша Соктоев, его дочери: 1-я Дугар Аюшиева, 2-я Пильжит Аюшиева, 3-я Намжил Аюшиева.

От имени СОГТО (ЦОГТО) – 34 единицы: Доной Тугутов, его сыновья: 1-й Дондок Доноев, 2-й Сокто Дондоков; брат Доной Тугутова Далай Тугутов, его сын Сырымпил Далаев; Сокто Намнаяев; Сыбык Батуринов, его сын Сокто Сыбыков, его сыновья: 1-й Санжи Соктоев, 2-й Аюша Соктоев, его сыновья: 1-й Санжи Аюшиев, 2-й Болот Аюшиев; брат Сыбык Батуринова Сокто Сыбыков; Шопхо Садаев, его сын Сокто Шопхоев, его сын Дугар Соктоев; Поргожи Кудуриев, его сыновья: 1-й Сокто Поргожиев, 2-й Субан Поргожиев, его сын Очир Субанов; Сокто Букуев, его сыновья: 1-й Тормен Соктоев, 2-й Шагдур Сок-

тоев; Донор Арсалонов, его сын Сокто Доноров; Сокто Сыренов, его сын Шагдур Соктоев; Зорикту Насунов, его сын Мажит Зориктуев, его сын Сокто Мажитов; Гомбо Соктоев, его сын Сыремжит Соктоев.

От имени ИРДЫНИ (ЭРДЭНИ) – 28 единиц: Соба Тороев, его сын Ирдыни Собоев, его сыновья: 1-й Барду Ирдыниев, 2-й Мандал Ирдыниев; Урелту Нагусанов, его сын Ашиту, его дочери: 1-я Ирдыни Ирдыниева, 2-я Ринчин Ирдыниева; брат Хоякту Боршуева Аюша Боршуев, его дочь Ирдыни Аюшиева; Содбо Букуев, его сын Ирдыни Содбоев; Тумутей Модоров, его сын Ирдыни Тумутеев; Зургадай Олтуев, его сын Ирдыни Зургадаев, его сыновья: 1-й Соноши Ирдыниев, 2-й Бадма Ирдыниев, 3-й Очир Ирдыниев; Ирдыни Абидаев; Ирдыни Арбакиев, его сын Гарма Ирдыниев; Ирдыни Галшиев; Буянту Босоев, его сын Ирдыни Буянтуев; Юмсун Боршуев, его сын Ирдыни Юмсунов.

От имени АБИДА – 20 единиц: Абида Шинтаев, его сын Орги Абидаев, его сын Мунку Оргиев; Абида Сырембуев, его сын Бадма Абидаев; Манзар Мулуев, его сын Абида Манзаров; Абида Митхыев, его сын Очир Абидаев; Засол Боршуев, его сын Абида Засолов; Хацанат Аюгеев, его сын Санжи Хацанатов, его сыновья: 1-й Одон Хацанатов, 2-й Ламажап Хацанатов, его дочь Абида Ламажапова; Алактил Аюгеев, его сыновья: 1-й Хобиту Алактиева, его сын Ирдыни Хобитиев; 2-й Абиду Алактиева.

При этом следует отметить, что деление на так называемые мужские и женские имена отсутствует. Одно и то же имя может быть дано человеку как мужского, так и женского пола.

Все эти имена по своему семантическому значению могут быть отнесены к тибетским именам с дезидеративной семантикой. Предварительно из немногих источников, преимущественно научно-популярных, нами выписаны значения этих имён: Абида – «необъятный властелин рая»; Арсалан – «лев» (тюркизм); Бадма – «лотос»; Гомбо – «имя покровителя, защитника, хранителя веры»; Дугар – «белый зонт»; Ирдыни (Эрдэни) – «сокровище»; Зан (Зана) – «разум»; Намжил – «победитель»; Очир – «ваджра»; Ринчин (Иринчин) – «драгоценность»; Санжи(д) – «распространяющий чистоту»; Согто (Цокто) – «искристый, пламенный» и т. д.

Забайкальские буряты, территориально граничившие с Монголией, находились под влиянием восточной культуры и исповедовали буддизм. С проникновением в Бурятию буддизма в конце XVII – начале XVIII века

к забайкальским бурятам стали проникать иноязычные имена, как правило, тибетского и санскритского происхождения. Тибетскими по происхождению являются такие распространенные в именнике бурят имена, как Галсан – «счастье», «хорошая судьба»; Дамба – «высший»; Ешэ – «разум»; Доржо – «алмаз»; Самбуу – «хороший»; Балдан – «могущественный»; Содном – «добродетель»; Рэншэн (Ринчин/Иринчин) – «драгоценность»; Данзан – «опора религии»; Тушит – «великая сила магии»; Ламажап – «защищённый высшим» и т. д.

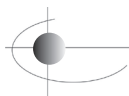
К санскритским по происхождению именам, проникшим к бурятам через посредство тибетского языка, относятся: Базар – «алмаз»; Буда – «просветлённый» или Будэ – «пробуждённый»; Гарма – «следствие»; Арья – «святой»; Зана – «разум»; Адия – «солнце» и т. д.

Наряду с приведёнными выше именами тибетского и санскритского происхождения у восточных бурят продолжали бытовать монгольские имена, например: Бата – «сильный» и «прочный»; Баатар – «богатырь» (тюрк.); Гэрэл – «свет»; Олзо – «находка»; Баян – «богатый»; Сэсэг – «цветок» и т. д.

У восточных бурят имели широкое распространение двойные имена (или двусоставные) типа: Цэбэг-Жаб – «бессмертный» + «защита, покровительство, убежище; эпитет Будды»; Лувсан-Жаб – «мудрый, учёный» + «защита, покровительство, убежище; эпитет Будды»; Цэрэн-Ханда – «долгая жизнь» + «шествующий по небу; эпитет Солнца» и т. д. Значительное число женских имён образовано посредством формантов -маа, -суу, которые присоединяются к именам не только тибетского происхождения, например Жэмэсмаа, Жаргалмаа, Галсамаа, Соёлмаа, Гэрэлсуу, Балмасуу и т. д.

Другим аспектом исследования исторической антропологии хори-бурят представляется обзор истории появления буддизма на территории Забайкалья. Ценным источником является труд Г. Н. Румянцева «Архив засак-ламы Г. Гомбоева» [16], в котором на основе «небольшого архива засак-ламы Галсана Гомбоева», хранящегося в фонде Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, дано описание содержательной части записок, «представляющих собой текущие документы, относящиеся к административным делам забайкальских дацанов».

Г. Н. Румянцев пишет о том, что развитие буддизма в Бурятии, Северной Монголии, Джунгарии, Туве и Забайкалье имело

непосредственную связь с распространением буддизма в Монголии в конце XVI – середине XVII столетий. Д. Мунхбат пишет, что количество монастырей и храмов в Монголии в конце XIX – начале XX века насчитывалось до 1140 единиц, где находилось на службе огромное число лам и послушников – 180 000 чел. из 225 000 чел. мужского трудоспособного населения, т. е. почти каждый второй. К началу XX века почти 65 % населения из общего числа населения (около 760 000–800 000 чел.) – 494 000 носили тибетские имена [13, с. 81].

Первые известия о бытовании буддизма у бурят стали известны посредством «Отписок» (1652) Петра Бекетова, где описана встреча с «царевичем Кунтуцином», кочевавшим по Селенге и Хилку [16, с. 4].

При заключении в 1689 году с пятью монгольскими и табунутскими тайшами договора об их переходе в русское подданство с послом Ф. А. Головиным было оговорено условие «избегать принудительного их крещения». Как писал Эспер Ухтомский, «новоприбывшие дорожили этим неперменным условием, потому что в числе их уже были ширетуи (начальствующие главные ламы), тогда как забайкальские инородцы почти поголовно ещё шаманствовали и не радели сознательно о сохранении веры» [18, с. 7–8].

В 1728 году при подписании Буринского трактата об установлении русско-китайской границы Саввой Рагузинским было предписано не пропускать в улусы бурят «чужих подданных, заграничных» лам, а «довольствоваться своими», т. е. теми, кто «после разграничения с Китаем остались на российской стороне», а также «выбирать оных (т. е. лам) между собой из каждого рода по два мальчика, благоразумных и к науке охотных, ...дабы верноподданным впредь в чужих ламах не было нужды...» [16, с. 5].

На основе изученных документов засак-ламы Г. Гомбоева Г. Н. Румянцев пишет, что буддизм среди бурят распространялся благодаря поддержке бурятских тайшей. «Первыми прозелитами нового учения сделался селенгинский тайша со своими сайтами и улусными людьми. В 1732 году в Цонгольском роде уже был главный лама. За селенгинскими бурятами в ламаизм перешли хоринские роды...» [Там же, с. 6].

При этом важно отметить, что этот период перехода от исконного шаманского верования к буддизму ещё не получил достаточного научного освещения в научной литературе. Однако известно художественное произведение «Десятый рабджун» бурятского писателя

Владимира Гармаева, где описана жестокая борьба шаманистов с представителями буддийской веры за возможность влиять на умы и сердца людей на изломном моменте истории бурят.

Г. Н. Румянцев пишет, что «с последней четверти XVIII в. количество лам в Бурятии возрастает с чрезвычайной быстротой. В 1741 г. в Забайкалье было 150 лам. В 1756 г. – 324; в 1774 г. – 617; в 1796 г. – 700; 1822 г. – 2600; в 1842 г. – 5545; в 1892 г. – 15000 человек» [Там же, с. 8]. Одновременно увеличивалось число буддийских дацанов и дуганов.

Исследователи-путешественники Миллер и Гмелин, посетившие Забайкалье в 30-е годы XVIII века, описывают замену прежних войлочных молелен деревянными зданиями, описанными как «небольшие деревянные дома, наподобие китайских капищ (пагод) построенные... Кроме капищ, имеют они много и часовен, маленьких, деревянных, посвящённых некоторым бурханам... Около и поблизости капищ имеют также священнослужители небольшие деревянные жилища, почему их жилища с капищами представляют вид монастырей» [5, с. 44].

Указы царского правительства способствовали, по мнению Г. Н. Румянцева, централизации церковного управления вообще, а также некоторым образом усилению авторитета лам в глазах бурят. «Так, в 1741 г. указом Елизаветы Петровны ширетуи Цонгольского дацана тибетца Агван Пунцук был признан главным ламой забайкальских ламаитов. Было утверждено 150 комплектных или штатных лам. Все они были приведены к присяге, освобождены от ясака и иных повинностей и получили права на беспрепятственную пропаганду своего учения среди бурятского и тунгусского населения Забайкалья» [16, с. 7].

Любопытно проследить численно-родовой состав бурятского населения. Мы уже ранее приводили эти цифры по родовому составу бурят [см.: 8]. В 1723 году в роду Киасей (Коацейский или Коацыйский) насчитывалось 240 «ясашных душ». При этом следует заметить, что считались только мужчины, достигшие определённого возраста. Из перечисленных 12 родов роды Киасей, Харгана и Кубдут были самыми многочисленными. Поэтому в последующем эти роды подразделились на Барун- и Зун-Хуацаевский, Барун- и Зун-Харганатский, Зун-Кубдут и Барун-Кубдут, где атрибуты *зүүн* и *баруун* означают «восточный» и «западный».

Численно-родовой состав инородцев бурят представлен в табл. 1.

**Численность инородцев кочевых и бродячих обоего пола по родам Иркутской губернии
Верхнеудинского округа, Ведомства Хоринской степной думы по ревизии 1831 г.**

<i>Названия родов</i>	<i>Всего душ муж./жен. пола</i>	<i>Кочевые крещёные инородцы/инородки</i>	<i>Итого</i>
Галзотский	1672/1652	15/14	3353
Кубдутский	1247/1352		2599
Гучитский	1158/1101		2259
Хараганатский	2673/2449		4122
Зун-Харганатский	1807/1765	20/25	3617
Барун-Харганатский	2084/2449		4533
Барун-Хоацайский	2084/2146		4230
Зун-Хоацайский	1978/1850		3828
Бодонгутский	1803/1874		3677
Батнайский	1 089/1125		2214
Зун-Кубдутский	2572/2480		5052
Цаганский	1114/1204		2318
Халбинский	1011/1007		2018
Худайский	1984/2010	30/17	4041
Шарайтский	1277/1352		2629
	23 369/26 816	121	50 306

По данным Б. О. Долгих, численность хори-бурят в 1692 году в общем составляла 6300 плательщиков ясака. В 1712 году окладных хоринцев насчитывалось 598 чел., неокладных – 286 чел., и новокрещёных – 10 чел., т. е. всего 894 чел. (трудоспособные мужчины). Общее число хоринцев в России в 1712 году он определяет в 6 тыс. чел., включив в это число холостых (не платящих ясак) и холопов. В 1732 году хоринцев было 1751 душа, а всего населения около 8,7 тыс. чел. Увеличение числа хоринцев Б. О. Долгих объясняет вхождением в их состав табунтов, монголов и тунгусов-гучитов. По принятии российского подданства вернувшихся из Монголии хоринцев общее число их в 1730–1732 годах достигло 13,7 тыс. чел., из которых 63 % были подданными Российской империи, а 37 % – подданными Китая [7, с. 332].

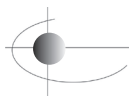
Впоследствии наблюдается постоянное увеличение численности хоринцев: в 1765 году – 15 955 мужчин, всего населения – около 32 000 чел. Та же цифра приводится и по данным четвёртой ревизии 1783 года [Там же, с. 334]. В 1766 году – 11 033 чел. мужского пола [17, с. 24]. По ревизии 1785 года хоринцев было 14 345 чел.; в 1811 году – 20 891 чел.; в 1816 году – 21 438 чел.; в 1822 году – 23 954 чел.; в 1831 году – 25 064 чел. [4, с. 173]. Следует отметить разночтение данных по ревизии 1831 года. Согласно архивным данным фонда № 284 Государственного архива Забайкальского края, бурят-инородцев насчитывается около 50 306 чел., т. е. разница почти в 2 раза по сравнению с цифрами, приведёнными в бурятских летописях. Возможно, что это обусловлено разными причинами как со стороны переписчиков ревизских душ, так и самих бурят-инородцев. Одни

стремились переписать как можно большее число потенциальных плательщиков ясака, другие пытались предоставить к переписи меньшее число людей, способных к уплате тяжкого бремени в виде ясачных поборов.

Нельзя не учитывать то, что состав бурят пополнялся за счёт так называемого тунгусского населения. До настоящего времени этот пришлый субстрат в этническом составе хоринских бурят изучен не полностью, имеется много «белых пятен», которые в какой-то мере могут быть выяснены детальным исследованием до-тибетских антропонимов, зафиксированных в ревизских описях и потому представляющих собой ценный факт.

В 1839 году была образована Агинская степная дума, и с этого времени хоринские роды Аги приобрели самостоятельность. По тексту «Доклада о происхождении одиннадцати хоринских родов» после 1824 года были различные переписи, во время которых агинский народ [население, проживающее в бассейне р. Ага – Р. Ж.] не хотел быть с народом Верхнеудинского острога и по решению господ губернских начальников в 1835 году был совершенно отделён [4, с. 174; 17, с. 3–5, 71]. В состав думы вошли восемь родов хоринцев: Галзут, Харгана, Хуацай, Хубдут, Шарайд, Худай, Бодонгут и Саган, отсутствует род Батанай, Гушад и Хальбин.

Дополнительно постановлением Иркутского совета № 21 от 2 марта 1839 года в Нерчинском округе Иркутской губернии Восточно-Сибирского генерал-губернаторства помимо учреждённой Агинской степной думы учредили в её составе 6 следующих инородных управ: Цугольская, Бырка-Цугольская, Могойтуевская (Усть-Могойтуевская), Тутхалтуевская (Тотхолтуевская), Кялинская (Ки-

линская) и Саган-Шелутаевская (Шолотуевская). От 7 ноября 1846 года была учреждена 7-я инородная управа ведомства Агинской степной думы – Тургинская. С 1851 года Нерчинский округ входил в состав Забайкальской области Иркутской губернии Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1870 году Агинская степная дума была отнесена к Читинскому округу Забайкальской области Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, с 1884 года – Приамурского генерал-губернаторства, а с 1900–1903 годов – Иркутского генерал-губернаторства. С 1 июля 1895 года в документах фонда № 284 встречается созданная позднее Барун-Хоацайская инородная управа, 8-я по счёту¹.

В этих ревизских сказках наблюдается появление уже русских имён крещёных бу-

рят – 52 единицы. В документе имеются так называемые «смешанные имена», когда имя или фамилия русскоязычные и наоборот – монгольско-тибетские: Очир Иванов, Иван Модоров, Михолай, Егор Ирытхыев, Степан Шолтин, Иван Пуртаев, Иликей Залбариев, Иликий Лупсанов, Иван Верхотуров, Максим Хошотхоев, Максимов Монсок, Тодо Петоров, Тимурши Улзуев, Алексей Халцай Григорьев и т. д. Помимо сведений о «принятии святого крещения» у инородцев-бурят, когда менялся и антропонимический состав, ревизские описи предоставляют ценный языковой материал о до-монгольском антропонимиконе бурят.

Для иллюстрации неоднозначности антропонимического состава бурят Зун-Хуацайского рода приведём данные табл. 2.

Таблица 2

Имя, фамилия	Возраст	Имя, фамилия	Возраст
1.Зала Дылгыров (было 27 лет по предыдущей ревизии), голова Цугольской инородной управы	46 лет	Зала Дылгырова, мать Манцун Намтуева	71 год
		Жена Янжима Соктуева	37 лет
		Его дочь Саманда бадари	9 лет
Залая сыновья: 1-й – Пунсук	15 лет		
2-й Иринчин Нима	13 лет		
3-й Дари-Жап	1 год		
1-й брат Зала Дылгырова Намсарай Дылгыров (было 26 лет по предыдущей ревизии)	45 лет	Намсарай Дылгырова, жена Мандун Зангяева	33 года
Его приёмш Намжил	новорождённый 1,5 мес.		
2-й брат Зала Дылгырова Лама Жимба Дылгыров (было 16 лет по предыдущей ревизии)	35 лет		
2.Тунчин Унтанов (было 51 год) умер в 1844 г.			
Его сыновья: Староста Гомбо Тунчинов (было 19 лет по предыдущей ревизии)	38 лет	Гомбо Тунчинова, жена Сынжит Сундураева	26 лет
Шагдур Тунчинов (было 17 лет по предыдущей ревизии)	36 лет	Шагдур Тунчинова, жена Донжит Сыренова	29 лет
		Его дочери: 1-я Бутит	6 лет
		2-я Пунжит	4 года

Из общего списка имён и их производных двух семей (головы и старосты) видно, что тибетские имена носят дети, названные Иринчин-Нима, Дари-Жап, Бутит, Пунжит (Бунжит), а прочие имена – имена взрослых типа Зала, Мандун, Зангя, Тунчин, Унта+ов имеют, возможно, не тибетское языковое начало. Данное означает, что к ревизии 1831 года влияние буддизма на сознание бурят имело естественное отражение в сложении тибетского антропонимического пласта в историческом ономастиконе бурят.

¹ ГАЗК. – Ф. 284. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 16–16 об.

Однако стоит отметить наличие в ревизских описях других имён, труднообъяснимых, явно не тибет-монгольского, а иноязычного происхождения, которые имеются в большом количестве в данном документе. Это следующие имена: Санони, Ладма, Хобо, Мулук, Догор, Насхой, Кузыхей, Буноо и т. д. Их языковое происхождение сложно установить, однако их наличие в историческом антропонимиконе рода Зун-Хоацай 1830–1831 годов вполне естественно и ожидаемо.

Ранее мы уже приводили свод исторических имён, выбранных нами из «Ре-

визской сказки 1850 г. Бырки-Цугольской инородной управы Агинской степной думы о состоящей мужского и женского пола на-личных душ инородцев Зунь Хоацайского

роду (мужские имена)», где выборка имён на букву «А» из всего документа показывает их до-тибетское языковое происхождение [8] (табл. 3).

Таблица 3

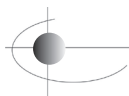
Имя собственное	Значение	Языковое происхождение
Абида, Абидаевъ	Абида – «необъятный властелин рая»	Тибетское
Аболи	Неизвестно	Неизвестно
Адай, Адаев, Адуева	Адия – «солнце»	Санскрит?
Азаров	Неизвестно	Неизвестно
Айдарханова	Алдар – «известность, слава»	Бурятское
Алакчей, Алактеевъ	?	?
Албазин, Албазинов	Неизвестно	Неизвестно
Алдар, Алдаровъ	Алдар – «известность, слава» ?	Бурятское ?
Алктей	Неизвестно	Неизвестно
Алхудай	Неизвестно	Неизвестно
Амба Жамсу Тумуевъ	Амба – «большой; огромный»	Т.-маньчжурское?
Ангу	Неизвестно	Неизвестно
Арбитовъ	Неизвестно	Неизвестно
Аргиева	Неизвестно	Неизвестно
Ария, Арияевъ	Арья – «святой»	Санскрит
Арсалонъ	Арсалан – «лев»	Тюркизм
Асуранъ	Неизвестно	Неизвестно
Аю	Неизвестно	Неизвестно
Аялхай	Аялха(й) – «путешественник»	Бурятский апеллятив

Выводы. Таким образом, несомненную актуальность представляет как специальную исследование тибетских имён в историческом антропонимиконе хори-бурят, так и установление значения иноязычных (т. е. до-тибетских)

личных имён типа Алагчи, Алакчей, Азаров, Гонжодхой, Иркету, Жирантай, Сагаандай, Но-гоондой, Наянтай, Халза, Шаралдай, Шара, Улукчин, Тумурхен, Тумутей, языковое происхождение которых ещё предстоит изучить.

Список литературы

1. Алдарова Н. Б. Из охранных имён бурят // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1976. С. 69–84.
2. Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 216 с.
3. Бадмаева Л. Б. Антропонимы в бурятской летописи В. Юмсунова // Исследования по ономастике Прибайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1990. С. 79–89.
4. Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: РАН СО Бурят. ин-т общественных наук, 1995. 199 с.
5. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб.: Императорская академия наук, 1799. Ч. IV. 446 с.
6. Горбаневский М. В мире имён и названий. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Знание, 1987. 207 с.
7. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 622 с.
8. Жамсаранова Р. Г. Этнонимы и генонимы хор-бурят: лингво-историческое исследование. Чита: ЧитГУ, 2009. 228 с.
9. Жамсаранова Р. Г. Явления конвергенции и трансференции в лексике бурятского и селькупского языков // Вестник Томского государственного педагогического университета: Вестник ТГПУ. 2011. Вып. 3, № 3. С. 140–147.
10. Жуковская Н. Л. Заметки о монгольской антропонимии // Ономастика Востока. М.: Наука, 1980. С. 9–16.
11. Митрошкина А. Г. Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
12. Митрошкина А. Г. Личные имена бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. 200 с.
13. Мунхбат Д. Паломничество монголов: традиции и современность // Народы и религии Евразии. 2018. Т. 15, № 2. С. 79–84.
14. Рассадин В. И. О тюркизмах в бурятском языке // К изучению бурятского языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. С. 129–134.

15. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 117 с.
16. Румянцев Г. Н. Архив засак-ламы Г. Гомбоева. Улан-Удэ: Изд-во БКИ, 1959. 57 с.
17. Тумунов Ж. Т. История Аги (1648–1917 гг.). Чита: Экспресс-изд-во, 2006. 203 с.
18. Ухтомский Э. Из области ламаизма. К походу англичан в Тибет. СПб.: Восток, 1904. 129 с.
19. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные: историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.

Статья поступила в редакцию 16.05.2018; принята к публикации 20.07.2018

Библиографическое описание статьи

Жамсаранова Р. Г., Будаева Н. Ч. Тибетская антропонимия рода Зун-Хуацай хори-бурят // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 98–107. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-98-107.

Raisa G. Zhamsaranova¹,

*Doctor of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: rebeca_zab@mail.ru*

Namsalma Ch. Budayeva²,
Aspirant,

*Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: budaeva41@mail.ru*

The Tibet antroponymic system of Zun-Khuatsai as One of the Clans of Khori-Buryat

The article deals with the analysis and overview of the Tibet antroponymic corpus of Zun-Khuatsai clan extracted from archival documents (revizskiye opisi) of Zabaikalsky State Archive. The documents where all the historical proper names of clan Zun-Khuatsai are collected were not exposed and described in onomastics, especially in order to establish their ethnic and linguistic origin. It's well known that the eastern group of Buryat has mainly the names of Tibeto-Mongolian linguistic origin, that is explained by the influence by Buddhism as the main religious belief of Mongol and Buryat from the XVI-th century. The article presents a brief review of the personal notes of the zasak-lama G. Gomboyev, that were introduced into the scientific circulation by G. N. Rumyantsev in the work "The archives of zasak-lama G. Gomboyev". This work is of certain value in the understanding of some facts of the history of Buddhism in Buryatia and Transbaikalye region. The investigation of the revision lists of the Buryats as a non-Russian population of 1830–1831 years, namely the Zun-Huatsai klan, made it possible to ascertain the presence of Tibet names in a quantitative and qualitative sense. The analysis of the corpus of antroponymic proper names of Tibet origin is investigated by comparative and descriptive methods. Also the historical names are presented with the implicit semantics. Such names are not much enough, but their existence is able to prove of any substrate ethnic elements in the ethnic history of Buryat.

Keywords: antroponym, Zun-Khuatsai clan, revizskiye opisi, Aginsk Steppe Duma, implicit semantics of the names, Tibet origin names

References

1. Aldarova, N. B. From security names of Buryat. Onomastika Buryatii. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 1976. (In Rus.)
2. Badmayeva, L. B. Language of the Buryat chronicles. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 2005. (In Rus.)
3. Badmayeva, L. B. Antroponyms in the Buryat chronicle by V. Yumsunov. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 1990. (In Rus.)
4. Buryat chronicles. Chimitdorzhiev, Sh. B., Vanchikova, Ts. P., sost. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 1995. (In Rus.)
5. Georgi. The description of all people living in the Russian state. Ch.IV. SPb: Imperatorskaya Akademiya Nauk. 1799. (In Rus.)

¹ R. G. Zhamsaranova the main author, the initiator of the investigation, formulates the results and describes the empirical results of the scientific analysis of the archive document.

² N. Ch. Budayeva provided the results of search work with the archive document.

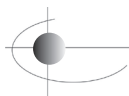

6. Gorbanevskiy, M. In the world of names and names. M: Znaniye. 1987. (In Rus.)
7. Dolgikh, B. O Patrimonial and breeding structure of the people of Siberia in the 17th century. M: Akad. nauk SSSR. 1960. (In Rus.)
8. Zhamsaranova, R. G. Ethnonyms and genonims of Khori-Buryat: lingvo-historical research: scientific edition. Chita: ChitGU. 2009. (In Rus.)
9. Zhamsaranova, R. G. The phenomena of convergence and a transference in lexicon of the Buryat and Selkup languages. Vestnik TGPU, no. 3, vol.105, pp.140–147. (In Rus.)
10. Zhukovskaya N. L. Notes about the Mongolian antroponimiya. Onomastika Vostoka. M: Nauka. 1980: 9–16. (In Rus.)
11. Mitroshkina, A. G. Buryat antroponimiya. Novosibirsk: Nauka, 1987. (In Rus.)
12. Mitroshkina, A. G. Personal names of Buryat. Ulan-Ude: BGU. 2013. (In Rus.)
13. Munkhbat, D. Pilgrimage of Mongols: traditions and present. Peoples and religions of Eurasia, t. 15, no. 2, pp. 79–84, 2018. (In Rus.)
14. Rassadin, V. I. About tyurkizms in the Buryat language. To the study of Buryat language. Ulan-Ude, 1969: 129–134. (In Rus.)
15. Rassadin, V. I. The Mongol-Buryat loans in the Siberian Turkic languages. M: Nauka. 1980. (In Rus.)
16. Rumyantsev, G. N. Archive of a zasak-lama of G. Gomboyev. Ulan-Ude: BKL. 1959. (In Rus.)
17. Tumunov, Zh. T. The history of Aga (1648–1917). Chita: Ekspres-izdatelstvo, 2006. (In Rus.)
18. Ukhtomskiy, E. The history of Aga (1648–1917). SPb: Parovaya Skoropechatnya «Vostok», 1904. (In Rus.)
19. Tsydendambayev, Ts. B. Buryat historical chronicles and family trees: historical and linguistic research. Ulan-Ude: BKL, 1972. (In Rus.)

Received: May 16, 2018; accepted for publication July 20, 2018

Reference to the article

Zhamsaranova R. G. , Budayeva N. Ch. The Tibet Anthroponymic System of Zun-Khuatsai as One of the Clans of Khori-Buryat // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 98–107. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-98-107.

УДК 81

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-108-116

Лариса Николаевна Чернышева,
старший преподаватель,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
(119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76),
e-mail: l.n.chernysheva@inno.mgimo.ru

Лексикографическая фиксация терминологических неологизмов амхарского языка

В статье анализируются процессы, связанные с созданием новой лексики амхарского языка и её отражением в словарях. Традиционный способ фиксации неологизмов – включение их в толковые словари, но подготовка таких словарей требует длительного времени. Ускорить процесс актуализации языковых нововведений позволяют неологические словари. Вместе с тем сам факт лексикографической регистрации не даёт оснований для прогнозов относительно того, «приживутся» данные лингвистические нововведения в языке или нет. В условиях резкого увеличения объёма вводимой в речевой оборот терминологической лексики, как это было в Эфиопии в 80-е годы XX века, существенно возрастает роль словарей новых терминов, которые выполняют информационную, систематизирующую и учебную функции. Основными методами данного исследования стали лексико-семантический и лексикографический, а также сопоставительный анализ фактического материала, отобранного путём сплошной выборки из лексикографических источников, научных и публицистических текстов. По результатам анализа сделан вывод об отсутствии унификации словарных дефиниций терминологической лексики амхарского языка. Определены параметры оптимальной организации словарной статьи. Вопросы функционирования лексических единиц, установления эквивалентного соответствия между словами в разных языках актуальны не только для теоретических исследований, но и имеют большое прикладное значение, в частности, для преподавания родного и иностранного языка, перевода и т. д.

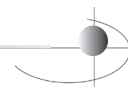
Ключевые слова: амхарский язык, лексикографическая фиксация, неологизмы, терминологическая лексика, лексикографические источники

Введение. Пополнение лексического состава языка – непрерывный процесс. Традиционный способ фиксации нового слова – включение его в толковые словари. Однако путь от появления новой лексемы до её лексикографического описания достаточно длительный, прежде всего, в связи с тем, что составление толковых словарей, их подготовка к изданию требуют значительного времени. Вместе с тем, как показывает практика, не вся новая лексика отражается в словарях, даже в ситуации, когда их издание является регулярным. В этих условиях возрастает роль неологических словарей, которые позволяют достаточно быстро отобразить диалектику языковых преобразований, дополняя уже существующие лексикографические источники. Специальные лексические единицы, принадлежащие одной или нескольким областям знаний или деятельности, формируют словник терминологических словарей, которые по основной своей функции являются учебными.

Процессы, связанные с появлением неологизмов в языке, активизируются на фоне развития науки, изменения психологии людей, условий их жизни и быта. Новая лексика создаётся не только для обозначения ранее

неизвестных явлений и понятий, но и для более точного или экономного выражения мысли существующими средствами языка. Хотя создание новых слов на первом этапе носит стихийный характер, процессы динамики языка не исключают возможности сознательного воздействия на него с целью упорядочивания употребления языковых единиц в устной и письменной речи, что особенно важно для профессиональной коммуникации. Учёные-лингвисты, привлекаемые к этой работе, не только фиксируют изменения, происходящие в языке, но и формулируют возможные тенденции его развития. Выводы учёных, как правило, учитываются при выработке языковой политики, действующей на определённом этапе развития общества и, в свою очередь, влияющей на развитие языка.

Методология и методы исследования. Объект данного исследования связан с особенностями описания неологизмов в амхарских словарях. Предметом исследования являются терминологические неологизмы амхарского языка. Теоретической базой послужили труды таких отечественных учёных, как Л. В. Щерба («Опыт общей теории лексикографии»), В. В. Виноградов («Лекси-

кология и лексикография»), В. В. Морковкин («Основы теории учебной лексикографии»), С. В. Гринёв («Введение в терминологическую лексикографию»), А. С. Герд («Основы научно-технической лексикографии»), В. В. Дубичинский («Теоретическая и практическая лексикография»), Ю. Д. Апресян («Интегральное описание языка и системная лексикография»), В. М. Лейчик («Терминоведение: предмет, методы, структура»), Ю. Н. Марчук («Основы терминографии»), В. П. Берков («Вопросы двуязычной лексикографии») и др.

Методологической основой исследования является лексико-семантический и лексикографический, а также сопоставительный анализ фактического материала, отобранного путём сплошной выборки из лексикографических источников, научных и публицистических текстов. Лексико-семантический анализ применяется с целью выявления и описания значения слова, определения сферы и частоты его употребления (терминологическая лексика; неологизм). Лексикографический анализ рассматривается как вид функционального анализа, направленного на исследование лексикографического слова (словарной статьи)¹. Сопоставительный анализ помогает определить межъязыковые соответствия, наличие структурно-семантического сходства, общности значений слов, зафиксированных в двуязычных словарях в качестве лексических соответствий.

Цель данной работы заключается в исследовании проблематики, связанной с лексикографическим представлением терминологических неологизмов амхарского языка в словарях разного типа. В ходе исследования были решены следующие задачи: терминологические неологизмы амхарского языка рассмотрены как объект лексикографирования; проанализированы способы лексикографического описания терминологической лексики амхарского языка; зафиксировано отсутствие унификации словарных дефиниций терминологической лексики амхарского языка; определены параметры оптимальной организации словарной статьи.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые предпринимается попытка проанализировать практику регистрации в словарях терминологических неологизмов амхарского языка с точки зрения науки лексикография и определить наиболее

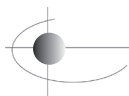
приемлемые способы лексикографического описания терминов.

Вопросы функционирования лексических единиц, установления эквивалентного соответствия между словами в разных языках актуальны не только для теоретических исследований, но и имеют большое прикладное значение, в частности для преподавания родного и иностранного языка, перевода и т. д. Унификация композиции и ссылочного аппарата терминологических словарей позволяет пользователям не испытывать проблем при работе с разными словарями.

Результаты исследования и их обсуждение. Становление научно-технического и общественно-политического вокабуляра амхарского языка пришлось на 80-е годы прошлого века, когда после смены правящего монархического режима одним из приоритетных направлений проводимой в стране языковой политики стала разработка и популяризация понятийного аппарата ряда естественных наук, а также номинация новых политических реалий [2; 7]. При активной поддержке правительства к реализации намеченных целей были привлечены лингвисты и специалисты различных отраслей знаний. Ответственность за практическое выполнение поставленных задач легла на Академию языков народов Эфиопии. Это был первый опыт целенаправленной разработки и введения в речевую коммуникацию значительного объёма новой лексики. Усилия, предпринимаемые в этом направлении ранее, не были столь масштабны и не носили систематического характера [13; 14]. Процесс номинации новых понятий и явлений, как правило, связанных с достижениями мировой научно-технической мысли, в предшествующий период по сути своей был стихийным, языковые инновации создавались отдельными индивидами, а их освоение затруднялось не только отсутствием словарной фиксации, но и почти полной неграмотностью населения страны. Поэтому в соответствии с политикой государства разработку и внедрение создаваемой на амхарском языке терминологии необходимо было проводить параллельно с приобщением людей к грамоте, и отражение лексических новообразований в словарях стало приоритетной задачей.

Реализуя намеченные правительством цели, Академия языков народов Эфиопии подготовила и опубликовала ряд справочных изданий – двуязычных и одноязычных словарей. Первые, как правило, англо-амхарские терминологические словари, включали

¹ Тарланов З. К. Методы и принципы лингвистического анализа: учеб. пособие. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. – С. 30.

специальную лексику избранной предметной области. Вторые, толковые словари, объясняли значение новых лексических единиц средствами амхарского языка и содержали определённые исторические, этимологические и энциклопедические сведения о представленных в них словах¹. Особое место отводилось тематическим словарям с иллюстрациями, облегчающими процесс понимания и запоминания новых слов.

Действия, предпринятые Академией по разработке и лексикографической фиксации терминов амхарского языка, способствовали решению многих актуальных на тот период задач. Вот некоторые из них:

- систематизация и унификация существующей и вводимой в научный оборот терминологической лексики;
- создание базы для реализации образовательных программ правительства;
- повышение уровня грамотности и вовлечение граждан в политическую жизнь страны;
- распространение научно-технического знания среди широких слоёв населения;
- развитие амхарского и усиление его позиций как языка межнационального общения в полиэтническом государстве.

В связи с тем, что на момент создания новой терминологии обучение на амхарском языке велось только в начальной школе, а в средней и высшей – на английском, в стратегической перспективе правительством предусматривался перевод всей системы образования на амхарский язык. Эта цель обосновывалась объективно существующей ситуацией, которая заключалась в том, что большинство населения страны не владело английским языком.

Языковые единицы создавались в строгом соответствии с научным подходом к конструированию лексических новообразований терминологического характера, поэтому опыт, накопленный в ходе этой деятельности, представляет большую ценность [10; 11; 15]. Было разработано более 15 тыс. научных и технических терминов, которые предстояло освоить, и их фиксация в специальных словарях выполняла не только информационную функцию, но и систематизирующую, и учебную. Новая лексика сначала была представлена в отраслевых (тематических) словарях по 13 дисциплинам – ботанике, зоологии, химии, геологии, географии, математике, медицине/фармацевтике, физике, статистике, электромеханике, сельскому хозяйству,

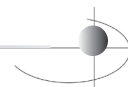
диетологии, строительному делу, – а позднее включена в изданный Академией языков народов Эфиопии англо-амхарский словарь научно-технических терминов. Так как в Эфиопии в рассматриваемый период широкое распространение получили работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина, в 1986 году был выпущен толковый словарь для изучения марксизма-ленинизма. Параллельно с этим с конца 70-х годов прошлого века в Академии велась работа по созданию толкового словаря амхарского языка, над которым трудился коллектив из 18 авторов. К 1997 году словарь был готов к печати, однако руководство Научно-исследовательского центра по изучению языков народов Эфиопии² предложило подготовить электронную версию и доработать словарь, включив в него иллюстрации. Таким образом, он был опубликован только в 2000 году.

В настоящее время составлением и изданием словарей в рамках существующих государственных программ занимается Центр лексикографии, терминологии и перевода, являющийся структурным подразделением Академии языков и культур народов Эфиопии. Новая языковая политика, сформулированная после очередной смены общественно-политического строя в 1991 году и предусматривающая возможность для населения многонациональной Эфиопии получать образование и вести делопроизводство на родном языке, привела к смещению акцентов с амхарского на развитие местных языков (создание алфавитов для бесписьменных языков, составление дву- и многоязычных словарей). В настоящее время сотрудники Центра готовят к публикации пять трёхязычных словарей, среди которых зай-амхарско-английский словарь, моситтача-амхарско-английский словарь и другие. Идёт также работа над созданием четырёхязычного зай-оромо-амхарско-английского словаря. По разным оценкам, число носителей языка зай, который принадлежит к южной ветви эфиосемитских языков, составляет от 4 до 14 тыс. чел., а моситтача (кушитская языковая группа) – от 1,5 до 6 тыс. человек. Безусловно, всё, что делается в этом направлении, крайне важно, так как из приблизительно 80 различных языков народов Эфиопии 28 отнесены ЮНЕСКО к языкам, находящимся под угрозой исчезновения [12, с. 9].

Вместе с тем реализация существовавших ранее программ по развитию амхарского языка почти полностью была приостановле-

¹ Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. – М.: Наука: Флинта, 2008. – С. 133.

² До 1997 г. – Академия языков народов Эфиопии; с 2010 г. – Академия языков и культур народов Эфиопии.

на, что не могло не сказаться негативно на выполнении им коммуникативной функции, на уровне владения языком в стране в целом и на перспективах реализации планов по переходу на обучение на амхарском языке в средней и высшей школе [4, с. 112–114]. Единственное, что сейчас планирует Центр, – переиздать толковый словарь амхарского языка и подготовить англо-амхарский словарь по общественным наукам. Этого явно недостаточно, так как стихийные процессы создания новой лексики нуждаются в координации, а уже разработанные научно-технические термины – в дальнейшем освоении, что может быть полезным при составлении учебных пособий, поскольку обучение на родном или знакомом языке облегчает восприятие учебного материала.

О том, что эта проблема актуальна для современного амхарского языка, свидетельствуют следующие примеры. Лексические единицы для передачи одного и того же понятия в разных словарях часто не совпадают, даже когда речь идёт о терминах. В 80-е годы в рамках программы по модернизации амхарского языка, кроме прочих, были разработаны такие терминологические неологизмы, как *məsɛrɛtɛ ləmat* – «инфраструктура»; *tahtay mōwaqər* – «базис»; *wəg aṭbaqi* – «консерватор»; *ʃənfɛfīña* – «экстремист»; *ʃənfawinnɛt* – «экстремизм»; *gənbər qəddəm* – «авангардный»; *təntənawī jometri* – «аналитическая геометрия»; *sənɛ bəllət* – «анатомия»; *sənɛ həuwət* – «биология»¹. Эти значения зафиксированы в следующих словарях: марксистско-ленинской терминологии², кратком словаре общественно-политической лексики Зденека Полачека, Мэлаку Аззэнэ и Тамрата Тесфайе (далее Полачек)³, в словаре научно-технических терминов⁴, в изданном в 2006 году толковом словаре амхарского языка Бахру Зэргаву Гызау (далее Бахру)⁵.

Однако в амхарско-английском словаре Томаса Л. Кейна (далее Кейн) термин *tahtay mōwaqər* переводится не как *basis* – «базис»,

а как *infrastructure* – «инфраструктура»⁶. Это значение у Полачека, например, даётся с пометой «редко». В англо-амхарском словаре «Пауэр» Давида Мэргия и Лэггэсэ Гэлэта (далее «Пауэр») и *məsɛrɛtɛ ləmat*, и *tahtay mōwaqər* соотносятся с английским термином *infrastructure* «инфраструктура»⁷. Что касается неологизма *wəg aṭbaqi*, то словарь «Пауэр» приводит его в качестве переводного эквивалента двух английских терминов: *conservative* – «консерватор» и *fanatic* – «фанатик»⁸. По мнению В. В. Дубичинского, «...определяющим в вычленении значений слова всё же является не его семантическая структура во входном языке, а ориентированность на семантическую специфику выходного языка»⁹. Кембриджский толковый словарь английского языка с пометой «неодобрительно» определяет термин *fanatic* следующим образом: «человек, являющийся приверженцем крайних взглядов, которые могут побудить его к совершению насильственных действий»¹⁰. В англо-русском словаре В. К. Мюллера *fanatic* – «фанатик, изувер»¹¹. С целью сравнения можно обратиться и к толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «фанатик» – «человек, до иступления преданный своей религии, вере»¹². Принимая во внимание, что *wəg* означает «традиция, обычай», а анализ контекстов употребления слова *aṭbaqi* свидетельствует о том, что оно передаёт значение «верный», «благочестивый» (чаще всего, когда речь идёт о религии), можно сделать вывод, что словосочетание *wəg aṭbaqi* не несёт в себе ни негативной оценки, ни информации о степени преданности человека своей религии или идее. Это подтверждает и предложенное словарём Бахру толкование термина *wəg aṭbaqi*: *yəqədmown yəṭəntun wəg bahəl mɛlōwwəṭ yəmmayfəlləg yəqədmow bahəl əndallɛ əndiqoyu əndayəššašal əndayəllōwwəṭ yəmmifəlləg səw* – букв. «человек, не желающий изменять существовавшие ранее древние обычаи, традиции, культуру, желающий, чтобы прежняя культура сохранялась без преобразований, не совершенство-

⁶ Thomas Leiper Kane. Amharic-English Dictionary. – Wiesbaden, 1990. – P. 954.

⁷ Power. English-Amharic Dictionary by Dawit Mergia, Legesse Geleta. 2009. – P. 474.

⁸ Там же. – С. 165, 297.

⁹ Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. – М.: Наука: Флинта, 2008. – С. 106.

¹⁰ Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fanatic> (дата обращения: 15.05.2018).

¹¹ Мюллер В. К. Англо-русский словарь. – М., 1978. – С. 274.

¹² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2003. – С. 848.

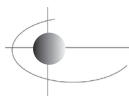
¹ Некоторые международные термины, уже функционирующие в языке (*jometri* – «геометрия», *kemistri* – «химия»), оставались без перевода, т. к. считались понятными и привычными.

² *Yəmarksizm leninizm mɛzɡɛbɛ qalat*. Kuraz asattami dərəjət. – Addis Abəba, 1986. – G. 47, 242, 403, 458, 473.

³ A Concise Sociopolitical Dictionary by Zdeněk Poláček, Melaku Azzene, Tamrat Tesfaye. – Wiesbaden, 1973. – P. 254.

⁴ Science and Technology Dictionary (English-Amharic). – Addis Abəba, 1996. – P. 11, 26.

⁵ *Zərgaw. Kəffətɛfīña yamarəfīña mɛzɡɛbɛ qalat*. – 2006. – G. 68, 429, 722, 891, 957.

валась, не менялась»¹. Вместе с тем, «Пауэр» даёт ещё одно переводное соответствие термина «фанатик» (англ. *zealot* «фанатический приверженец; фанатик»²): *qena'i* (*qen'a* – *be zealous*³ «быть рьяным, усердным; страстно желающим чего-л.»). В словаре Кейна термин *qena'i* также приводится в качестве эквивалента английского слова *zealot*⁴.

Амхарские аналоги терминов «анатомия» (англ. *anatomy*) – *sənɛ bəllət*, «аналитическая геометрия» (англ. *analytical geometry*) – *təntənawī jometri* либо отсутствуют в словарях, либо авторы рассматривают соответствующие единицы исходного языка как безэквивалентную лексику, требующую описательного перевода. В результате появляются весьма протяжённые, порой трудновоспроизводимые термины: «анатомия» – *yəsəwənnət kəfločč aṭṭi* – *букв.* «изучение частей тела человека»; «геометрия» – *sələ məsməročč yəzət məṭən ənnə gənəḥunnət yəmmiyaṭəna yəhisab təmhərt zərf* – *букв.* «раздел математики, изучающий содержание, величину (размер) и соотношение линий»⁵. Увеличение длины термина объясняется стремлением к точности выражения понятия, так как снижение степени многозначности термина напрямую связано с количеством составляющих его элементов [3]. В целом высокая частотность многокомпонентных терминологических единиц объясняется тем, что «...в момент создания терминов (в период первоначального наименования) их форма, как правило, является мотивированной» [5, с. 40].

Приведём ещё несколько примеров терминологических словосочетаний с большим количеством компонентов, предлагаемых в качестве переводных эквивалентов значения исходного слова, и сравним их с другими формами перевода данных лексических единиц в выходном языке.

Англо-амхарский словарь Даниэля Уорку Кассы (далее Даниэль):

Sophism – *əwnət yəmmimesl gən yəwəṣət kərəkkər* (lelawn ləmannadɛd)⁶.

Софизм – *букв.* «кажущаяся правильной, но на деле ложная аргументация (с целью

вызвать раздражение (гнев) у другого человека)».

Англо-амхарский словарь (Полачек):

Sophism – *andəbetəḥḥannet* (*andəbet* – «язык» + суф. со значением деятеля *-(ə)ḥḥa* + суф. имён с абстрактным значением *-(ə)nnət*)⁷.

Англо-амхарский словарь (Даниэль):

Feminism – *setočč kəwəndočč əkkul məbt yəsəṭaččəw yəmmiləw ənnət*⁸.

Феминизм – *букв.* «убеждение в необходимости предоставления женщинам равных прав с мужчинами».

Англо-амхарский словарь (Полачек):

Feminism – *ənəstawinnət* (*ənəst* – «женщина» + суф. относит. прил. *-awī* + суф. имён с абстрактным значением *-(ə)nnət*)⁹.

Англо-амхарский словарь (Даниэль):

Ballistics – *yəṭəwəṇčafi nəgəročč tənət sayəns*¹⁰.

Баллистика – *букв.* «наука, которая занимается изучением [движения] тел, брошенных в пространстве».

Англо-амхарский словарь научно-технических терминов:

Ballistics – (*bolistika*) *sənɛ təsfəntari* (*sən* – «-ология»¹¹ + *təsfəntari* – имя деятеля от глагола *təsfənəṭtə* – «быть брошенным») ¹².

Эти примеры свидетельствуют об отсутствии стандартизации и унификации терминологической лексики амхарского языка, а также о несоблюдении принципа преемственности при лексикографической фиксации терминов.

Необходимость унификации, прежде всего, касается терминологической лексики, используемой для передачи специального знания в процессе обучения. В англо-амхарском словаре Даниэля переводной эквивалент термина *geometry* – «геометрия» выглядит так: *ma'əzənət* (*sələ məsməročč gənəḥunnət sələ məṭən sələ yəzət yəmmiyaṭəna sayəns*) – *букв.* «углы (наука, изучающая со-

¹ Zergaw. *Kəffətəḥḥa yamarəḥḥa məzgebe qalat*. – 2006. – G. 722.

² Power. *English-Amharic Dictionary* by Dawit Mergia, Legesse Geleta. – 2009. – P. 855.

³ *Comperative Dictionary of Ge'ez (Classical Ethiopic)* by Wolf Leslau. – Wiesbaden, 1991. – P. 433.

⁴ Thomas Leiper Kane. *Amharic-English Dictionary*. – Wiesbaden, 1990. – P. 789.

⁵ Power. *English-Amharic Dictionary* by Dawit Mergia. – Legesse Geleta. – 2009. – P. 35, 360.

⁶ *Məṭ ስግሪዳፍክላ ልማዳፍክላ ማረጋገጫ ባለት*. – Addis Ababa, 2011. – G. 624.

⁷ A Concise Sociopolitical Dictionary by Zdeněk Poláček, Melaku Azzene, Tamrat Tesfaye. – Wiesbaden, 1973. – P. 438.

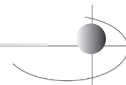
⁸ *Məṭ ስግሪዳፍክላ ልማዳፍክላ ማረጋገጫ ባለት*. – Addis Ababa, 2011. – G. 249.

⁹ A Concise Sociopolitical Dictionary by Zdeněk Poláček, Melaku Azzene, Tamrat Tesfaye. – Wiesbaden, 1973. – P. 208.

¹⁰ *Məṭ ስግሪዳፍክላ ልማዳፍክላ ማረጋገጫ ባለት*. – Addis Ababa, 2011. – G. 40.

¹¹ Слово *sən* – «гармония», «красота» – заимствовано из геэз (эфиопский язык), самостоятельно в амхарском языке не употребляется, является первым компонентом изафетной конструкции, по модели которой в современном амхарском языке создается большое количество новых терминов [8, с. 69, 70; 9, с. 318].

¹² *Science and Technology Dictionary (English-Amharic)*. – Addis Ababa, 1996. – P. 21.

отношение линий, величину (размер), содержание»)¹. В этом же словаре термины *biology* – «биология» и *chemistry* – «химия» имеют следующие переводные соответствия: *biology* – *həywət yallaččəw nəgəročč* букв. «всё живое»²; *chemistry* – 1) *kemistri* – «химия» 2) *məretən həwan həywət yallaččəwn nətɾe nəgər yəmmyaɬəna ɬənat* – букв. «наука, изучающая почву (землю), атмосферу (космос), живое вещество»; 3) *yand nətɾe nəgər kemikal qəɾʃ/yəzət* – «химическое строение/химический состав вещества»³. Данное описание термина *kemistri* – «химия» можно сравнить с тем, которое приводится в упоминавшемся выше толковом словаре амхарского языка: *ləyyu ləyyu nətɾe nəgəročč kəmən əndetəserru ərs bətsəččəw əndet liwwahadu əndəmmičəlunna bətsəlayyyu hunetawočč gize mən aynet ɬəbay əndəmmyasayyyu yəmmyaɬəna yəsəyəns zərf* – букв. «область научного знания о составе различных веществ, их способности вступать в реакцию друг с другом, о том, как вещества проявляют себя в различных условиях». Термин *giometry* «геометрия» здесь толкуется следующим образом: *yəməsməroččən yəma'əzənoččən yəwəlleloččən ɬəbay ənna zəmdənnə yəmmyaɬəna sayəns* – букв. «наука, изучающая свойства и соотношение линий, углов, плоскостей»⁵. Что касается термина *biology* – «биология», его наиболее часто встречающимся переводным соответствием в словарях амхарского языка, в учебной и научной литературе является *sənɛ həywoč*⁶.

Безусловно, каждый автор при переводе или описании того или иного иностранного слова опирается на собственный опыт, на личную когнитивную базу, учитывает национальную специфику семантики наименований предметов и явлений, стремится обеспечить адекватный перевод через поиск максимально сходных по значению межъязыковых соответствий. «Для переводчика необходимо владеть всем лексическим материалом языка, всем набором фоновых знаний, и количество этих фоновых знаний тем больше, чем больше расхождений между культурами»⁷. Однако особенность толкования или поиска

¹ Mərt ənglizəñña amarəñña mezgəbe qalat. – Addis Abeba, 2011. – G. 293.

² Там же. – С. 60.

³ Там же. – С. 116.

⁴ Amareñña mezgəbe qalat. – Addis Abəba: Addis Abəba Yuniversiti, 2000. – G. 388.

⁵ Там же. – С. 488.

⁶ Moggeṣe Aṣṣennafi. Yezeṣenawi sāne hāywoṭ mēseretawīyan [Электронный ресурс]. – Addis Ababa, 2010. – Режим доступа: <http://www.qps.ru/iPsDY> (дата обращения: 10.05.2018).

⁷ Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография. – Вена; Харьков, 1998. – С. 68.

дефиниции терминологической единицы заключается в том, что этот процесс требует от составителя словарей обладания знаниями в узкоспециализированных областях.

Что касается структуры словарной статьи, то наиболее оптимальную модель её построения демонстрируют следующие примеры, взятые из толковых и переводных словарей амхарского языка⁸.

Гырма Й. Гетахун. Дополнение к кратким амхарско-английским словарям:

■↑⌚ *qānona* – 1) canon; Ecclesiastical law – 2) repentance – 3) penance. ~ ⚡⌚, ~ *sāttā* – he imposed penance, shrived [TI–GC 44/23] – 4) [Mrx.] dogma⁹.

■↑☉ *qāṇona* – 1) канон; церковное право – 2) покаяние – 3) епитимья. ~ *ṣāṭṭā* – Он наложил епитимью, исповедовал [TI–GC 44/23] – 4) маркс. догма.

Словарная статья имеет следующую структуру: 1) заголовочное слово; 2) фонематическая транскрипция; 3) переводные эквиваленты; 4) иллюстративный материал (со ссылкой на источник); 5) функционально-стилевые пометы.

Иллюстративный материал в виде текста представляется важным, так как демонстрирует отсутствие неточностей, правильность истолкования слова и помогает лучше раскрыть его значение.

При описании терминов ключевой является проблема определения, проблема семантизации единиц словаря. В связи с этим, приемлемо разделить описание термина в толковых словарях на две части: системное определение термина и толкование. Последнее должно быть свободным по форме и доступным¹⁰.

Толковый словарь амхарского языка
Бахру:

⁸ Текст словарных статей набран графемами амхарского языка. В традиционной эфиопской транскрипции, которая приводится в данных словарях, фонема ϵ обозначается как ä.

⁹ Girma Y. Getahun. *Giyye's Advanced Supplement to Concise Amharic-English Dictionaries*. – Addis Ababa, 2016. – P. 109.

¹⁰ Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. – М.: Наука: Флинта, 2008. – С. 152.

¹¹ བཅོམ་ཆོས་ཀྱི་ལྷ་སྐུ་ལྷ་སྐུ་ — равноправные варианты одного слова. Несмотря на то, что བཅོམ་ཆོས་ཀྱི་ལྷ་སྐུ་ (ལྷ་སྐུ་) не является неологизмом, это первое доступное представление данного термина в толковых словарях, что даёт возможность сравнить включённые в разные словари и дополняющие друг друга в описании значения слова словарные дефиниции.

Лёгкие – имя сущ., парный орган, расположенный в грудной полости; орган, обеспечивающий насыщение крови кислородом и выводящий из организма углекислый газ.

Описание этого термина в другом толковом словаре амхарского языка дополнено иллюстрацией в виде рисунка, что помогает пользователю лучше понять и запомнить данную лексическую единицу:

Лёгкие – имя сущ., находящийся в грудной полости человека и животных орган дыхания, с помощью которого вдыхают и выдыхают воздух.

Таким образом, словарные статьи, взятые из двух толковых словарей, состоят из следующих элементов: 1) заголовочная единица; 2) краткая грамматическая характеристика заголовочной единицы; 3) научная дефиниция; 4) толкование; 5) иллюстративный материал.

Однако более полному раскрытию значения термина, как нам кажется, способствовало бы включение в словарную статью ещё и контекстуального определения.

Одна из основных задач любого национального языка заключается в обеспечении коммуникации во всех сферах жизни общества. Устранение неопределённости, связанной со значением новой лексической единицы, не только создаёт условия для её правильного функционирования в языке, но и облегчает передачу и восприятие информации в процессе общения. А. Вежбицкая подчёркивает необходимость «...употреблять простые, общепонятные слова...», «...чтобы объяснять сложные значения понятным образом» [1, с. 8]. Тем не менее, как показывает практика, лексикографическое описание языковой единицы часто не совпадает с представлениями, которые связаны с ней в сознании носителей языка. Даже в условиях правильного выявления значения слова конкретные субъекты по-разному формулируют воспринятый ими смысл. «Один и тот же результат познания одного и того же объекта или явления в виде некоторого значения или смысла разными людьми принципиально может быть обозначен (объективирован, вер-

бализован) в разной словесной форме» [6, с. 129].

В связи с этим показательно количество неологизмов, предлагаемых носителями амхарского языка для передачи понятий «вето», «право вето». На этапе модернизации амхарского языка были разработаны термины *dəmṣən bədəmṣ mēšar* – «вето» (букв. «головом блокировать [другой] голос») и *dəmṣən bədəmṣ yemēšar mēbt* – «право вето» (букв. «право блокировать [своим] голосом [другой] голос»). Они встречаются в ряде словарей в настоящее время (Кейн, Полачек, Даниэль) и используются корреспондентами крупных изданий, например, газеты “Riporter”, выходящей на амхарском языке. Некоторые журналисты предпочитают термин *vetō pawər*, образованный путём фонетической имитации исходного слова (англ. *vetō power*). Однако английским языком на хорошем уровне владеет небольшой процент населения страны, поэтому неудивительно появление следующих развёрнутых неустойчивых словосочетаний и даже целых предложений, которые, на взгляд их авторов, наиболее точно передают значение данного термина: *wəssañ qal* – букв. «решающее слово»; *yemēčērreša qal* – букв. «последнее слово»; *beras yemwəssen mēbt* – букв. «право на самостоятельное решение»; *vetō hayl* – букв. «сила вето»; *wəssaneww bəmannəññaww aynst mēnged šarə* – букв. «любым способом блокировать решение». Словарь «Пауэр» к слову «вето» предлагает другое переводное соответствие *yemageja dəmṣ* – букв. «запрещающий (блокирующий) голос»³.

Заключение. Приведённые выше примеры свидетельствуют о том, что термино-система амхарского языка всё ещё пребывает в состоянии становления. Большинство неологизмов, появившихся в конце XX века, закрепились в языке, и словари фиксируют эту ситуацию. Однако далеко не вся научно-техническая, а также общественно-политическая лексика унифицирована, что приводит к избыточной синонимии, создающей определённые сложности при выборе нужного варианта языковой единицы и, как следствие, затрудняет коммуникацию. Современная словарная фиксация языковых инноваций в значительной степени способствует решению этой проблемы при условии, что толкование новых слов и определение их переводных соответствий в других языках осуществляется на базе принципов

¹ Zergaw. Keffəteñña yamarəñña mezgebe qalat. – 2006. – G. 197.

² Amarañña mezgbe qalat. – Addis Ababa: Addis Ababa Yuniversiti. 2000. – G. 133.

³ Power. English-Amharic Dictionary by Dawit Mergia, Legesse Geleta. – 2009. – P. 1009.

и методов лексикографирования. С учётом безусловной значимости субъективного фактора при составлении словарей важна преемственность, опора на уже существующий лексикографический опыт и традиции.

В этом случае словарь может реализовать возложенную на него функцию «...авторитетного советчика для пользователей...», стать «...надёжным гидом в различных областях общественного знания»¹.

Список литературы

1. Вежицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2. С. 6–34.
2. Завадская Е. П. Некоторые особенности становления и функционирования общественно-политической терминосистемы в амхарском языке // Филологические науки. 2000. № 3. С. 15–23.
3. Кудинова Т. А. Структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов в подъязыке биотехнологии: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Орёл, 2006. 245 с.
4. Культурно-языковые процессы в Африке / М. Р. Урб, А. Р. Фаттахова, Р. Т. Юзмухаметов [и др.]. М.: Ключ-С, 2017. 232 с.
5. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.
6. Маклакова Е. А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2013. 367 с.
7. Чернышева Л. Н. Роль внешнего фактора в развитии терминологической лексики амхарского языка // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 64–69.
8. Чернышева Л. Н. Некоторые аспекты именного словообразования в современном амхарском языке // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 2. С. 68–74.
9. Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки / М. С. Булах [и др.]. М.: Academia, 2013. 624 с.
10. Alemayehu Haile. The Activities and Achievements of the Mathematics Panel, Proceeding of the International Seminar of Terminology. Addis Ababa, 1987. Pp. 21–24.
11. Amsalu Akililu. The Linguistic Theory and Methodology of the Science and Technology Terms Translation Project, Proceeding of the International Seminar of Terminology. Addis Ababa, 1987. Pp. 14–20.
12. Erika Harlow. Phonology of Mosiye: MA in Linguistics thesis [Электронный ресурс]. Langley: Trinity Western University, 2016. Pp. 9–158. Режим доступа: http://www.canil.ca/wordpress/wp-content/uploads/2016/09/Harlow_Erica_final-thesis.pdf (дата обращения: 20.05.2018).
13. Ermias Dagne, Demisu Gemedu. The Amharic Science and Technology Project, Proceeding of the International Seminar of Terminology. Addis Ababa, 1987. Pp. 7–13.
14. Yusuf Omer Abdi. Remarks on UNFSSTD's Experiment of the Modality of Funding Research Projects Through Government Agencies: The Case of the Ethiopian Science and Technology Capacity Development Project, Proceeding of the International Seminar of Terminology. Addis Ababa, 1987. Pp. 33–36.
15. Zdeněk Poláček. Some Theoretical Questions of Political and Social Terminology in Amharic, Proceeding of the International Seminar of Terminology. Addis Ababa, 1987. Pp. 29–32.

Статья поступила в редакцию 07.06.2018; принята к публикации 30.08.2018

Библиографическое описание статьи

Чернышева Л. Н. Лексикографическая фиксация терминологических неологизмов амхарского языка // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 108–116. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-108-116.

Larisa N. Chernysheva,

Senior Lecturer,

Moscow State Institute of International Relations (University)

of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

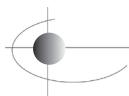
(76 Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia),

e-mail: l. n. chernysheva@inno.mgimo.ru

Lexicographical Fixation of Amharic Terminological Neologisms

The article analyzes the processes connected with lexicographical registration of newly-coined words in Amharic. The traditional way of fixing neologisms is to list them in explanatory dictionaries. Neological dictionaries help to actualize the use of linguistic innovations. Terminological dictionaries perform informational, systematizing

¹ Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография. – Вена; Харьков, 1998. – С.16.

and educational functions. At the same time, the very fact of lexicographical registration does not give grounds for predictions whether these linguistic innovations "will survive" in the language or not. The role of dictionaries significantly increases when a large number of newly-coined terms are added to the language, as it was in Ethiopia in the 1980s. The research methods for the study are lexico-semantic and lexicographic, as well as a comparative analysis of the material selected by a continuous sample from lexicographic sources, scientific and journalistic texts. Based on the results of the study, we conclude that there is a lack of terminology unification in Amharic dictionaries. We also give the examples of optimal dictionary entries preparation. The issues of lexical units functioning and the correspondence between words in different languages are not only relevant for theoretical research but also have great practical importance, in particular for teaching native and foreign languages, translation, etc.

Keywords: the Amharic language, lexicographical fixation, neologisms, terminology, lexicographical sources

References

1. Vezhbitskaya, A. Russian Cultural Scripts and their Reflection in the Language. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshhenii*, no. 2 (4), pp. 6–34, 2002. Web: 15.03.2018. <http://www.ruslang.ru/doc/rjano04.pdf>. (In Rus.)
2. Zavadskaya, E. P. Some Features of the Formation and Functioning of Socio-political Terminology in Amharic. *Filologicheskie nauki. Sbornik nauchnykh trudov*, no. 3 (18), pp. 15–23, 2000. (In Rus.)
3. Kudinova, T. A. Structural and Semantic Features of Multicomponent Terms in the Sublanguage of Biotechnology: on the Material of Russian and English Languages: PhD in Phil. diss. Oryol, 2006. Web: 10.01.2018. <http://www.dissercat.com/content/strukturno-semanticheskie-osobennosti-mnogokomponentnykh-terminov-v-podyazyke-biotekhnologii> (In Rus.)
4. Languages of the World: Semitic Languages. Ethiosemitic Languages. M: Academiya, 2013. (In Rus.)
5. Leichik, V. M. The Science of Terminology: Subject, Methods, Structure. M: LKI, 2007. Web: 25.03.2018. <http://padaread.com/?book=54503&pg=2> (In Rus.)
6. Maklakova, E. A. Theoretical Principles of Seme-semasiology and Lexicographical Description of Linguistic Units (on the Material of Names of Persons of Russian and English Languages): Dr. phil. sci. diss. Voronezh, 2013. Web: 25.03.2018 <http://kniga.seluk.ru/k-jazykoznanie/641327-1-maklakova-elena-albertovna-teoreticheskie-principi-semnoy-semasiologii-leksikograficheskoe-opisanie-yazikovih-ed.php>. (In Rus.)
7. Chernysheva L. N. The Influence of the External Factors on the Development of Terminology in Amharic. *Gumanitarnyj vector*, vol. 12, no. 2, pp. 64–69, 2017. (In Rus.)
8. Chernysheva L. N. Some Aspects of Nominal Word Formation in Modern Amharic. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, no. 2 (14), pp. 68–74, 2018. (In Rus.)
9. Languages of the world: Semitic languages. Ethi-Semitic languages. Bulakh, M. S, Kogan, L. E. M: Academia, 2013. (In Rus.)
10. Alemayehu Haile. The Activities and Achievements of the Mathematics Panel, Proceeding of the International Seminar of Terminology. Addis Ababa: 16–18 June 1987: 21–24. (In Engl.)
11. Amsalu Akililu. The Linguistic Theory and Methodology of the Science and Technology Terms Translation Project, Proceeding of the International Seminar of Terminology. Addis Ababa: 16–18 June 1987: 14–20. (In Engl.)
12. Erika Harlow. Phonology of Mosiye: MA in Linguistics thesis. Trinity Western University, 2016. Web: 20.02.2018 https://www.canil.ca/wordpress/wpcontent/uploads/2016/09/Harlow_Erica_final-thesis.pdf (In Engl.)
13. Ermias Dagne, Demisu Gameda. The Amharic Science and Technology Project, Proceeding of the International Seminar of Terminology. Addis Ababa: 16–18 June 1987: 7–13. (In Engl.)
14. Yusuf Omer Abdi. Remarks on UNFSST's Experiment of the Modality of Funding Research Projects through Government Agencies: The Case of the Ethiopian Science and Technology Capacity Development Project, Proceeding of the International Seminar of Terminology. Addis Ababa: 16–18 June 1987: 33–36. (In Engl.)
15. Zdeněk Poláček. Some Theoretical Questions of Political and Social Terminology in Amharic, Proceeding of the International Seminar of Terminology. Addis Ababa: 16–18 June 1987: 29–32. (In Engl.)

Received: June 7, 2018; accepted for publication August 30, 2018

Reference to the article

Chernysheva L. N. Lexicographical Fixation of Amharic Terminological Neologisms // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 108–116. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-108-116.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в следующих жанрах:

Жанр	Минимальный объём
Статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
3. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, если автор статьи – аспирант.
4. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК.

Имя, отчество, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация: 150–200 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи: актуальность, методы, выводы исследования. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи, содержащий следующие блоки: введение, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 15 источников, в том числе не менее 5 зарубежных источников. Литература на иностранных языках должна следовать за литературой на русском языке.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются источниками, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Самоцитирование допускается в объёме не более 20 % от общего количества источников в списке литературы.

Объём цитирования в статье должен составлять не более 30 % от общего объёма статьи.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ

Рабочие языки: русский и английский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое поля – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например, *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например, *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например, *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции:

672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129. Забайкальский государственный университет. Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь:

Седина Елена Витальевна,
Блажевская Ирина Николаевна.
Тел. +7(3022) 35-24-79, e-mail: zab-nauka@mail.ru